

Денис Вишневский, Сергей Паскевич
Чернобыль. Реальный мир

Текст предоставлен правообладателем. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602115
«Паскевич С. А. Чернобыль. Реальный мир»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46150-9

Аннотация

Самая правдивая и при этом самая необычная книга о чернобыльской зоне. Реальный мир без прикрас сенсационно интереснее придуманного. Авторы, постоянно живущие в Чернобыле и изучающие природу происходящих в нем явлений, раскрывают перед нами грани аномальной зоны с совершенно нового угла. Кто и как там живет, что растет и как гибнет, зачем приезжают сталкеры и почему их делят на игроманов и добытчиков. Непридуманные истории закрытой зоны, прогулки по реальным локациям игры «STALKER», настоящие LOST PLACES и подробности аварии от самых авторитетных современных авторов на чернобыльскую тематику. Это настоящий РЕАЛЬНЫЙ мир самой ИГРОВОЙ зоны в России!

Сергей Паскевич, Денис Вишневский
Чернобыль. Реальный мир

Вместо предисловия

Катастрофа на Чернобыльской АЭС, произошедшая 26 апреля 1986 года, несомненно является одним из самых резонансных событий конца XX века. По предполагаемому количеству людей, погибших и пострадавших в результате радиоактивного загрязнения среды, по географии зараженных территорий и масштабам нанесенного экономического ущерба эксперты оценивают эту аварию как крупнейшую за всю историю ядерной энергетики. Однако с течением времени острота переживаний, связанных с ней, стирается, вспоминают об аварии и ее жертвах все реже... Плохо это или хорошо, но катастрофа на Чернобыльской АЭС стала частью нашей истории и, естественно, у нового поколения она не вызывает тех переживаний и ассоциаций, что и у современников.

Тем более удивительно, что спустя 20 лет такие понятия, как «зона отчуждения», «четвертый блок», «Припять», «Чернобыль» и «радиоактивное загрязнение», вновь оказались в поле интереса людей и преимущественно молодых. Дело в том, что в марте 2007 года компания GSC Game World выпустила компьютерную игру «S.T.A.L.K.E.R.: Тень Чернобыля». События этой игры-стрелялки разворачиваются как раз на территории зоны отчуждения Чернобыльской АЭС.

Популярная игра, естественно, породила интерес к реальным прототипам виртуального мира – «настоящей» зоне отчуждения. То, как большинство людей представляет эту зону, можно назвать набором мифов, весьма далеких от реальности. Это вполне объяснимо характером катастрофы – радиация не видна, а опасность, которую она несет, малопонятна. Даже ученые до сих пор не имеют единой и непротиворечивой картины тех событий и их последствий, ну, а само появление зоны отчуждения для многих является зловещим знаком. Естественно, все вместе рождает в умах людей необъяснимый страх, а все, что мы не можем понять, но хотим объяснить, мы мифологизируем.

Средства массовой информации лишь подливают масла в огонь: тиражируют укоренившиеся легенды о «зоне смерти», «выжженной земле» и «расплодившихся мутантах». Попытка довести до широкого круга людей истинное положение дел с помощью проведения пресс-туров на место аварии помогла, но не слишком. Стандартный визит в зону отчуждения включает посещение ЧАЭС, города Припяти, нескольких предприятий Зоны отчуждения или «самоселов». Излишне говорить, что этих впечатлений и информации слишком мало для того, чтобы получить объективное представление о зоне отчуждения.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена реальной зоне отчуждения. Авторы ставили перед собой задачу ясно и доступно описать это место, причины его появления и связанные с этим драматические события. Мы попробуем рассказать о современной Чернобыльской зоне, ее уникальных, малознакомых широкой общественности объектах и, главное, о людях. Людях, оставшихся или возвратившихся после эвакуации и живущих своей жизнью в зоне отчуждения, – «самоселах». А также о людях, для которых Чернобыльская зона стала разновидностью интересного и привлекательного экстремального туризма – «сталкерах». Мы постараемся понять, чем же так притягательна для них зона отчуждения.

Чернобыльская зона отчуждения – одно из самых загадочных и неисследованных мест нашей планеты. Ее уникальность связана как с причиной возникновения, так и с объектами, которые находятся внутри тридцатикилометрового охранного периметра.

То, что Чернобыльская зона отчуждения появилась вследствие взрыва ядерного реактора атомной электростанции, знают все. Потому и воспринимают ее как место радиационного апокалипсиса. Да и сама катастрофа надолго скомпрометировала тезис о безопасности атомной энергетики для окружающей среды и человека. О какой безопасности может идти речь, если только из одного разрушенного реактора вылетело столько опасных веществ, что пришлось экстренно эвакуировать административный район размером с небольшую европейскую страну? Кстати, создание зоны отчуждения вокруг ЧАЭС не имеет аналогов ни по оперативности, ни по количеству отселенных жителей, которых пришлось эвакуировать вследствие техногенной катастрофы.

Этот массовый исход человека с обжитых территорий, назовем его так, по историческим меркам произошел почти внезапно.

До аварии чернобыльское Полесье люди обживали уже тысячу, а по некоторым свидетельствам, две с половиной тысячи лет. Заселяя отдаленные от цивилизации территории,

они постепенно создавали дороги, вырубали и выжигали леса, осушали болота, распахивали пустоши и изменяли русла рек.

В XX веке человеческая деятельность привела даже к локальному изменению климата Чернобыльского района. Здесь были созданы грандиозные искусственные водоемы – Киевское море и пруд-охладитель ЧАЭС, значительная часть которого была теплой и не замерзала даже зимой.

Авария все изменила. Заставила человека уйти, бросить построенные им города, села и инфраструктуру. В результате остановились и замерли на десятилетия крупные промышленные предприятия, уникальные военные объекты, стали зарастать луга и пашни. Они, как и все остальное, оказались в зоне радиационного загрязнения.

26 апреля 1986 года тихое и мирное течение провинциальной жизни Полесского края сменилось ощущением фронтовой обстановки. За считанные дни в сознании людей разрушились веками сформированные понятия о добре и зле, оказалось, что привычный и казавшийся таким надежным и долговечным жизненный уклад может рассыпаться, как картонный домик. Все, во что искренне верили эти люди, мгновенно стало призраками прошлого. Последние надежды на возвращение к прежней жизни исчезали вместе с селами, которые были в непосредственной близости от ЧАЭС. Отдельные дома и целые населенные пункты были уничтожены и захоронены с помощью тяжелой спецтехники. На 30 км вокруг злополучной электростанции ритм мирной жизни навсегда остановился.

Ощущение военного положения усиливалось присутствием в зоне аварии многочисленных силовиков. По сути, **ликвидация последствий взрыва** и была войной с радиацией – врагом опасным и невидимым. Стратегия была такова: убрать из опасной зоны мирное население, оградить эту территорию и «заткнуть» реактор – воспрепятствовать дальнейшим радиоактивным выбросам. Далее в спокойном режиме планировали очищать территорию и строить саркофаг над четвертым энергоблоком. Ликвидаторы, солдаты этой войны, задействовали огромное количество строительной и военной техники. Возле разрушенного энергоблока работали машины, созданные конструкторами на случай ядерной войны.

Пока одни специалисты боролись с последствиями, другие напряженно изучали радиационную обстановку. Эти данные были «на вес золота». Они нужны для того, чтобы адекватно и быстро оценить сложившуюся ситуацию и прогнозировать дальнейшее развитие событий.

Целый год продолжался активный этап ликвидации. И только тот, кто был там, способен оценить, что это был за год, насколько тяжелыми были условия работы. Тем не менее **Саркофаг**, получивший официальное название – объект «Укрытие», был построен, под ним ликвидаторы надежно спрятали реактор, сотворивший такую беду. Обработали, т.е. провели дезактивацию всех наиболее загрязненных участков вокруг Саркофага и самой станции, а радиоактивные материалы захоронили в специальные могильники.

Как это ни парадоксально звучит, но весь этот невероятный труд стал одним из последних подвигов титана по имени Советский Союз. Ведь такой колоссальный объем работ в зоне радиационного заражения был возможен только в одной стране мира. Только сверхгосударство, которое имело гигантский человеческий ресурс, который можно было быстро мобилизовать на выполнение сколь угодно сложных и масштабных задач в условиях, где здоровый мужчина погибает от облучения за несколько часов. Только сверхгосударство, обладавшее гигантским научным потенциалом, могло создать столь уникальный объект, как Саркофаг. Конструкция этого исполина настолько же уникальна, насколько условия его строительства – чудовищны. Только сверхгосударство – обладатель мощнейшего технического ресурса могло восемь месяцев управлять погодой, рассеивая облака над территорией площадью в три тысячи квадратных километров. Только в Советском Союзе была возможность бороться с радиоактивными песчаными бурями, заливая латексом и клеем ПВА десятки квадратных километров территории вокруг взорвавшегося атомного монстра.

И только сверхгосударство могло взять и построить новый город на голом месте, с нуля и в кратчайшие сроки. Вероятно, великое множество создаваемых и решаемых сверхзадач и стало причиной того, что супердержава развалилась на куски, похоронив под ними свои нередко бессмысленные достижения. Свидетельства этому еще и сегодня можно лицезреть на

территории чернобыльской зоны, которую часто называют заповедником социализма.

Авария привела к потере не только материальных, но и духовных ценностей. Были уничтожены древние села и памятники старины. Некоторые специалисты оценивают эвакуацию и последующие события как этническую и культурную катастрофу, окончание многовековой истории полесского народа. На территории современной зоны отчуждения, а вовсе не только в экзотических и отдаленных странах, как мы привыкли думать, существовала своя, как говорят ученые, «удивительная этническая культура», обладавшая древними знаниями и уникальными обычаями. Теперь, когда ее носители вынужденно рассредоточились на огромной территории бывшего Союза, ее можно считать безвозвратно утраченной, и переоценить значение этих печальных фактов для нашего общества невозможно. Люди, лишённые критериев для национальной самооценки, быстро перенимают чужую, не свойственную им поп-культуру, приходящую с Запада и Востока.

История же Чернобыля может служить наглядным примером решения проблем, связанных с религиозной и национальной нетерпимостью. Этот древний город многие века служил вместилищем нескольких религий, в нем мирно проживали евреи, христиане, католики, а также староверы и сектанты. Длительное мирное сосуществование разных культур сформировало уникальную атмосферу провинциального города, которая отразилась в особой архитектуре и обычаях края. К примеру, до 1927 года на территории чернобыльского района находилось 18 действующих храмов. С приходом Советской власти значительная часть религиозных сооружений была утрачена, к моменту аварии осталось только три, а сегодня – всего лишь два храма. В 1996 году Воскресенская церковь в селе Толстый Лес – архитектурный памятник XVII века, сгорела дотла от умышленного поджога.

И все же зона отчуждения еще хранит свидетельства древней культуры и истории в расположенных здесь памятниках. Это древние городища, возраст которых оценивается в тысячи лет, курганы периода татарского нашествия, руины монастыря староверов, православные храмы и памятные знаки на местах сражений во время Второй мировой войны. Да и обычные бытовые предметы, которые сохранились в оставленных селах, не менялись на протяжении нескольких веков. Это послания из другой эпохи, другого мира. Люди ушли, но их история осталась.

Особняком стоят образцы совсем другой культуры и совсем другой эпохи – развитого социализма. В качестве примера можно привести «осколок холодной войны» объект «**Чернобыль-2**» и город атомщиков **Припять**. Дополняют картину оставшиеся везде следы ликвидации катастрофы – заброшенные базы для строительства Саркофага, техника и многое другое.

Осознание, что зона отчуждения – это надолго, если не навсегда, стало одним из самых печальных выводов по итогам катастрофы. В какой-то мере это было поражением всей современной индустриальной цивилизации. Сколь ни была развита научная и инженерно-техническая мысль, она не смогла решить задачу очистки такого большого участка земли от радиоактивного загрязнения. Следовательно, единственным выходом из создавшегося положения было законсервировать его, отказаться от использования земель, предприятий и жилых домов. Покинуть их до тех пор, пока находиться здесь не станет безопасно.

С тех пор в зоне отчуждения нет жителей, есть только персонал, который выполняет особые задачи. Это **режимная территория**, попасть сюда без разрешения сложно, ее охраняют по всему периметру, действует целая система контрольно-пропускных пунктов и различных режимов охраны объектов.

Но не одним лишь присутствием или отсутствием человека определяется ценность территории. Есть еще природа, животный мир. С точки зрения влияния аварии на флору и фауну прилегающих территорий, иначе как парадоксальной ситуацией не назовешь. Природа здесь поражает обилием животных, а в живописных ландшафтах трудно увидеть даже намек на то, что два десятилетия назад здесь произошла ужасная трагедия. Сейчас это фактически самый крупный заповедник в Европе.

С точки зрения управления это особая территория. После аварии и до 1989 года она

находилась под управлением Минсредмаша, советского полувоенного ведомства, которое занималось атомными проектами. Сейчас зона находится под началом МЧС Украины. Здесь располагаются службы и предприятия, созданные для решения задач по контролю над этой все еще опасной территорией. Почти все они в своих названиях имеют слово «специальный», которое указывает на особые условия работы в зоне отчуждения.

Кроме этого, зона является уникальным научным полигоном для изучения воздействия радиации на живые объекты и оценки последствий крупных экологических катастроф.

Не менее уникальным последствием катастрофы стали «самоселы» – люди, которые вернулись в зону на места своего «доаварийного» проживания. Как правило, это весьма немалодые коренные жители Полесья, которые вопреки всему хотят сохранить свой прежний образ жизни. И, надо отметить, им это удастся. А в условиях изоляции им просто ничего не остается, как вернуться к самым архаичным способам ведения хозяйства. В нынешней повседневной жизни «самоселы» мало используют такие атрибуты цивилизации, как радио, телефон, а основное транспортное средство здесь все еще гужеваья повозка.

Естественно, людям любопытным, склонным к экстриму и авантюрам, хочется воочию увидеть и саму овеванную легендами зону, и «самоселов», которых радиация не берет. Так появилась еще одна категория людей, которых можно здесь встретить, – это **сталкеры**, нелегально проникающие сюда на свой страх и риск. На сегодня сталкеры – это самое новое и наименее изученное явление зоны. Мы уже говорили, что немаловажную роль в становлении новой молодежной субкультуры сыграла мегапопулярная игра «S.T.A.L.K.E.R.». Ведь ее поклонники имеют уникальную возможность прикоснуться к полюбившемуся игровому миру в реальности. И это выгодно отличает данную игру от аналогичных шутеров, фильмов и литературных сочинений, в основу которых ложится фантастический сюжет, а события развиваются в вымышленном мире. При этом следует отметить, что игровой мир в «S.T.A.L.K.E.R.» точно соответствует реальным прототипам. Такая правдивость игры сделала ее еще более увлекательной для поклонников, а потому со временем появился другой успешный проект – литературный цикл «S.T.A.L.K.E.R.».

Как мы видим, последствия Чернобыльской катастрофы разнообразны и наиболее четко они проявляются на территории зоны отчуждения. Занимаясь подбором материала для этой книги, авторы задались вопросом «какую тему выбрать главной?». Понятно, что описать все аспекты жизни зоны, ее прошлого и настоящего вряд ли удастся.

Исходя из интереса посетителей сайта <http://chornobyl.in.ua/>, мы выделили две основные темы – сталкеры и самоселы. Это тот самый человеческий фактор в последствиях аварии. Такой интерес неудивителен, как говорил Снаут в фильме Тарковского «Солярис»: «Человеку нужен человек». Поэтому мы излагаем известные нам факты о зоне отчуждения в приложении к человеку. Мы попробуем ответить на вопрос «чем является чернобыльская зона для людей, которые добровольно с ней контактируют?». Даже если за этими контактами лежат разные мотивы.

Территория зоны

Нельзя понять людей и их сообщества без учета ситуации, в которой они находятся. Для этого мы в начале опишем современный мир радиационного анклава, а также обратим внимание на некоторые факты из его прошлого. Это поможет читателю понять устои нынешней зоны отчуждения и проникнуться сутью царящей там атмосферы. Также позволим себе дать небольшую справку по вопросам воздействия радиации на живые организмы. А поскольку зона отчуждения непосредственно примыкает к эпицентру аварии, то величина радиационного загрязнения в ее границах достигла максимально опасных величин. Поэтому мы начнем наше описание именно с радиации.

С чем едят радиоактивность?

Ядерный реактор

Безусловно, устройство это технически очень сложное. Вот только за сложным механизмом работы кроется простой и известный уже не одну тысячу лет процесс превращения воды из жидкого состояния в газообразное (водяной пар). Ядерный реактор – это своего рода котел, в котором нагревается вода, а полученный пар подается на турбину. Вращаясь под действием напора пара, турбина крутит генератор. Он, в свою очередь, вырабатывает электричество, которое мы с вами используем, включая настольную лампу, телевизор или компьютер.

Основное отличие атомной станции от других электростанций – в способе нагрева воды и получении водяного пара, вращающего турбину. Где-то для его выработки сжигают газ, уголь или мазут, на атомной станции используют ядерное топливо. Данный нагревающий элемент находится непосредственно внутри специального «котла» – ядерного реактора. Управлять процессом сложно: необходимо в точности соблюдать тонкие пропорции между выделяемым теплом, количеством подаваемой воды и конечным продуктом – образующимся паром. При этом не менее важно следить за ядерными реакциями. Если все нормы, предусмотренные конструкторами, соблюдены, взрыв реактора невозможен.

Чернобыль наглядно продемонстрировал, что человек сумел зажать энергию атома в железобетонном кулаке ядерного реактора, но стоит ему ослабить всего лишь один палец, и накопленная мощь вырвется на свободу, сметая все рукотворные преграды на своем пути.

Четвертый реактор Чернобыльской АЭС взорвался от избытка давления пара, которое персонал, к сожалению, не смог вовремя предотвратить. Впрочем, по сей день не ясно, вина ли это сотрудников станции или просчет конструкторов, да теперь это уже и не столь важно. Специалисты извлекли уроки из аварии и уверяют, что новые ядерные «котлы» уже так просто не взорвутся.

События 1986 года дали человечеству понять, что, оседлав атом, важно осознавать и уважать величину покоренной силы. Энергия ядерного реактора чудовищна, и потеря контроля над ней чревата катастрофой. Вдумайтесь, ведь взрыв на ЧАЭС – это не ядерный взрыв, а всего лишь выброс пароводяной смеси из разогретого до предела реактора. Но и этого было достаточно, чтобы, словно игрушку, подбросить на несколько метров вверх крышку реактора весом две тысячи тонн. Не выдержали натиска и железный крепеж защиты, и циркониевые трубы с ядерным топливом. Лишенный крышки ядерный котел изверг горячий столб водяного пара, пыли и сажи на высоту до двух километров. Накопленной энергии было настолько много, что содержимое недр ядерного вулкана летело в атмосферу на протяжении десяти дней. Невзирая на то что люди делали все возможное и невозможное, чтобы закрыть фонтанирующий радиоактивным йодом, цезием, стронцием и плутонием кратер.

Радиоактивные вещества

По оценкам ученых, за пределы разрушенного реактора выпало всего около **четыреx процентов радиоактивного топлива** одного энергоблока (всего на Чернобыльской станции их было четыре). Этого хватило, чтобы проживание людей на пяти тысячах квадратных километров территории стало невозможным, чтобы возникла необходимость бросать целые города, села и деревни. И это только в самом эпицентре катастрофы.

Радияция попала и в верхние слои атмосферы, что привело к распространению ядовитой копоты практически по всему миру. На европейских атомных станциях сработали системы защиты.

Радиоактивные облака два раза облетели нашу планету и, рассредоточившись по

Южному полушарию, выпали с дождями, осели с пылью на землю. Чернобыльские радионуклиды были обнаружены в Азии, Африке, Северной Америке и даже в Японии.

Смертоносные облака несколько недель загрязняли пассажирские самолеты. Известны факты, когда в больших аэропортах проводили дезактивацию летательных аппаратов, осуществлявших авиарейсы из США в Европу. Именно эти колоссальные последствия сделали взрыв на чернобыльской станции самой широкомасштабной техногенной катастрофой за всю историю человечества.

Эта катастрофа в истории «мирного атома» беспрецедентна и по количеству радиоактивных веществ, поступивших в окружающую среду – порядка **50 млн Кюри**. Много это или мало? Чтобы стало понятно, приведем такой пример. Чернобыльскую катастрофу часто сравнивают с трагедией в **Хиросиме**. А для придания еще большей драматичности говорят, что взрыв ядерного реактора в 50 раз сильнее взрыва ядерной бомбы, сброшенной на японский город. Это не вполне корректное сравнение. Справедливо сравнивать не мощность, а активность радиационного загрязнения окружающей среды. Так вот, выброс при взрыве на ЧАЭС действительно в 50 раз активнее, чем радиоактивный выброс от хиросимской бомбы.

А вот мощность взрывного устройства в бомбе составляла 10–15 тысяч тонн тринитротолуола в тротиловом эквиваленте. После ее взрыва высвободился лишь 1 млн Кюри радиоактивных веществ. Это равно одной тонне радия, то есть при аварии в Чернобыле в окружающую среду, образно выражаясь, вылетело **пятьдесят тонн радия**.

По остальным факторам, сопутствующим взрыву ядерной бомбы (ударная волна, световое излучение, проникающая радиация и электромагнитный импульс), чернобыльская катастрофа с атомной бомбардировкой Хиросимы конкурировать не может. Например, ударная волна возле ЧАЭС была столь мала, что в зданиях, отстоящих от эпицентра взрыва на 200–300 метров, даже стекла в окнах уцелели.

Куда же осели 4% опасной и невидимой радиации, которую исторг из себя взорвавшийся реактор? По оценкам ученых, 1,5 % находятся в пределах территории, получившей впоследствии название чернобыльской зоны отчуждения. За ее черту на территорию Украины, Беларуси, России и других сопредельных стран поступило также не больше 1,5%. Около 1% радиоактивных веществ сосредоточено непосредственно на территории промышленной площадки Чернобыльской АЭС, а остальная часть (96%) ядерного топлива укрыта под конструкциями Саркофага.

*Однако реальные масштабы катастрофы может продемонстрировать всего одна цифра: общее количество людей, которые в различной мере подверглись радиоактивному облучению и проживают на территориях, где это облучение продолжается и сегодня, составляет около **24 млн** человек.*

Необычайный интерес ученых вызвали сами радиоактивные выпадения, поскольку они кардинально отличаются от всего, что было изучено до катастрофы. С того момента, как изобрели ядерное оружие и начали проводить первые испытания, параллельно искали и методы борьбы с последствиями радиационного поражения. И нашли: за сорок лет была разработана стратегия, с помощью которой даже после обмена ядерными ударами государства могли жить и выращивать необходимую сельхозпродукцию. В США и СССР существовали целые институты, разрабатывающие подобные технологии.

Но после аварии на ЧАЭС наука столкнулась с новым типом радиоактивных выпадений. Оказалось, что в составе чернобыльской пыли присутствовали так называемые **горячие частицы** – высокоактивные частички ядерного реактора. В момент взрыва температура достигала нескольких тысяч градусов. Такие экстремальные условия породили вещества с не известными доселе свойствами. Например, ученые обнаружили частицы с трансурановыми элементами, которые, в отличие от остальных, крайне плохо смываются дождем с поверхности земли и растений. Но самое удивительное не в этом! Мельчайшие частицы ядерного топлива оказались вплавленными в оболочку из стали, песка и бетона – материалов, из которого был

построен реактор. Смертоносный «блэндер» все перемешал и выдал человечеству нечто новое.

Горячие частицы имеют микроскопические размеры, достигают лишь тысячных долей миллиметра, но обладают высокой радиоактивностью. Они почти не растворяются в воде и биологических жидкостях (например, в крови человека), потому легко могут попасть в организм с водой, загрязненными продуктами питания или с воздухом. При своих микроскопических размерах горячие частицы способны создавать в легких или желудке человека большие очаги облучения, а это, в свою очередь, нередко приводит к серьезным заболеваниям или даже к раку. Такие выводы сделали на основе изучения воздействия горячих частиц на организмы животных. Для этого коров и свиней содержали на полигоне возле села Чистоголовка, а поблизости работали машины, которые специально поднимали зараженную пыль вверх, чтобы та попадала в легкие животных.

Земля, ставшая зоной

Что представляет собой непосредственно зона отчуждения? На географической карте она имеет форму неправильного пятна, вытянутого с запада на восток, центром которого является Чернобыльская АЭС. Ее площадь составляет 2044 км². Границы зоны определяли исходя из уровня радиационного загрязнения. В 1986 году за колючку попала территория, на которой фон составлял более **5 мР/час**.

Часть радиоактивных веществ, вылетевших из реактора, была мелкими и легкими частичками, которые разлетелись по воздуху на сотни и тысячи километров. Крупные (горячие), тяжелые частицы выпали относительно недалеко от разрушенного блока. В основном это территория ближней зоны Чернобыльской АЭС, в радиусе 10 км от станции. Поэтому внутри зона отчуждения имеет дополнительное деление по **уровням загрязнения**.

Специалисты делят зону на три района – 5 км, 10 км и 30 км, где точкой отсчета является объект «Укрытие». Это деление самое понятное и распространенное, а называют зоны: пятерка, десятка и тридцатка.

5-км зона отчуждения – особо грязное место, в период ликвидации называлась особым районом или ближней зоной. Сейчас она не имеет особого ограждения, но именно этот участок в наши дни вызывает опасения со стороны исследователей и специалистов по радиационной безопасности.

Периметр **10-км зоны отчуждения** окружен колючей проволокой и охраняется специальными контрольно-пропускными пунктами. Всем хорошо известны КПП «Лелёв», «Бенёвка» и «Парышев-2». Самые радиоактивно-грязные места находятся именно здесь.

30-км зона отчуждения – это вся оставшаяся территория от границы 10-км зоны до внешнего охранного периметра. Загрязнение здесь, по местным меркам, умеренное, что, правда, не исключает наличие отдельных пятен с высокими уровнями излучения.

Деление зоны отчуждения по радиационному признаку нашло отражение в местном, чернобыльском фольклоре: «Приказом № 515 устанавливается порядок обращения к сотрудникам зоны отчуждения в зависимости от расположения места работы. Сотрудникам, работающим в 30-км зоне, к фамилии добавляется приставка «фон» (например, Александр фон Иванов). К сотрудникам, работающим в пределах 10-км зоны, в обращении употребляются слова «Ваша светлость». К сотрудникам, работающим в пределах 5-км зоны, в обращении употребляются слова «Ваше сиятельство».

Существует и другое деление зоны: **по принципу радиационной безопасности**. Две из них совпадают с границами 10– и 30-километровых зон, а в третью входит освоенная часть города Чернобыля, включая административные здания, общежития, столовые, магазины и т.д.

Есть еще деление **по режимно-пропускному принципу**. Под бдительным присмотром находится не только внешний периметр, но и отдельные участки и объекты внутри него. Так, под дополнительной охраной находятся **город Припять, ЧАЭС, ПЗРО «Буряковка», объект «Вектор»**. Все они, кроме ЧАЭС, охраняются силами специального батальона милиции по охране зоны Чернобыльской АЭС Управления государственной службы охраны при ГУ МВД Украины в Киевской области.

Чернобыльская станция и сейчас является важным государственным объектом и,

соответственно, охраняется служащими воинской части 3041 внутренних войск МВД Украины. Остановлена электростанция в **декабре 2000 года**, но числиться «в строю» она будет до тех пор, пока из нее не выгрузят все ядерное топливо.

В 1989 году, когда были проведены дополнительные анализы и замеры, было принято решение о создании еще одной **зоны – безусловного (обязательного) отселения**. Она примыкает к зоне отчуждения с запада. Отселению подлежали жители 12 сел и деревень Народицкого и 4 населенных пунктов Полесского районов. На этот раз эвакуация проходила в щадящем психологическом режиме. Места для строительства новых домов люди выбирали уже самостоятельно, и переезды в чистые районы Житомирской и Киевской областей происходили целыми селами и хозяйствами. Территория этой зоны имеет площадь 544 км². Обе эти зоны (зона отчуждения и зона безусловного отселения) находятся под управлением специализированного подразделения МЧС Украины – Департамента Администрации зоны отчуждения и зоны безусловного (обязательного) отселения – и вместе насчитывают 2600 км². Это по европейским меркам довольно большая территория, она равняется площади небольшой страны – Великое герцогство Люксембург.

Сегодня радиационная обстановка в зоне отчуждения намного лучше, чем на момент эвакуации. Уровень облучения снизился в сотни и тысячи раз. Происходит это не только за счет естественного распада радионуклидов, но и из-за того, что под действием дождей, жизнедеятельности растений и живых организмов они углубились в почву на 5–20 см. И эти 20 см земли **экранируют излучение**.

Примером может служить одно из самых известных мест зоны отчуждения – **Рыжий лес**. Это одно из самых радиоактивно-неблагополучных мест нашей планеты. После аварии здесь осело в тысячи раз больше радионуклидов, чем было до взрыва, при этом сегодняшний фон ненамного выше, чем, например, в Киеве.

Вообще большую часть зоны отчуждения сегодня уже можно назвать безопасной для проживания людей. Две трети территории имеют радиационный фон, подобный тому, что зафиксирован в Киевской, Житомирской областях Украины, Брянской области в России и Гомельской области в Беларуси. Что же мешает людям уже сейчас вернуться на ранее обжитые места? Это локальные зоны высокого загрязнения, так называемые **цезиевые пятна**. Они не видны, поэтому определить их на местности без постоянных замеров очень трудно. А значит, поход в, казалось бы, чистый и безопасный лес может привести к тому, что на кухне будущих жителей Чернобыльского региона будут периодически появляться «звонящие» грибы, ягоды и орехи. А при условии аграрного уклада жизни в этом районе вполне возможно, что и овощи и фрукты тоже.

Кроме того, в ближайшем будущем планируется осуществление ряда крупных проектов в 10-км зоне, таких как строительство нового «Саркофага», осушение пруда – охладителя ЧАЭС, строительство новых сооружений для захоронения радиоактивных отходов. Все эти работы могут существенно ухудшить радиационную обстановку в зоне путем попадания радиоактивных веществ в воздух или воду. В этом случае вся территория внутри охраняемого периметра служит санитарно-защитной зоной, которая будет препятствием на пути распространения радиоактивного загрязнения. И последняя по порядку, но не по значению причина, которая препятствует возвращению населения, – это полная деградация инфраструктуры. Сейчас государство вряд ли будет вкладывать средства в освоение земли только ради освоения или из соображений престижа.

Радиационная ситуация сейчас

По прошествии почти четверти века с момента аварии, пожалуй, нет необходимости подробно описывать радиационную обстановку в 1986 году. Гораздо интереснее и полезнее рассказать об экологическом состоянии тех мест, где живут «самоселы» и прогуливаются «ядерные туристы».

В соответствии с украинским законодательством зона отчуждения – это открытый, площадной источник ионизирующего излучения. Поэтому закон запрещает пребывание здесь гражданского населения. Однако, несмотря на законодательную строгость, ситуация в зоне не

столь однозначна.

На самом деле на значительных территориях зоны отчуждения радиационный фон только в 2–5 раз выше доаварийного уровня. Такие же показатели фиксируют почти во всех крупных промышленных городах Украины, особенно там, где находятся предприятия, перерабатывающие железную руду.

Чтобы было понятно, поясним: **20 мкР/ч** считается для города нормальным уровнем радиационного фона. В зоне отчуждения, за исключением ближней зоны, уровни фона колеблются в пределах от 15 до 80 мкР/ч. А, например, в Киеве есть места, где эти показатели составляют 45 мкР/ч.

Есть еще один нюанс. «Ассортимент» радионуклидов, которые сейчас находятся в грунтах, воде, растениях и организмах животных зоны отчуждения, – называется красивым словом **«спектр»**. Так вот, спектр радионуклидов с момента аварии существенно изменился. Если в первые месяцы опасное излучение формировалось за счет короткоживущих веществ (йода и т.д.), то сегодня определяющими радиационную обстановку являются цезий-137 и стронций-90, радиоактивность которых каждые 30 лет уменьшается наполовину. Остальные – плутоний, америций, европий и т.д. незначительно влияют на ситуацию. Хотя они достаточно опасны для живых организмов.

К сожалению, современные средства массовой информации, пытаясь публиковать материалы о зоне отчуждения или о радиации вообще, не утруждают себя получением разъяснений специалистов в этой области науки. Сведения в большинстве публикаций неправдивы или тенденциозны. Поэтому за 20 с лишним лет у обычных людей сформировалась уверенность в том, что любое соприкосновение с радиацией всегда крайне опасно и даже смертельно. Люди думают, что облучение сверх норм обязательно приводит к раку, вызывает импотенцию, стерильность и т.д. Такое весьма приблизительное представление о действии ионизирующего излучения имеют даже вполне грамотные, обремененные высшим образованием современники.

Поэтому обывателям, не знакомым с понятиями **«ионизирующая радиация»**, **«доза»** и **«облучение»**, «самоселы» представляются радиационными камикадзе, живущими в ядерном пекле. Распространено мнение, что они, несомненно, переоблучаются, т. е. получают сверхнормативные дозы радиации, из-за чего болеют, мучаются и т.д.

На самом же деле образ жизни людей преклонного возраста (а «самоселы» именно таковыми и являются) не располагает к интенсивной хозяйственной деятельности. Эти возвращенцы не пахут десятки гектаров земли, не держат много домашней скотины, не выращивают пшеницу и не пекут из нее радиоактивный хлеб. Не скроем, гамма-фон в их подворьях может быть и несколько выше (в 2–5 раз), чем за границами зоны отчуждения, огурцы и яблоки содержат заметное количество цезия и стронция. Но значит ли это, что «самоселы» обречены на гибель от радиации? Такие предположения очень спорны, и мы попытаемся объяснить почему.

Мы все заиклены на нормах радиационной безопасности. Нам кажется, что НОРМА – это тот безопасный порог, рубеж, барьер (назовите это как хотите), за которым у человека, облученного в 2, 10, а то и в 100 раз сверх нормы, сразу возникнет заболевание. Это не так. Каждое государство устанавливает свою НОРМУ и вкладывает в это понятие собственные экономические, социальные и другие возможности по обеспечению безопасности граждан. Поэтому не стоит считать, что существующие нормы – это некий предел воздействия облучения, при превышении которого человек автоматически заболевает.

Ведь до сих пор не существует вразумительных доказательств пагубного воздействия таких доз облучения на организм человека. Вдумайтесь, больше пятидесяти лет ученые пытаются найти факты, которые бы однозначно доказывали этот вред, и таких доказательств не находят! Современные подходы к установке норм облучения человека базируются на принципах гуманизма, а потому – это всего лишь перенос последствий из области больших доз в область малых.

На Земном шаре (во Франции, Индии, Иране и т.д.) существуют участки, где из-за местных особенностей свойств земной коры радиационный фон в десятки раз выше, чем средние показатели естественного фона окружающей среды. Если бы скептики, утверждающие,

что любые дозы облучения сверх нормы вредны для нашего организма, были правы, то жители таких территорий чаще, чем остальные, болели, раньше умирали и испытывали прочие страдания. Но ведь этого не происходит!

Можно вспомнить о жителях гор, которые облучаются в 3–5 раз больше, чем люди, живущие на равнине. Однако ни один ученый не смог доказать, что горцы живут меньше и страдают наследственными и другими заболеваниями чаще, чем жители равнин.

Так что высказывания о вреде малых доз облучения не находят подтверждений ни в природных условиях, ни в условиях научного эксперимента. Поэтому говорить об этом следует только как о гипотезе – надежных доказательств обратного человечество не имеет.

Нужно понять одну простую вещь – радиационный фон был на нашей планете всегда. Все живое Земли постоянно облучалось ионизирующими излучениями, приходящими к нам из глубокого космоса, с Солнца, а также от самой планеты – ее почв, воды и воздуха. Формируясь, развиваясь и эволюционируя, живые организмы постоянно подвергались действию радиации и, как следствие, выработали сложные системы внутренней защиты от ее разрушающего действия. Мало того, именно постоянное пребывание живых организмов «под лучами» способствует их эволюции. Считается, что благодаря радиации, уровни которой, кстати сказать, миллионы лет назад были существенно выше, организмы меняются, приспособляясь к изменениям окружающей среды.

В связи с этим любопытны результаты экспериментов, когда среду обитания живых организмов полностью ограждали от действия радиации. Оказалось, что в таких условиях растения не могли нормально развиваться, плохо цвели, не давали плодов. В литературе описан эксперимент с мышами, которых поили слегка радиоактивной водой. Оказалось, что часть грызунов, потреблявших радиоактивную воду, имела большую продолжительность жизни. Представленные примеры доказывают, что ионизирующее излучение не столь фатально, как принято считать в обывательской среде. Проникающая радиация – наш естественный спутник по жизни, как дождь, солнечный свет или ветер.

Но вернемся к вопросу норм облучения, которое устанавливает государство, вернее, к экономической стороне вопроса. Чтобы обеспечить своим гражданам низкие уровни облучения, государству необходимы высокоразвитая экономика и наличие прогрессивных технологий. Причем не каждая высокоразвитая страна идет на снижение норм. Так, в США и во Франции установлена такая же норма, как в Украине, Беларуси и России. Руководство этих стран не считает целесообразным их снижать. Ведь тогда нужно будет модернизировать предприятия, создавать новые средства защиты, обеспечивать социальные гарантии и льготы. Но, например, Великобритания нормы облучения для своего населения несколько снизила.

Однако вернемся к людям, которые вопреки всему возвратились на радиоактивные территории. Естественно, хочется знать, насколько безопасна их жизнедеятельность. Что будет со здоровьем, если находиться в зоне отчуждения постоянно?

Чтобы понять это, необходимо познакомиться с понятием **дозовые нагрузки на организм человека**. Проще говоря – это то количество радиации, которое поглотило тело человека, находясь в поле воздействия радиационного источника. Источник может быть внешним, когда радиоактивные вещества находятся в воздухе или на земле, а также внутренним, когда радионуклиды поступают с воздухом и пищей внутрь человеческого организма.

Ученые оценили дозу, полученную жителями Чернобыльского района, с момента взрыва до эвакуации, а потом дозы, которые они получили, когда вернулись жить в зону отчуждения. Естественно, выяснилось, что основную дозу люди получили именно в 1986 году. Сегодня за год «самоселы» облучаются лишь на десятые доли процента от тех показателей. И год от года доза уменьшается. Этот факт не раз служил поводом для острых дискуссий на тему «Стоило ли вообще эвакуировать людей или нет». Наилучшим описанием состояния проблемы служит высказывание одного ученого: «Известно, что в мире примерно на миллион смертей 200 тысяч происходит от рака. Так умрет ли еще две тысячи человек вследствие воздействия малых доз радиации? Этого нельзя доказать. Это подтвердить невозможно. Эти умозаключения выстраиваются на эмоциональных схемах «гуманизма». На самом деле такие «гуманисты» своими действиями создают дискомфорт в жизни, толкают людей на совершение необдуманных поступков. Человек бросает нажитое, разоряется, уезжает, рвет связи с землей, территорией, с

могилами предков, родным домом, становится изгоем... Во имя чего? Чтобы спасти себя от того, что заведомо менее опасно, чем выкурить пачку сигарет?

Если мы говорим о гуманизме, то это не значит, что надо создавать такое нервное напряжение у людей, чтобы они бросили все и бежали, закрыв глаза, куда угодно».

Дикий мир зоны

Тысячи лет назад по территории современной чернобыльской зоны отчуждения бегали стада диких лошадей, туров и зубров. Двести лет назад охотникам удавалось добывать здесь медведя и рысь. Тридцать лет назад считалось крайней удачей повстречать в Полесье благородного оленя. Ядерная катастрофа все изменила, повернула время вспять. Нет, туры здесь не появились – их просто уже не существует в природе, но вот табуны диких лошадей, рыси, медведи, как и три десятка других краснокнижных животных, стали обитателями чернобыльской зоны отчуждения. Нашли здесь свой дом.

Каким же образом авария ядерного реактора дала такой неожиданно положительный результат для живой природы? Начнем с самого начала...

В первые годы после взрыва туда было направлено большое количество ученых-биологов, которые до этого работали в секретных лабораториях Москвы, Обнинска и Южного Урала. Их специализацией было создание прогнозов развития экологической ситуации после ядерной войны. Еще в 60-х годах прошлого столетия они придумали, как получить экологически чистые продукты питания в условиях широкомасштабного радиационного загрязнения. И вот теоретический научный опыт вполне пригодился на практике – в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС.

Задача перед учеными, попавшими в зону, стояла непростая: оценить масштабы радиационной угрозы для живых организмов и целых экосистем, попавших под опасные выпадения, и дать прогноз, как будет развиваться ситуация в ближайшем будущем. Сложностей хватало: как мы уже говорили, радиоактивные выпадения отличались от всех ранее известных, территория же, которую они заразили, была просто громадной. Весьма непредсказуемой была и реакция природы на уход человека.

Изучались особенности каждой зоны поражения. В ближней, где выпало больше всего опасных осадков, биологи отметили, что у крупных млекопитающих – брошенных кошек и собак – облысели животы и лапы. Так проявилось радиационное воздействие.

Но самым печальным образцом губительного действия больших доз радиации стал «Рыжий лес» – относительно небольшой участок общей площадью порядка 400 гектаров, находящийся на западе от станции. Сосновый бор вобрал кронами деревьев колоссальные, смертельные дозы радиоактивной пыли. Она буквально выжгла жизнь, превратив столетние сосны-великаны в засушенные, пылящие смертельно-опасной радиацией, рыжие скелеты. За рыжевато-кирпичный цвет лес и получил свое название. Напичканный радиацией сухостой мог в любой момент загореться, что привело бы к новому выбросу в атмосферу большого количества вредных веществ. В этом случае могли пострадать не только люди, работавшие в зоне, но и население прилегающих территорий. Поэтому было принято решение ликвидировать Рыжий лес.

Современный вид Рыжего леса

Что же произошло в этом лесу? Только ли гибелью деревьев ограничилась экологическая катастрофа? С потерей сосен, являвшихся основным объектом этой экосистемы, обрушилась вся цепь пищевой пирамиды. Погибли или исчезли вредители, поедавшие хвою, что, в свою очередь, привело к исчезновению птиц. В лесной подстилке пропали муравьи и другие хищные насекомые. Вызвано это было еще и тем, что со временем в поверхностном слое почвы накопилось большое количество радиоактивных веществ, сформировавших колоссальные уровни облучения.

Однако на нашей планете не бывает абсолютно безжизненных мест. Даже в пустынях существует жизнь. В Рыжем лесу радиационная обстановка значительно улучшилась уже через год, что позволило новой жизни заселить его территорию.

Поскольку ученые-экологи прогнозировали эти процессы, то в Рыжем лесу был создан уникальный полигон, научный эксперимент на котором продолжается по сей день. Полигон представляет собой участок площадью 1 гектар, полностью изолированный от прилегающих территорий. Для этого периметр оградили бетонными плитами, метровыми в высоту и врытыми в землю на полуметровую глубину. Сверху забор венчает еще и двухметровая в высоту металлическая сетка.

Уникальный научный полигон в Рыжем лесу

Суть эксперимента в том, что на огражденный участок не должна проползти ни одна букашка, ни кто бы то ни было другой из представителей фауны. Исключение, конечно же, составляют птицы, которые могут перелететь забор. Ученые уже отмечали факты гнездования на полигоне уток, полевого луня и других птиц. Основная же цель эксперимента – понять, как идет восстановление природы в условиях сильного радиационного воздействия.

Объектами наблюдений на этом полигоне являются не только растения и насекомые. В периметре сформировалась уникальная популяция полевых мышей. Биологи изучают генетические последствия облучения, ищут аномальные отклонения в клетках и органах животных. В первые годы после аварии отмечалось снижение плодовитости самок, наблюдалась внутриутробная гибель эмбрионов и нарушения в образовании сперматозоидов у самцов. Ученые зафиксировали наличие патологии в отдельных органах мышей, вызванной радиацией (например, цирроз печени).

Кстати сказать, именно полевые мыши первыми продемонстрировали человеку, какими могут быть последствия его внезапного ухода из обжитых территорий. Многие люди, находившиеся в то время в зоне отчуждения, вспоминают о мышинном нашествии 1987 года. Оперативно выселяясь, люди бросали сельскохозяйственные поля с неубранным урожаем: осталась рожь, кукуруза и другие культуры. В большинстве частных подворий хранилось много зерна и других продуктов питания, а на огородах росла картошка. Все это послужило достаточной кормовой базой для крупной вспышки размножения грызунов. Кроме того, опасаясь вспышки заболевания бешенством, в брошенных населенных пунктах отстреливали бродячих кошек и собак, которые являлись естественными врагами грызунов. Поэтому на следующий после аварии год все поля и населенные пункты буквально кишели мышами и крысами. Они оккупировали даже те дома, где проживали ликвидаторы. По воспоминаниям очевидцев, крысы спокойно бегали по улицам, а мыши лазали по спящим людям.

Руководство чернобыльской зоны серьезно обеспокоилось этой проблемой, опасаясь, что полчища грызунов могут выйти за пределы зоны отчуждения. Однако ученые их успокоили, пояснив, что к осени 1987 года, когда кормовые ресурсы истощатся, количество мышей и крыс резко снизится, а похолодание приведет к их массовой гибели. Так и произошло. Если в начале осени ученые отмечали около 2000 полевых мышей на 1 гектар угодий, то через полтора-два

месяца их численность составляла уже только 50–70 особей на гектар. Кстати сказать, на лугах и полях, находящихся за пределами зоны отчуждения, средняя численность мышей составляла порядка 10 на гектар. В последующие годы количество мышей в зоне существенно снизилось, а с ними исчезли и хищные птицы, которые разлетелись по всем округам.

Но ведь люди бросали не только кошек и собак, но и крупных животных: коров и лошадей. У тех, кто подлежал экстренной эвакуации, не было ни времени, ни возможности забрать скот с собой. Поэтому ученым и военным, находящимся в зоне отчуждения, доводилось неоднократно встречаться с полудикими лошадьми и быками. По воспоминаниям сотрудников Радиевого института им. Хлопина, зимой они частенько наблюдали двух полудиких лошадей в районе села Буряковка. Сена и соломы в брошенном селе было достаточно, и животные спокойно жили, далеко не отлучаясь.

Первое экспериментальное стадо домашних животных, которых изучали чернобыльские ученые, было собрано из такого бесхозного и одичавшего крупного рогатого скота, бродившего по опустевшей территории. Легендой местной науки в области животноводства на протяжении двенадцати послеаварийных лет был бык – Уран. Животное было поймано в октябре 1987 года в районе села Чистоголовка. Через пару месяцев гарем рогатого красавца пополнился тремя такими же брошенными коровами, получившими клички Гамма, Бета и Альфа. Их изловили в районе сел Копачи и Чистоголовка. По мнению ученых, Уран и три его наложницы больше полутора лет прожили в естественных условиях и за это время порядком одичали. Бродяжничали буренки и бычок на полях, соседствующих с Рыжим лесом, заходили в населенные пункты центральной части зоны, где отмечался наиболее высокий радиационный фон. Но, несмотря на громадные дозы облучения, которые получили Уран, Гамма, Бета и Альфа в 1986–1987 годах, они стали основателями целого экспериментального стада, которое долгое время размещалось на брошенных фермах возле села Новые Шепеличи.

Некоторые брошенные домашние животные, пережившие первую поставарийную зиму, позже были пойманы и заново одомашнены «самоселами», которые к лету 1987 года уже массово начали возвращаться в свои дома.

К началу 90-х годов прошлого века экологическая ситуация в чернобыльском полесье стабилизировалась. Зона отчуждения стала напоминать естественный заповедник. В нем заметно возросло количество диких кабанов, лосей, косуль. Люди стали чаще видеть благородного оленя.

Обилие копытных, как правило, приводит к увеличению поголовья хищников. Волки превратились в полноправных хозяев брошенных угодий, поэтому во второй половине 90-х сотрудники специально созданной егерской службы проводили их отстрел. Количество реально убитых волков тогда установить было трудно. Но недостаток результативности восполняли зрелищностью. Вспоминается этически сомнительный, но интересный обычай этих «рейнджеров». После удачного отстрела хищника егеря практиковали демонстрацию убитого волка зонаvской общественности. Показ добытого волка проводился в одном из центровых мест Чернобыля – возле рабочей столовой «Энергетик». В обеденное время, когда основная часть персонала приходила сюда подкрепиться, охотники ставили УАЗ недалеко от столовой и на капот автомобиля выкладывали убитое животное. Сами становились поодаль и, покуривая и поплеvывая семечками, любовались реакцией зевак. После 2000 года подобные спектакли с целью самоутверждения прекратились. Но работникам зоны надолго запомнилась служебная машина егерей, радиатор которой украшала волчья голова с раскрытой пастью. Это уже поразительно напоминало «День опричника» Владимира Сорокина, что, возможно, и не случайно.

Егерская служба занималась отстрелом без всякого научного подхода. Истребляли не всю стаю, а только ее часть, что, по мнению зоологов, привело к отрицательным последствиям. Гибель части взрослых волков нарушила иерархию внутри волчьей стаи. Уцелевшие животные стали значительно агрессивнее, потеряли природную осторожность и страх перед человеком. Это стало причиной волчьего террора на территории зоны отчуждения в 1999–2002 годах, когда хищники перестали сторониться населенных пунктов зоны, нападали на скот и даже на домашних собак «самоселов». «Тузиков» и «Шариков» волки снимали прямо с цепей.

Егерскую службу расформировали в 2000 году, но установка, что «волков много и их надо

стрелять», сохраняется и выполняется до сих пор. Однако после прекращения массовых и регулярных отстрелов волкам стало вольготней. Численность их стала увеличиваться, отдельные исследователи называли зону волчьей резервацией, которая исправно снабжает волками всю остальную Украину. Отсюда, кстати, пошла газетная мифология о «чернобыльских» волках, которые идут на Киев, Донецк или Харьков. А «сафари» на волка стало основным чернобыльским развлечением. На эти охоты свозили и любителей, и егерей из соседних областей. Иногда использовали даже вертолет.

В то же время скептики утверждали, что волк немышь и наращивать численность даже в очень хороших условиях не будет. Но и те, кто считал количество волков избыточным в зоне отчуждения, и их оппоненты выносили оценки весьма умозрительно, на самом деле никто не занимался исследованиями волчьей популяции. Академическим ученым и сотрудникам МЧС было не до диких животных. Последствия такого равнодушия сказываются сегодня, когда разросшиеся стаи волков, являющихся переносчиками бешенства, как и лисы, енотовидные собаки и барсуки, начинают представлять угрозу благополучию человека.

Осенью, а именно на это время года приходится вспышки волчьего бешенства, зараженные животные безбоязненно идут в населенные пункты и города. Не является исключением и Чернобыльская АЭС. В 2009 году произошла одна из наиболее резонансных волчьих историй за весь период существования Украины как независимого государства. Большая бешенством волчица забрела на промышленную площадку атомной станции и, бегая в агонии по ее территории, искусала шестерых человек. Людей госпитализировали и провели соответствующие анализы. Результаты исследований подтвердили факт заражения бешенством...

В середине 90-х, когда природа уже доказала свою способность к восстановлению, когда установился некий баланс в сообществах растений и животных, ученые решились на новый эксперимент. В 1998 году в зону был завезен новый для этих территорий вид животных – лошадь Пржевальского из заповедника Аскания-Нова, где их наблюдалось в избытке. Мнения зоологов по поводу эксперимента разошлись, одни считали, что территория зоны отчуждения – идеальное место для переселения части лошадей. Другие говорили, что лошади – это не люди, для них нет понятия периметра зоны. Они будут выходить за пределы ограждения, где местное население быстро приберет их к рукам. Были и такие, кто выдвигал гипотезы, что лошади разобьют копытами растительную подстилку, содержащую радионуклиды. Сухой травы и, соответственно, пожаров станет меньше.

На практике выяснилось, что лошади прекрасно приспособились к условиям зоны отчуждения. Сегодня там находится несколько табунов этих краснокнижных животных. Есть и особый табун жеребцов-холостяков. И дело здесь отнюдь не в особой лошадиной философии, как вы успели подумать. Просто вожаки полноценных табунов с большой неприязнью и нетерпимостью относятся к молодым самцам, видя в них потенциальных конкурентов. Как только жеребята достигают совершеннолетия, вожак безжалостно изгоняет их из табуна. И те примыкают к другим коллегам по несчастью.

Табун лошадей Пржевальского в зоне отчуждения

Будучи от природы достаточно агрессивными, самцы Пржевальцы постоянно выясняют отношения между собой. Об этом свидетельствуют многочисленные шрамы на их красивых, гордых мордах. Крайне любопытное поведение демонстрируют лошади Пржевальского при встрече с крупнейшим хищником Чернобыльской зоны – волком. Трудно удержаться от цитирования статьи ученых-зоологов (Ясинецкая Н.И. и Жарких Т.Л.), которые уже более десяти лет изучают лошадей в природных условиях зоны:

«Поскольку до сих пор никто не описывал поведение лошади Пржевальского при встрече с крупными хищниками в природе, здесь целесообразно дать краткое описание таких случаев в зоне отчуждения ЧАЭС. Зимой 1999 года в 49-м квартале Корогодского лесничества очевидцы наблюдали, как табун из шести жеребцов-холостяков, завезенных из Аскании-Нова (две особи возрастом 3,5 лет, остальные – 6,5 и 7,5 лет), окружили двоих волков. Одному хищнику удалось вырваться и убежать, другого старшие жеребцы хватали зубами, подбрасывали в воздух и потом топтали передними копытами, пока от волка не остались лишь разрозненные фрагменты. При этом два молодых жеребца держались в стороне. В декабре 2002 года в 45-м квартале Корогодского лесничества... наблюдали охоту стаи из 12 волков на одинокого молодого жеребца-холостяка. Тот первый заметил волков на расстоянии примерно 1,5 км и стал приближаться к ним крупной рысью в позе тревожного любопытства. Три волка отделились от стаи и забежали сзади, остальные залегли. Как только жеребец поравнялся с невысоким холмом, на котором были волки, вся стая бросилась на него. Но жеребец ускакал, а волки не стали долго его преследовать... Летом 2003 года в 14-м квартале Корогодского лесничества наблюдатели с пожарной вышки видели, как табун лошадей Пржевальского преследовал одиночного волка несколько сотен метров с явным намерением убить».

От природы осторожные и свободолюбивые, лошади Пржевальского со временем приспособились к весьма необычным, сохранившим следы человеческого пребывания ландшафтам зоны отчуждения. В холодное время они любят укрываться от ветра и дождя на брошенных фермах и других гражданских постройках. Один табун, облюбовавший территорию захороненного населенного пункта Копачи, иногда останавливается на стоянку в бывшей колхозной конторе. Это одно из немногочисленных зданий, оставленных целым после работ по ликвидации аварий.

Не редкими стали посещения лошадьми Пржевальского территории промышленной площадки Чернобыльской АЭС. Появление животных всегда сопровождается живым интересом со стороны персонала станции.

Впрочем, находясь почти посредине отчужденных территорий, АЭС только на первый взгляд является неким техногенным айсбергом среди кипящего жизнью зеленого моря. Природа периодически раскрывает свои секреты, демонстрируя сотрудникам станции своих уникальных представителей. Так было с редким обитателем мира ночных хищных птиц – птенцом филина. Фотография этой птицы, сидящей на фоне чернобыльского Саркофага, облетела, наверное, все мировые СМИ. Судьба птенца филина сложилась уникально, и, наверное, стоит о ней рассказать немного подробнее.

Обладая природным любопытством, птенцы филина, еще не научившись летать, любят путешествовать пешком по окружающему лесу. Днем они тихонько и неподвижно сидят в укромном месте, а ночью пускаются в пешие прогулки по темному лесу. По писку птенцов родители без проблем находят своих неугомонных детей и кормят их добытыми мышами по ходу их странствий. Надо отметить, что взрослый филин – птица очень большая и достигает около метра в высоту. Не трудно представить, какие размеры имеет взрослеющий птенец. Для людей, далеких от орнитологии, внешний вид малютки-филина напоминает взрослую сову. Поэтому когда ранним утром неподалеку от Саркофага рабочие станции обнаружили нелетающую, как они думали, сову, они решили, что раненую птицу нужно срочно спасать. Птенца-путешественника на электричке доставили в научный центр города Славутич, где благополучно передали в руки профессионального орнитолога. Пожил в научной лаборатории малыш филина несколько дней, но и за это время изрядно измотал коллектив ученых, поставленных перед необходимостью ловить полевых мышей и кормить горе-путешественника. Поэтому при первой же возможности птенец был переселен в центральный зоопарк Киева, где прожил несколько лет. По последним сообщениям из киевского зоопарка, чернобыльский филин по обмену переехал в один из зоопарков Японии. Очень вероятно, что и сейчас птица, появившаяся на свет в центре ядерной катастрофы, доставляет радость маленьким японцам.

Гигантские сомы обжились в специальном канале, по которому вода из пруда-охладителя подавалась к атомным реакторам электростанции. Некоторые остряки из персонала станции называют его чазсовским дельфинарием. Строго в обеденный час огромные рыбы, в надежде на хлебное угощение, приплывают к железнодорожному мосту, перекинутому через канал. Персонал с удовольствием приносит послеобеденные остатки хлеба и с большой радостью делится им с хвостатыми попрошайками. У работников станции даже была своя, местная гордость – двухметровый сом Борька. Его медлительную тень почти всегда можно было наблюдать под водной поверхностью канала. Страстно любивший белый хлеб, сом с достоинством и аккуратностью, присущей истинному аристократу, мог одномоментно проглотить полбуханки. Как правило, к брошенному куску Борька плыл неспешно и сдержанно. Потом нырял на глубину и неторопливо вертикально поднимался из темноты к поверхности, заставляя затаить дыхание наблюдавших за представлением зрителей. Через несколько секунд из мутноватой воды плавно появлялась открытая рыба пасть, напоминавшая створки саквояжа. Через секунду мясистые и усаые губы беззвучно смыкались над плавающим на поверхности воды угощением. Наблюдавшая публика шумно выдыхала и одобрително перешептывалась, пытаясь скрыть детский восторг от увиденного выступления хвостатого артиста.

Сомы пруда-охладителя Чернобыльской АЭС

Несмотря на статус звезды, судьба Борьки не сложилась. Некое двуногое существо, назовем его так, на сделанный из электрода крючок поймало доверчивую рыбу и вытянуло ее на бетонный берег канала. Сделано это было ради забавы – рыба из пруда-охладителя ЧАЭС не пригодна для употребления в пищу. Содержание радионуклидов в ее мясе и костях настолько велико, что соотносимо с радиоактивными отходами, принимаемыми на захоронение. Полуметровая голова Борьки с торчащим изо рта крючком из электрода еще недели две валялась под мостом, привлекая ворон и отпугивая чернобыльских туристов...

Но жизнь продолжается, и совсем недавно именно на Чернобыльской АЭС был пойман редкий вид млекопитающих – средиземноморский нетопырь. Эта разновидность летучей мыши истинное чудо природы, а его поимка на севере Украины говорит о реальных глобальных изменениях климата нашей планеты. Еще десяток лет назад этот вид можно было встретить только в Крыму и на юге Украины... Сегодня ареал его мест обитания стал более чем на тысячу километров севернее. Стоит отметить, что найденную летучую мышь персонал станции передал ученым, в очередной раз подтвердив искренность своего интереса к природе зоны отчуждения.

Впрочем, не все так радужно во взаимоотношениях человека и животных. Увеличение популяций кабанов, лосей и оленей привело к росту числа аварий на автодорогах зоны. Особенно часто сбивают машинами чернобыльских лосей. Даже один из директоров ЧАЭС не избежал такого ЧП на своем служебном автомобиле.

К слову, лось считается неким любимцем и даже талисманом персонала зоны. Если, например, в Китае символом денежного благополучия и удачи в бизнесе является трехлапая лягушка с монеткой во рту, то таким символом финансового благополучия работников станции можно смело назвать лося. По устоявшейся традиции считается, что увидеть его из окна электрички, на которой персонал ежедневно едет на ЧАЭС на работу, – это хороший знак, говорящий, что зарплата будет выплачена вовремя и в полном объеме. Особенно активно высматривают сохатого в конце месяца. В вагонах электрички в это время можно часто услышать разговоры об этих лесных красавцах. Появление животного всегда сопровождается восторженным шумом и живо обсуждается между сидящими рядом рабочими. Узревший лося или мелькнувшую в окне электрички тень животного может залихватски рассказывать окружающим о возрасте, поле и даже позе животного и месте его обнаружения.

Отметим, что лось является одним из самых крупных из ныне живущих оленей и остается типично лесным обитателем. Поэтому на глаза человеку осторожное животное попадает достаточно редко. Проникновения лоса в культуру работников станции свидетельствует о том, насколько близко подошла природа к людям в зоне отчуждения.

По существующим суевериям персонала, другие животные, увиденные из электрички, также могут предвещать удачу. Например, стадо диких кабанов с маленькими поросятами обычно появляется к премии, но, к сожалению, встречи ними довольно редки, куда реже, чем на самом деле выплачивают премии.

Еще одним ярким свидетельством позитивных контактов между животными и людьми является небольшой зоопарк, организованный пожарными в городе Чернобыль. В обыденном понимании зоопарк – это место, где диких животных выставляют на обозрение публике, но чернобыльский зверинец пополняется исключительно представителями фауны, попавшими в беду. Без помощи человека эти бедолаги погибли бы.

Первым обитателем зверинца стал маленький поросенок, названный Борькой, он попал сюда в 2005 году. Тогда выводок свиней сеголеток несколько дней топтался возле асфальтового завода на окраине Чернобыля. Было похоже, что их мать убили браконьеры. Выросший среди людей Борька стал совсем ручным. Суровый с виду теперь уже огромный вепрь на самом деле добродушен и крепко привязан к своим спасителям. Обитатели зоопарка также пришлись Борьке по душе, а особенно лошадь пожарных: кабан всегда с видимым удовольствием и похрюкиванием следует за повозкой. Любит играть с местными собаками. Уникальный факт одомашнивания дикого кабана привлек многочисленных журналистов, посещающих Чернобыль. Постепенно Борька стал героем их репортажей и был даже задействован в съемках ряда фильмов о дикой природе зоны отчуждения. В 2009 году на съемках одного такого фильма кабанчик ушел в лес, но через три дня вернулся обратно. С людьми ему лучше – еда из столовой, сено, уютный вольер.

Позже зоопарк обзавелся лисенком, подобрали пожарные и сбитую машиной енотовидную собаку. В 2008 году здесь появился олененок, названный, конечно же, Бемби. Теперь это вполне взрослый олень, который живет в вольере.

Кроме зоопарка, персонал зоны также контактирует с животными в повседневной жизни. Чаще всего общение сводится к подкормке. Вспоминается история со «служебным лисом», который обитал на одном из КПП зоны отчуждения. Дорога, на которой стоял пункт, была не очень оживленная, и, видимо, от скуки дежурная смена милиционеров начала делиться едой с местным лисом. За два года прикормки зверь одомашнился до состояния обычной собаки. Он постоянно сидел на КПП и не тревожился при появлении машин или посторонних, а, почуяв угощение, заинтересованно подходил.

Между «самоселами» и дикими животными отношения, наоборот, не складываются, точнее, носят откровенно враждебный характер. Дикие обитатели зоны с удовольствием посещают полные сочной еды огороды «самоселов». Особенно настырны дикие кабаны. Плантации картошки, морковки или свеклы, с такой любовью возделываемые людьми, могут быть легко уничтожены хрюкающим семейством. «Самоселы», естественно, защищают свои огороды, для начала строят крепкие заборы вокруг участка. Для этого они используют фрагменты брошенных домов – двери, половую доску и даже пружинные решетки от кроватей. Поэтому забор «самосельского» огорода порой напоминает баррикады.

Но опасность для хозяйства «самоселов» может не только подкрасться по земле, но и просто упасть с неба. Хищные птицы, чаще всего ястребы, покушаются на хозяйских кур и цыплят. Если «самоселам» удастся поймать ворюгу, его безжалостно умерщвляют и цепляют на длинную палку, установленную в центре огорода. Таким способом чернобыльские аборигены отпугивают других пернатых хищников.

Убитая хищная птица на огороде у «самосела»

Как видим, выживая в зоне отчуждения, «самоселы» ведут борьбу не только с болезнями, властями, мародерами, но и противостоят миру дикой природы, который постепенно поглощает немногочисленные островки, некогда принадлежавшие человеку.

Хуман фактор

С понятием «человеческий фактор» (*human factor*) мы обычно сталкиваемся, когда речь идет о катастрофах или авариях. Когда поведение человека – его ошибка, заблуждение или злой умысел – являются причиной выхода из строя технических систем. Поэтому в сложных или опасных системах проектировщики стараются минимизировать человеческий фактор или выстроить от него систему защиты. Но как показывает жизнь, перед человеческим фактором бессильны даже самые совершенные системы защиты. Катастрофа на ЧАЭС – лучшее тому доказательство.

Впрочем, человеческий фактор существует не только в технических системах, но и в социальных. В обществе действуют определенные правила и нормы поведения, однако всегда находятся люди, которые с ними не согласны. И они непременно бросают обществу вызов.

Именно так и произошло в чернобыльской зоне отчуждения, где закон запрещает находиться посторонним. Легально на режимном объекте пребывает только персонал, а нелегально вскоре после эвакуации там появились «самоселы», люди, которые проживали на этой территории до аварии и вернулись если не в свои дома, то к своему образу жизни. Вторая категория нелегалов – сталкеры, которые ходят в зону ради развлечения...

Можно еще вспомнить разного рода любителей наживы – браконьеров, сборщиков металла и других почитателей материальных ценностей. Но их мотивация – выгода любой ценой, явление не уникальное, а при любых «смутных временах» так и вполне обыденное. Нас же интересуют люди, для которых чернобыльская зона отчуждения стала объектом нематериального интереса.

«Самоселы» Чернобыльской зоны

Стать «самоселом»

Это название возвращенцам дали журналисты, сами себя они так не называют. «Самоселы» – коренное население, которое проживает на земле своих предков и какими-либо «поселенцами» себя не считает. Но мы все же будем использовать слово «самоселы» как общепринятое. Отметим, что этих людей называют также и «самопоселенцами», «переселенцами», «возвращенцами» и т.д.

Кто же возвращался к себе домой, на свою землю, которая стала зоной отчуждения? Классифицировать этих людей можно по разным признакам, но наиболее характерной чертой «самоселов» является их возраст. Вот что пишет полковник милиции Наумов, который в 1988 году служил в полку охраны зоны: «Возвращались те, кто ушел на заслуженный отдых, оформил пенсию. Уже тогда это были люди немолодые». Предположительно, средний возраст «самоселов» на момент возвращения был 55–60 лет. Другой общей особенностью этих людей стало место проживания – все «самоселы» раньше были жителями сел или частного сектора города Чернобыль. О том, насколько это не случайно, мы расскажем позже.

Известно, что только из сел было эвакуировано около 70 тысяч человек, а назад вернулись 1200 человек, что составляет примерно 2% от общей численности населения. Но корректнее говорить о процентном соотношении вернувшихся от числа эвакуированных пенсионеров. В этом случае каждый десятый пенсионер, проживавший в зоне эвакуации, вновь поселился на своей родине. Согласитесь, это не так уж и мало.

Эвакуация

В случае возникновения чрезвычайной ситуации, эвакуация людей с мест постоянного проживания является крайней мерой. К тотальному выселению прибегают в исключительных случаях, например из-за сильного радиоактивного загрязнения территории. История знает не только Чернобыльскую, но и другие аварии, имевшие похожие последствия. Например, авария на химическом заводе в итальянском городе Севезо, произошедшая 10 июля 1976 года. Вследствие взрыва реактора в окружающую среду поступило большое количество высокотоксичных химических веществ – диоксинов, обезлюдив тем самым более 15 км² территории. Все население было эвакуировано сроком на 19 месяцев, но и сегодня на определенных участках этой территории проживание для людей опасно.

В Советском Союзе в 1957 году из-за халатности персонала на Производственном объединении «Маяк» произошел взрыв одной из емкостей, содержавшей жидкие радиоактивные отходы. Территорией, не пригодной для постоянного проживания людей, стали около восьмидесяти квадратных километров, эвакуировали около 11 тысяч человек из 22 населенных пунктов. Этот загрязненный район еще на многие годы останется незаселенным. Сейчас на его

месте находится Восточно-Уральский заповедник.

Естественно, решение об эвакуации принимается не спонтанно и не по наитию, а на основании сложных расчетов. Само отселение происходит не стихийно – это очень сложное мероприятие, требующее предельной согласованности в работе всех ведомств государства – медицинских, правоохранительных, военных, транспортных, служб обеспечения. Проходит все по заранее разработанному сценарию, где роль вершителя человеческих судеб играет специально созданная эвакуационная комиссия. Именно она ответственна за оповещение населения об эвакуации, ее сроках и способах. Для этого используют телевидение, радио и громкую связь, если таковая в населенном пункте имеется. К началу эвакуации создают специальные сборные пункты, оснащенные и оборудованные всем необходимым. Оттуда и отправляют людей в места их временного или нового постоянного жительства.

Эвакуационная комиссия обеспечивает наличие транспорта и сопровождения в пути, а также вывоз материальных ценностей (вещей эвакуированных). Для эвакуации больных и инвалидов используют спецтранспорт.

Конечно же, с учетом конкретных обстоятельств в сценарий эвакуации вносят коррективы. Отселение жителей Припяти проходило без создания сборных пунктов, на это просто не было времени. Радиационная обстановка ухудшалась с каждым часом. Уже к вечеру 26 апреля 1986 года уровни радиационного фона достигли нескольких сотен микрорентген в час и, судя по ситуации на ЧАЭС, – это был не предел.

Самое ужасное, что в субботу, 26 апреля, т. е. в день взрыва, горожан никто не предупредил и не проинструктировал о необходимости находиться в помещениях. Так, городской парк культуры и отдыха, открытый всего за несколько дней до аварии, в субботний вечер был переполнен посетителями. А когда произошедшее уже не скрывали, никто не побеспокоился о том, чтобы раздать населению Припяти таблетки йодистого калия, мало того, респираторов не хватало даже для детей.

Только после принятия окончательного решения об эвакуации специалисты оценили количество людей, подлежащих вывозу, и определили, сколько для этого потребуется транспорта. В ночь с 26 на 27 апреля из Киевской области был срочно мобилизован весь автобусный парк. Машины прибывали всю ночь, выстраивались в многокилометровую колонну по дороге между Припятью и Чернобылем. Обратим внимание, что водители всю ночь находились возле своих автобусов, ожидая дальнейшей команды к действию, а в это время на них потихоньку сыпал радиоактивный пепел...

Всего для эвакуации населения Припяти было задействовано 1100 автобусов, а на железнодорожную станцию Янов было подано три специальных поезда.

27 апреля около полудня по радио Припяти было передано короткое официальное сообщение для жителей города, им предлагалось взять с собой набор продуктов питания на три дня и быть готовыми к эвакуации. Она началась в 14.00 того же дня. Автобусы подъезжали прямо к подъездам, и люди садились в них. Через три часа город покинули 44 600 человек, из которых около 17 тысяч были дети.

После взрыва ядерного реактора прошло чуть более 36 часов. Ниже приведена таблица хронологии эвакуации Припяти, подготовленная по монографии «Чернобыльская катастрофа».

Хронология эвакуации Припяти

26.04.1986 г. 8.00–9.00	Запрос директора ЧАЭС об эвакуации населения из Припяти у председателя Правительственной комиссии. Четкого представления о радиационной обстановке на ЧАЭС и в городе нет. Разрешения не последовало
26.04.1986 г. 23.00	Обсуждение в Правительственной комиссии вопроса об эвакуации населения из Припяти (принято решение усилить наблюдения за радиоактивной обстановкой, подтянуть предназначенный для эвакуации транспорт к окраинам Чернобыля, окончательное решение принять утром 27.04.1986 г.)
27.04.1986 г. 22.30–2.00	Убытие автотранспорта в районы катастрофы и сосредоточение его на рубеже Чернобыля: автобусов — 1225 (на 144 автобусах было установлено транспортно-санитарное оборудование), грузовых автомобилей — 360. Кроме того, на железнодорожной станции Янов были подготовлены два дизель-поезда на 1500 мест
7.00	Председатель Правительственной комиссии на узком совещании объявил, что принял решение об эвакуации во второй половине дня 27.04.1986 г.
10.00–12.00	Председатель Правительственной комиссии дал местным партийным органам указания и объявил порядок эвакуации населения (временем и датой официально объявленного решения Правительственной комиссии о проведении эвакуации Припяти принято считать 12.00 27.04.1986 г.)
12.20	Инструктаж начальников эвакуационных секторов, их заместителей и старших нарядов
13.00	Инструктаж всего личного состава, задействованного в эвакуации
13.10	Передача по местному радио сообщения Припятского горисполкома об эвакуации
до 13.50	Повторный обход домов сотрудниками милиции
13.50	Сбор жителей у подъездов своих домов
14.00	Подача автобусов к местам сбора (начало эвакуации)
14.00–16.30	Проведение эвакуации: колонны из 20 автобусов и 5 грузовых машин направлялись за людьми и личным имуществом в Припять с интервалом в 10 минут в сопровождении ГАИ
16.30	Практическое завершение эвакуации
18.20	Поквартирный обход домов сотрудниками милиции (выявлено 20 человек, которые пытались уклониться от эвакуации)

По сведениям официальных источников, транспортных средств было достаточно, и эвакуация населения из Припяти прошла спокойно, без паники. Менее чем через три часа в городе остались только те, кто выполнял свои служебные обязанности. Тогда же, 27 апреля, эвакуировали население из военного городка Чернобыль-2.

В дальнейшем в связи с постоянным ухудшением радиационной обстановки было принято решение о продолжении эвакуации. Третьего мая, за один день (!), эвакуировали 15 сел – Лелёв, Копачи, Чистоголовка, Кошаровка, Зимовище, Кривая Гора, Кошовка, Машево, Парышев, Староселье, Красное, Новошепеличи, Усов, Бенёвка и Старошепеличи, из которых было выселено около 10 тысяч человек. Все эти села расположены в десятикилометровой зоне отчуждения.

По мере того как в последующие дни поступали новые данные о радиационной обстановке на территориях, удаленных от станции, назревала необходимость проводить поэтапную эвакуацию населения из тридцатикилометровой зоны. В период с 3 по 7 мая люди покинули еще 43 населенных пункта, в том числе Чернобыль. Были вывезены 28 500 человек. Дополнительно, до середины мая, еще 2000 человек покинули 7 населенных пунктов. Время, необходимое для эвакуации одного поселка, составляло от 4 до 8 часов.

В Чернобыле, в отличие от Припяти, было много частного сектора, а подъезжать к каждому дому не хватало времени. Поэтому люди ожидали отправки на сборных пунктах. И уже 5 мая Чернобыль покинул последний гражданский житель. Рассказывают, что, поспешно покидая дома, чернобыльцы оставляли записки для воров и мародеров, в которых просили ничего не трогать, не курочить имущество, многие письменно разрешали в случае необходимости пожить в их доме, практически все искренне верили в то, что очень скоро вернутся.

А вот в отдаленных районах далеко не все жители подчинились требованиям властей покинуть свои дома. Ученые экспедиции Радиевого института им. Хлопина, которые в первые месяцы после аварии проводили радиационное обследование брошенных населенных пунктов, неоднократно встречали местных жителей в эвакуированных селах и деревнях. В основном это были пожилые люди, как правило, уговоры и объяснения о вреде радиации на них не действовали.

Так, в деревне Чистоголовка, где в середине мая 1986 года радиационная обстановка была очень тяжелая, проживал пожилой мужчина. Не желая эвакуироваться, он всю живность, включая домашний скот, спрятал в подвале своего дома. Отметим, что в то время уровень радиационного фона в его деревне составлял около 70 мР/ч. Наивный абориген искренне надеялся пересидеть месяц-два в глубоком подполье и дожидаться улучшения обстановки. К сожалению, дальнейшая судьба этого человека неизвестна. Вероятно, здравый смысл возобладал, и старик выехал из зоны отчуждения. Позже это село, попавшее под основную струю радиационного выброса из реактора, было разрушено и захоронено. Сегодня только редкие полусгнившие заборчики и жалкие деревца выродившихся яблонь и слив напоминают о существовавшей здесь деревне.

Но, пожалуй, наибольшее упрямство продемонстрировали жители деревни Ковшиловка. При радиационном фоне в 7 мР/ч в 1986 году абсолютно все взрослые жители отказались эвакуироваться. Они лишь вывезли своих детей к родственникам. Впрочем, сегодня этот населенный пункт является нежилым, властям все же удалось переубедить несговорчивых деревенских жителей.

В личных дневниках первых исследователей зоны поражения можно найти откровенные воспоминания об увиденном человеческом горе. На перевалочных пунктах витала гнетущая атмосфера тотальной безнадежности, люди плохо понимали, что происходит, и смиренно ожидали решения своей дальнейшей судьбы.

Вот воспоминания ученых о ситуации в городе Иванков в первые недели мая: «Центральная площадь города была заполнена людьми с посеревшими лицами. Горели костры, возле которых грелись дети и старики, несмотря на календарный май, по ночам случались заморозки. Люди были в замешательстве, взгляды были полны отчаяния. Но тогда они еще верили, что очень скоро, через три дня после выселения, государство поменяет свое решение и их пустят обратно, домой... Эвакуированные толпились возле административных зданий города с надеждой услышать наконец-то хорошую новость. Хоть одну хорошую новость за последние несколько недель».

Этот магический срок – три дня – фигурирует во многих воспоминаниях и хрониках. Жителям города Припять и других населенных пунктов, эвакуированных 27 апреля, обещали

возвращение к нормальной жизни через три дня. Даже в известном объявлении, которое прозвучало в Припяти по радио, сообщалось, что выселение будет длиться недолго, брать с собой нужно только документы и самое необходимое.

Откуда взялся этот строк? Вероятно, три дня – это «решение-заготовка» служб гражданской обороны. Если при недостатке информации нужно быстро принять решение, то используют заранее заготовленные шаблоны. Исходя из того, что советская система гражданской обороны была ориентирована на защиту в случае ядерного удара, то эти три дня являются вполне разумным сроком эвакуации. Просто при взрыве уранового заряда образуются радионуклиды, активность которых за три дня снижается примерно в тысячу раз. Но при взрыве реактора на ЧАЭС в окружающую среду поступили другие радионуклиды, они имеют более длительные периоды полураспада. В данном случае измеряется он не днями, а десятилетиями. Поэтому «трехдневная» надежда местных жителей уже скоро была развеяна реальностью.

Всего в 1986 году были эвакуированы 116 тысяч человек из 188 населенных пунктов. Такого массового исхода людей из обжитых территорий человечество в XX веке не знало. Вывести в такие короткие сроки такое количество дезориентированных людей можно было лишь при наличии мощного технического ресурса и высокого уровня организации. Для сравнения: исход беженцев из Косово в 1999 году охватил свыше 100 тысяч человек, но мировая общественность назвала этот процесс гуманитарной катастрофой.

Впрочем, опыт подобных форс-мажорных отъездов у Советского Союза имелся, и не случайно многие историки называют самой важной операцией Великой Отечественной войны эвакуацию населения и промышленности на восток в 1941 году.

После завершения чернобыльской эвакуации началось создание собственно зоны отчуждения. В середине мая 1986 года вышло соответствующее постановление Правительства, охранный периметр создавали с намерением запретить свободное посещение территории, регламентировать въезд и выезд из нее. Это позволяло и пресекать попытки вывоза из зоны зараженных вещей и материалов, и минимизировать риск мародерства.

Возвращение

Для некоторых будущих «самоселов» все началось еще во время эвакуации. Например, около сотни жителей села Ильинцы отказались от нее и исчезли из поля зрения эвакуационной комиссии. Можно предположить, что в данном случае сказался богатый партизанский опыт, полученный селянами во время Второй мировой войны. Тогда в Ильинцах немцы расположили сборный пункт для угоняемых в Германию.

Ходят легенды об одном дедушке, который два месяца прожил в чернобыльских лесах в землянке и умудрился ни разу не попасться на глаза милицейским и армейским патрулям, выискивавшим уклонистов.

Самовольное же возвращение жителей началось буквально через несколько недель после эвакуации и длилось около двух лет. В опросах «самоселы» называли две основные причины возвращения: неустроенность на новом месте и тоску по родному дому.

В неустроенности была как объективная сторона, так и субъективная. Чернобыльские чиновники, с гордостью заявляя о предельном внимании государства к пострадавшим людям и быстром строительстве 163 населенных пунктов для переселенцев и десятков тысяч домов (вернее сказать, было построено 41 777 домов), скромно умолчали об их качестве. Быстро возводимые дома для переселенцев зачастую были просто непригодны для жилья. Значительная часть «самоселов» вернулась обратно в зону отчуждения именно по этой причине.

Стоит отметить, что средства на строительство домов для эвакуированных зачастую выделялись из местных бюджетов тех городов и сел, куда их переселяли. Естественно, денег на социальное развитие регионов попросту не оставалось, местным предприятиям было предписано принимать на работу в первую очередь переселенцев, льготы распространялись и на медицинское обслуживание, и на поступление в вузы... Таким образом, чернобыльцы невольно оттесняли местное население, и хоть государство пыталось создавать дополнительные рабочие места и развивать социальную инфраструктуру, но удавалось это далеко не везде.

В результате между аборигенами и «пришлыми» складывались напряженные отношения,

их стали недолюбливать, переселенцы чувствовали себя еще большими изгоями. Красноречиво рассказала об этом Мария Урупо, «самосел» из села Парышев зоны отчуждения. «Нас отселили в Бородянский район. Дали в старообрядческой деревне дом – один на 8 человек. Погреб заливало водой, стены промерзли насквозь. Не смогли мы жить в общежитии». И таких печальных историй очень и очень много.

Субъективная причина возвращения в зону заключалась в радикальном изменении образа жизни эвакуированных. Одних селян выселили на юг и восток Украины, и даже в Крым. А там климатические и аграрные условия в корне отличаются от тех, к которым люди привыкли в Полесье. Для человека, ведущего собственное хозяйство, снабжавшее его всем необходимым, это настоящая катастрофа. Требовалось в корне менять привычный образ жизни – что для людей пожилого возраста практически невозможно. Выделенную землю многие из них обрабатывать отказались, что вызвало дополнительные нарекания со стороны местных властей и жителей. Других деревенских поселили в городские квартиры, что тоже психологического комфорта не добавляло.

Естественно, люди тосковали. Чувство дома и родины, особенно для людей преклонного возраста, проживших всю свою жизнь в лесу или возле реки, – это сильное личное чувство. В детстве именно дом и ближайшее к нему пространство дают подрастающему человеку модель мира. Эта модель, образ родины, все чувства, связанные с ним, – звуки, запахи, зрительные картины, навсегда сохраняются в памяти и влияют на всю дальнейшую жизнь.

Те, кто большую часть жизни провел в квартирах и никогда не имел своей земли, имеют совсем другую модель мира и иное представление о доме. Такие люди легче меняют место жительства и к дому применяют только утилитарные требования – комфорт, удобство расположения, качество обслуживания. Для сельского жителя дом – это центр его жизненного пространства. Свой микромир. Часто он является творением его рук или рук его предков. В сельском доме вместе живут три-четыре поколения одной семьи. В этой системе представлений дом – это защищенное пространство, в котором можно чувствовать себя в безопасности.

Тут-то и кроется основной мотив возвращения, которое для многих людей кажется лишенным рациональных оснований. Украинская писательница Лина Костенко, которая долгое время занимается гуманитарными аспектами Чернобыльской катастрофы, вспоминает такую беседу: «Мне один чиновник из администрации зоны сказал: «Вот вы, писательница, изучите их психологию. Что за люди? Им дали квартиры, дали компенсацию, а они возвратились сюда. Чего ж они плачут, это ж уже не их, государственное. Они за эти хаты компенсацию получили».

В сложившихся условиях переселенцы были готовы отказаться от всех «благ», безвозмездно подаренных им государством, и во что бы то ни стало вернуться в свои родные места. К весне 1987 года началось массовое возвращение «самоселов». По оценкам ученых, в тот год назад вернулся каждый сотый из общего числа эвакуированных.

То, что значительная часть из них имела статус пенсионеров, вполне объяснимо. В этом возрасте люди уже не обременены воспитанием детей, обязательств перед обществом у них остается не много. Поэтому и рычагов воздействия, которыми государство могло бы заставить их остаться на новых местах, тоже мало. Кроме того, пенсионер в СССР имел высокий социальный статус – человек прошел трудовой путь и находится на заслуженном отдыхе. Вероятно, поэтому данная категория эвакуированных жителей сознательно выбрала возвращение и, как следствие, конфронтацию с властями. Они сочли, что имеют полное право дожить свой век в родном доме.

Радиация была для них невидима и непонятна, угрозу для своего здоровья правильно оценить они не сумели. А вот дискомфорт от новой непривычной жизни, от разрыва родственных и дружеских связей, а порой и от отсутствия жилья они испытали в полной мере. Все это превратило эвакуацию в личный «конец света» отдельно взятого и, как правило, пожилого человека.

Подобные эмоции в 1976 году, за 10 лет до аварии на ЧАЭС, описал Валентин Распутин в повести «Прощание с Матёрой». Матера – это и остров, и одноименная деревня с 300-летней историей, где однажды наступает такой вот «конец света»: в результате строительства гидроэлектростанции остров попадает в зону затопления, и всю деревню решают переселить в новый поселок на берегу реки Ангара. Для жителей деревни преклонного возраста это трагедия,

целая серия утрат. Полная физическая потеря, ведь родные места, где прошла почти вся жизнь, скоро перестанут существовать. Это утрата связи с предками – вместе с островом исчезнет кладбище с могилами родственников. Это утрата образа жизни – на новом месте, в поселке, им придется доживать свой век в квартирах. В переживаниях героев повести вы можете узнать те же чувства, что испытывали эвакуированные жители сел зоны отчуждения.

Некоторые в качестве выхода из сложившейся ситуации выбрали возвращение домой. Делали это «нелегально» – звериными тропами в обход постов милиции, «легально» – устраиваясь на работу в зоне отчуждения и вселяясь обратно в свой дом. Потребность в рабочей силе в первые, самые трудные послеаварийные годы была велика, и на факт возвращения закрывали глаза. Легально возвращались в Чернобыль, нелегально – в брошенные села.

В 1987–1990 годах «самоселы» проживали в Чернобыле и 17 селах. Все эти населенные пункты расположены в южном секторе зоны отчуждения, ограниченном с севера дорогой Диброва – Чернобыль – Славутич, с других сторон – границей зоны.

Первое время «самоселы», как могли, скрывали свое пребывание, даже печи топили по ночам. Позже они, что называется, вышли из «подполья» и с упорством и терпением, достойными уважения, отстаивали свое право жить и умереть на родной земле. Официальные власти ничего не могли поделать. С одной стороны, они нарушали закон и подлежали соответствующим санкциям. С другой – их понимали, им сочувствовали и уж точно не видели в них социальной опасности. Единственная акция принудительного выселения, которую милиция проводила в 1989 году, была прервана вмешательством личного состава одной из армейских частей, расположенных в этом районе. Таким образом, «самоселы» стали неотъемлемой частью реальности зоны отчуждения.

Как демографическая группа они имеют весьма характерные черты. Так, в 1992 году 95% данного населения имели возраст 50 и больше лет, 75% – больше 60 лет. В дальнейшем доля людей преклонного возраста устойчиво повышалась. Соотношение мужчин и женщин равно один к двум и сохраняется таким уже 15 лет (интересно отметить, что соотношение полов у персонала зоны отчуждения обратное). Средний возраст «самосела» сейчас составляет 63 года. Поэтому основной причиной сокращения количества «самоселов» в чернобыльской зоне является их естественная убыль.

Усадьба «самосела» города Чернобыль

Детей у «самоселов», по понятным причинам, не рождается или... почти не рождается. 25 августа 1999 года в семье Лидии Совенко и Михаила Ведерникова появилась дочь Мария – она единственный ребенок, рожденный в Чернобыльской зоне за все время ее существования. До 7 лет девочка жила в Чернобыле, потом – в интернате. Других местных «уроженцев» здесь, по счастью, нет. Зато есть «сезонные» дети, которых родители отправляют на лето к бабушкам «самоселам» на «оздоровление». Так, в 1992 году было отмечено 10 таких детей. Большинство свидетельств их пребывания в зоне отчуждения относятся к 90-м годам, после 2001 года детей в зоне не видели. Возможно, это связано с усилением режима охраны или, что вероятней, дети просто выросли.

В начале 2007 года количество «самоселов» составляло 314 человек, но уже к 2009 году их численность сократилась до 269 человек, живут они не в одном селе или городе, а рассредоточены по 11 населенным пунктам зоны отчуждения. В Чернобыле проживает основная группа – 129 человек, остальные в селах Залесье, Ильинцы, Куповатое, Ладыжичи, Опачичи, Новые Шепеличи, Оташев, Парышев, Теремцы и Рудня-Ильинецкая. Основная часть сел, обжитых «самоселами», находится в южной, наименее загрязненной радионуклидами части зоны отчуждения.

Образ жизни местных жителей

Больше всего «самоселов» вернулось во время первой волны через год после аварии. Весной 1987 года, по данным Чернобыльского РОВД, возвращенцев было 1086, осенью – уже 1200 человек. Дальше из года в год их число уменьшалось в результате выезда и естественной смертности. Выезжали из зоны всегда, но больше всего в 1989–1992 годах. Возможно, потому, что до 1992 года администрация Киевской области предоставляла жилье тем, кто изъявлял желание покинуть чернобыльскую зону.

Остались самые стойкие, они приспособились к сложившимся условиям в зоне и постепенно сформировали свой уникальный образ жизни. В общих чертах он подобен укладу обычных жителей наших полесских сел, однако особый режим зоны добавляет ему определенной специфики. Всего мы насчитали восемь отличительных признаков образа жизни «самоселов».

Первый, он же основной, – ведение приусадебного хозяйства. Своими силами «самосел» производит большую часть продуктов питания, в его хозяйстве обязательно есть огород, площадь которого зависит от физических возможностей хозяина или хозяйки. Обязателен сад, в котором иногда можно увидеть пасеку, состоящую из обычных или колодных ульев. Животноводство в частных подворьях «самоселов» не очень распространено. Чаще всего держат птицу – кур, уток или индюков, но те, кто в силах, заводят лошадей, коров и свиней. Проблемы зонового животноводства напрямую связаны с отсутствием кормов, поскольку зерно, необходимое для содержания птицы, и комбикорм для крупных домашних животных нужно привозить извне, а многим старикам это уже не по силам.

Плотность населения здесь невелика, а брошенных домов и земли в избытке, потому размеры частных владений напрямую зависят только от желания хозяев и их возможностей поддерживать недвижимость в надлежащем состоянии. Так, наиболее продвинутые хозяйства похожи на ранчо средних размеров, которое состоит из хозяйственного двора и угодий. Для создания двора используют от двух до шести стоящих рядом брошенных построек. Вся территория владений «самосела» обносится сплошным, крепким забором, а внутри него располагаются дом для проживания (усадебка) и хозяйственные постройки, которые используются в качестве складов. Обязательно в наличии дровяной сарай, мастерская, конюшня или хлев, птичий двор, а также сад и пасека, о которых мы уже упоминали. Угодья примыкают к хозяйственному двору и представляют собой огород или пастбище, которые также надежно ограждают забором от диких животных.

Вторая особенная черта образа жизни «самоселов» – это почти полная автономность. Сознательный выбор жизни вне человеческого общества, без поддержки официальных органов власти и в ряде случаев даже вопреки их требованиям, заставляет людей надеяться только на

собственные силы и средства. Поэтому продуктов в подсобном хозяйстве производится с излишком, большая часть которого запасается впрок. На «черный день» припасены у «самоселов» и дрова, уголь, строительные материалы, инвентарь и т.п.

«Самосел» чернобыльской зоны

Третья черта – ритм жизни «самосела». Он целиком и полностью подчинен природе и сельскохозяйственному циклу. Весна, лето и осень посвящены посадке, выращиванию и сбору урожая, зима – время отдыха. Встает «самосел» с восходом солнца, а с закатом – ложится спать. Летом день соответственно длинный, а зимой – короткий.

Четвертая черта – широкое использование «даров природы». Эта особенность характерна для всего населения Полесского края, что неудивительно: с одной стороны, богатые лесные угодья и многочисленные реки, с другой – бедные для ведения продуктивного сельского хозяйства почвы. В таких условиях дары природы позволяют существенно разнообразить меню питания. Лес дает «самоселам» ягоды, грибы и орехи. В брошенных сельских садах они собирают и заготавливают на зиму яблоки и груши. Многочисленные реки, речушки и старицы поставляют рыбу. Фактически заповедный режим зоны отчуждения привел к росту численности диких животных. В условиях, когда косулю можно увидеть на окраине села, а дикие кабаны приходят прямо на участок с истинно свинской целью – уничтожить огород, успешность охоты ограничивает только наличием ружья или умением и желанием ставить ловушки.

Пятая черта – интенсивное использование «руин цивилизации» – брошенных построек и их содержимого, которое «самоселы» считают своим. Эти руины являются практически единственным источником материалов для хозяйства, топлива и даже предметов быта (инструменты и т.п.).

Шестая черта – компактность расселения по территории чернобыльской зоны. «Самоселы» редко селятся поодиночке. Чаще населенный пункт насчитывает не менее пяти жителей, если их становится меньше, то люди переселяются за пределы зоны отчуждения или в другое населенное место. Даже в таком большом городе, как Чернобыль, расселение «самоселов» носит весьма компактный характер. Причина такого явления проста и кроется в коллективной сущности человека – вместе спокойней и легче выживать. Человек, как в свое время заметил Аристотель, существо общественное.

Седьмая черта «самоселов» – это равнодушие к радиации и уверенность в безвредности жизни в таких условиях. Радиофобия им несвойственна, а аргументы просты и убедительны – «радиации не видно и не слышно», «кошка котят приносит много и все они нормальные», «на здоровье не жалеемся».

Восьмая черта – отсутствие страха перед дикими животными. Они живут с ними буквально бок о бок, и это доставляет «самоселам» немало проблем. От крупных животных, особенно диких кабанов, необходимо хорошо огораживать огород, от хищников (лисы и куницы) также приходится выстраивать оборону курятника и даже строить крытый вольер, чтобы кур не таскали хищные птицы (соколы). Даже собак «самоселы» содержат в специальных вольерах, чтобы волки не прибрали. При всем этом отношение к диким животным вполне терпимое. «Самоселы» такое соседство объясняют просто: «мы тут живем, и они тоже тут живут». Цепочка волчьих следов у калитки вызывает только вдумчивую констатацию факта – «опять приходили». Это сильно отличается от «цивилизованных» взглядов персонала, работающего в зоне отчуждения. Присутствие диких животных откровенно пугает большую часть сотрудников. В результате раз в два-три года в зоне отчуждения проводятся карательные кампании против волков или «зачистка» Чернобыля от кабанов.

Названные черты образа жизни можно охарактеризовать одним словом – регресс. Как писалось в одной из статей о «самоселах», «примитивный ручной труд». То есть возврат к прошлым методам ведения хозяйства. Не стоит сразу вкладывать негативный смысл в понятие «регресс». С позиции эффективности выживания это оказалась вполне успешная жизненная стратегия, секрет которой в том, что коренные полесские жители просто реализовали свои исконные навыки жизни на земле.

Приусадебное хозяйство

Как мы уже говорили, ход жизни «самоселов» подчинен природному и сельскохозяйственному циклу. Он начинается с весны и заканчивается зимой и делится на четыре периода, каждому из которых соответствует определенный набор крестьянских хлопот. В результате «самоселы» самостоятельно производят почти все необходимые продукты. Как в любом аграрном обществе, здесь практикуется натуральный обмен: если кто-то содержит пасеку, то меняет мед на недостающие продукты. Тот, кто в силах содержать несколько коров, обеспечивает молоком всю деревню.

Можно даже выделить несколько типов хозяйств «самоселов». Простое хозяйство встречается у тех, кто не может много работать и содержит только огород в несколько грядок. Другие к такому огороду добавляют мелкую живность – кур или козу. И только единицы предпочитают вести полноценное хозяйство – с хорошим огородом, курятником, свинарником, коровником и пасекой. Размеры такого владения становятся предметом гордости и способствуют повышению статуса «самосела» в небольшой общине. Продуктов в таких хозяйствах слишком много, но их запасают на зиму или стараются вручить гостинцы приезжающим из городов родственникам. Некоторые даже забирают.

Сразу после зимы «самоселы» начинают чинить, если это необходимо, свои дома и хозяйственные постройки, приводят в порядок сельскохозяйственный инвентарь, проводят инвентаризацию оставшихся зимних запасов. Сложные и тяжелые работы по хозяйству, такие как ремонт дома, заготовка дров, обрезка деревьев и т.д., могут решаться и с помощью персонала предприятий зоны отчуждения.

Затем «самоселы» начинают готовиться к посевной страде – осматривают семенной материал, покупают то, чего не хватает. Наиболее распространенными культурами являются картофель, капуста, свекла, фасоль, кукуруза, помидоры, огурцы и лук. Такой набор, с одной стороны, обусловлен качеством почвы на огородах, а с другой – возможностью долговременного их хранения. Весной на огородах также можно увидеть зелень – петрушку, укроп.

Огород «самосела»

Пчеловодство

Являясь одним из древних промыслов Полесья, пчеловодство и сегодня распространено среди «самоселов». Именно здесь сотни лет назад человек наиболее активно культивировал пчеловодство и фактически одомашнил диких пчел. Сначала это было бортничество – разновидность содержания диких пчел в специальных дуплах на деревьях. Затем люди перешли на содержание пчелиных семей в специальных колодах. До аварии на ЧАЭС существовали целые участки чернобыльских лесов, где практиковалось колодное пчеловодство. Кстати сказать, именно чернобыльские бортники занимают почетное место в сохранении этого древнего промысла. И сейчас в глухих уголках старых лесов зоны отчуждения можно увидеть полусгнившие колоды, подвешенные на высоких соснах.

Колоды для разведения пчел на подворье «самосела»

Единственное исследование пчеловодства в среде «самоселов» проводила Валентина Эдуардовна Иванова – ученый-биолог. Она выяснила, что, например, в 2006 году в зоне отчуждения насчитывалось пятнадцать пасек – две в Чернобыле и тринадцать в восьми селах. Большинство из них имело небольшой размер – до 10 пчелиных семей. Некоторые пасеки насчитывали от 15 до 20 семей, и лишь у одного «самосела» содержалось около 70 ульев.

Кстати, не везде это были именно современные ульи, частенько на пасеках встречались те самые колоды. Их нередко используют для временного поселения отделившихся пчелиных роев, но иногда используют и для постоянного содержания. Отмечают, что в колодах пчелы зимуют лучше, не болеют и производят значительно больше меда. Кстати, в зоне все пчелы местные и «самоселы» увеличивают пасеку за счет деления роев. Из продуктов пчеловодства используют мед, воск, пыльцу и прополис. Меда с одной пасеки получают от 50 до 1400 кг.

Возраст чернобыльских пасечников составляет от 45 до 86 лет, что соответствует общей возрастной картине среди «самоселов». Большинство пчеловодов – любители с большим опытом, многие из них унаследовали семейные знания о содержании пасеки. Только один

человек – Михаил Фесенко из села Лубянка – имеет специальное пчеловодческое образование.

Пчелиные колоды в хозяйстве «самосела» села Лубянка

Как и прочие продукты питания, производимые «самоселами», мед и продукты пчеловодства контролируются на предмет содержания радионуклидов. Замечено, что больше всего загрязнена цезием-137 собранная пчелами пыльца (в 2–3 раза грязнее, чем мед), а воск в десять раз чище меда.

Рыбалка

До аварии на территории чернобыльского района существовала мощная рыбоводческая инфраструктура, которая ежегодно поставляла 3000 тонн рыбы из искусственных и около 600 тонн рыбы из природных водоемов. Понятно, что после аварии эти традиции не были забыты «самоселами», и, несмотря на специфическую экологию, они постоянно практикуют рыбную ловлю.

«Самоселы» чаще ловят сетями, чем удочками или спиннингом. Самое распространенное орудие лова – жаберная сеть. Причем размер ячеек в сетях меняется: весной для лова белой рыбы и заходящей плотвы используют ячейки размером 35–40 мм; ближе к лету – более крупные для леща, сазана и судака; осенью размер ячеек доходит до 100 мм, в них попадает судак и сазан. Таких «самоселов», которые бы занимались рыболовством на профессиональном уровне, нет, но встречаются любители, у которых есть свои укромные акватории.

Ловля рыбы в реках чернобыльской зоны

Для еды обитатели заброшенных сел ловят порядка 10 кг рыбы. Справедливости ради отметим, что рыбалкой промышляют только жители населенных пунктов, расположенных вблизи реки Припять – города Чернобыль, сел Опачичи, Парышев, Оташев, Ладыжичи и Теремцы. Сети ставят в непосредственной близости от села, не далее 6–7 км. Наиболее посещаемые места Припяти – это устье и заливы, в остальных местах пробраться к воде бывает непросто – берега слишком заросли.

В зависимости от времени года рыбаки меняют места дислокации. Так, весной в фарватере Припяти ловят жереха, судака, сома, налима и щуку. Летом навещают заливы, где добывают более редкую рыбу – сазана и линя. Осенью ловят преимущественно хищных – жереха, судака и щуку. Щуку легче встретить в заливах, судака – в русле, причем осенью попадаются довольно крупные экземпляры весом до 6–7 кг.

Зимой всю рыбу ловят в ямах на глубинах 5–6 м и больше. В это время удается добыть в основном сома и сазана. Реже ловят судака и щуку.

Дары леса

Традиционное сельское хозяйство в Полесье никогда не было прибыльным и продуктивным, а в советское время чернобыльский район был и вовсе глубоко дотационным. С одной стороны, такое положение дел приводило к малой численности и плотности населения, а также к слабой освоенности территории. С другой стороны, здесь изобиловали роскошные лесные уголья. Поэтому дары леса всегда были серьезным подспорьем сельскому хозяйству, а в голодные времена основным источником пропитания для местных жителей.

Естественно, основным продуктом лесного питания традиционно были грибы. Выбор их в чернобыльских лесах большой: боровики, подосиновики, маслята, опята, рядовки, рыжики, грузди черные и желтые, зеленушки и даже шампиньоны.

Остальные дары леса – ягоды и орехи – «самоселы» также употребляют в пищу, но в значительно меньших количествах. Из лесных ягод собирают чернику и землянику, и то нечасто. Их охотно заменяют садовыми культурами – клубникой, смородиной и фруктами, которые выращивают на своих приусадебных огородах и садах.

Охота

Добыча животных требует от охотника существенных трат сил, времени и средств. Учитывая преимущественно преклонный возраст «самоселов», можно догадаться, что охота – не самое распространенное в их среде занятие. Тем не менее совсем от нее не отказываются, поскольку диких животных здесь очень много. Значит, можно эффективно использовать пассивные методы охоты, которые не требуют больших усилий, – капканы, петли, самоловы. В них попадаются не только зайцы и лисы, но и более крупные животные – косули, кабаны и даже волки.

С другой стороны, «самоселы» вынуждены воевать с животными, причиняющими ущерб их хозяйствам. Поэтому хоть и редко, но используют огнестрельное оружие.

Чаще все-таки дичь к столу получают в результате случайного стечения обстоятельств. Нередко дикие свиньи попадают в ловушку, яму или колодец, там ее добивают камнями или ломом. Настоящей же охотой и рыбалкой занимаются мужчины в возрасте до 50–55 лет, т. е. единицы.

Самогоноварение

Рассказ о жизни и быте «самоселов» был бы неполным без упоминания о давней традиции приготовления в домашних условиях общеизвестного алкогольного напитка – самогона. Любой репортаж журналиста в газете или ТВ, побывавшего в гостях у «самоселов», обязательно содержит материалы о публичном распитии самогона, любезно предложенного чернобыльскими туземцами.

Сохраняя свои древние традиции жизни на селе, «самоселы», естественно, гонят самогон. Ведь в их понимании именно он является первым средством защиты от радиации. И раз уж они живут на загрязненной территории, то исключать из рациона самодельный радиопротектор нельзя ни в коем случае. Да и традиции, коими полесские села всегда славились, забывать нельзя. А обилие уникальных рецептов по приготовлению алкогольных напитков красноречиво свидетельствует о богатстве такого рода традиций в Полесье. Здесь трудятся не над тем, как «выгнать» (приготовить) самогон, а над тем, как придать алкоголю благородный вкус и запах, т. е. правильно очистить и настоять на травах и полезных корнях.

Одним из таких традиционных напитков, которые испокон веков готовят в этих местах, является широко известная «Калгановка». Название настойки связано с использованием корня лекарственного растения калгана, которое здесь еще называют «украинским женьшенем». Калган в зоне отчуждения достаточно распространен, а самогон, настоянный на нем, имеет специфический, терпковатый вкус и насыщенный, темно-красный цвет. «Самоселы» из села Парышев такой самогон называют не иначе как «чернобыльский коньяк». Рецепт его приготовления, в отличие от французского аналога, прост: измельченный и высушенный корень калгана заливают свежавыгнанным самогом и ставят в темное место, периодически взбалтывают. Обычно напиток начинают употреблять через две недели, когда самогон приобретает характерный цвет и запах. Лечебные же свойства «Калгановки» были известны еще в древности, и, по мнению современной медицины, такая настойка действительно стимулирует образование крови. То есть «самоселы» правы: употребляя этот бодрящий напиток, они улучшают свой иммунитет, а значит, и защищают организм от радиации.

Используют и другие растения для приготовления эксклюзивного чернобыльского самогона и придания ему лечебных свойств. В связи с этим стоит упомянуть о не менее известной «Зубровке», традиционном алкогольном напитке жителей зоны Полесья. Для ее приготовления используют растение зубровку душистую, обладающую лечебными свойствами. Сто граммов «Зубровки» перед едой улучшают аппетит и нормализуют работу желудка.

Крепость приготовленного «самоселами» самогона комментировать, пожалуй, излишне. Был случай, когда иностранного журналиста угостили рюмочкой в одном из сел зоны отчуждения. После первых же ста граммов неподготовленный иностранный организм перестал подчиняться хозяину (very strong!).

Любопытно, что до аварии в некоторых селах Чернобыльского района практиковался коллективный способ производства самогона. В лесу, в глухих, потайных местах односельчане устанавливали большой, стационарный самогонный аппарат, который давал возможность перегнать не бидон или кастрюлю, а несколько бочек браги. Как правило, такое алкогольное производство устраивали в низине, поблизости от речушки или небольшого лесного озера. Занимался процессом перегона специальный, выбранный сельской общиной и заслуживающий доверия человек. Если такого человека не находилось, то каждый хозяин отдельно, в порядке установленной очереди, использовал аппарат для своих целей.

После аварии такие «народные промыслы» исчезли, но на бытовом, домашнем уровне самогонование существует и бесперебойно снабжает «самоселов» лекарством от радиации. Стоит отметить, что из всех производимых продуктов питания в зоне отчуждения только самогон абсолютно безопасен в радиационном плане. Он практически не содержит радионуклидов. При перегонке даже самой радиационно-неблагополучной браги – самогон получится без единого беккереля цезия, стронция и плутония. Вся радиоактивность, содержащаяся в пищевых компонентах – зерне, яблоках, ягодах и т.д., при перегонке задерживается в бражном осадке. Такое положительное свойство производства спирта даже рассматривалось учеными как способ промышленного использования территории зоны отчуждения. Было подсчитано, что при выращивании зерновых с последующей переработкой урожая на спирт можно получить около четырехсот литров спирта с гектара обрабатываемых угодий, а экологически чистый спирт может дать и существенную чистую прибыль – около двухсот долларов с гектара. Такая вот чернобыльская перспектива...

«Звнящее яблоко». Радиация в пище

Как мы уже знаем, большую часть продуктов питания «самоселы» производят сами, естественно, возникает закономерный вопрос – насколько загрязнены эти продукты радионуклидами, опасно ли их употребление или безопасно? Чтобы ответить на эти вопросы, ученые, работающие в чернобыльской зоне, систематически изучают овощи, фрукты и мясо на предмет содержания в них вредных веществ. Полученные данные сравнивают с установленными государством нормами, обозначенными в специальном документе под названием «Допустимые уровни». Приблизительно раз в год в каждой населенной деревне зоны на анализ берут и воду из колодцев, почву с огородов, проводят дозиметрические обследования домов и подворий. После исследований результаты измерений направляются официальными письмами хозяевам усадеб, где брались продукты. Вся эта работа проводится предприятием МЧС «Чернобыльский радиоэкологический центр» в рамках радиационно-экологического мониторинга зоны отчуждения.

Подобные наблюдения ученые ведут уже более 10 лет, с конца 90-х годов, когда произошла условная легализация «самоселов». Участники первых разведочных обследований вспоминали много удивительных вещей. Для «самоселов» в то время любой представитель власти был источником реальной или потенциальной опасности. Этому их научил десятилетний опыт проживания в зоне. Поэтому в какие-либо гуманитарные инициативы, исходящие от властей, они не верили и встречали ученых, прибывших взять образцы почвы и воды для анализов, более чем настороженно. От незваных гостей закрывались во дворах, которые кое-где сильно напоминали крепость (глухой забор с колючей проволокой поверху, а за ним – пара злобных псов) или наотрез отказывались идти на контакт с представителями чернобыльской науки.

Для ученых же контакт был невероятно важен. Первичные обследования породили перед специалистами по радиационной безопасности больше вопросов, чем ответов. Да, они имели опыт ликвидации аварии на ЧАЭС, но последующая экологическая ситуация подбрасывала головоломки одну за другой. Например, при обследовании огорода одного из «самоселов» в селе Теремцы в овощах была обнаружена аномально высокая концентрация стронция-90. Откуда он взялся? Стронция было в разы больше, чем могло бы перейти в картошку из почвы. Оказалось, что хозяин удобрял огород печной золой и остатками рыбы, в которых содержалось большое количество радионуклидов. Одно из свойств стронция – в больших количествах

накапливаться в костях, в данном случае в костях рыбы. Печная зола по мере сжигания древесины тоже постепенно накапливает содержащиеся в дровах радиоактивные вещества. Так что дедушка собственными руками вырастил ядерные овощи.

В другом случае дозиметр показал сильно «фонящие» доски во дворе еще одного из «самосельких» подворий. Расследование выявило, что однажды хозяин попросил, и ликвидаторы подвезли ему опалубки. Судя по показаниям дозиметра, эта опалубка была доставлена не иначе как с территории промышленной площадки ЧАЭС.

Хозяйство «самосела»

Тем не менее десять лет регулярных наблюдений за радиационным состоянием хозяйств «самоселов» позволили выявить некоторые общие тенденции загрязнения «местных» продуктов питания. Впрочем, «самоселы» не всегда следуют рекомендациям ученых, они уверены, что съев, к примеру, «чутьчуть» грязных консервированных грибов, они нисколько не рискуют своим здоровьем.

Питьевая вода. В среднем житель зоны отчуждения выпивает около двух литров воды в день. А поскольку питьевую воду они берут из местных колодцев, то такая вода может быть мощным источником радионуклидного заражения. Поэтому колодцы стоят на особом контроле в Администрации зоны, их постоянно проверяют ученые. Пока ситуация считается благополучной, уровни загрязнения воды в 10–30 раз меньше допустимых норм. Отметим, что в большинстве колодцев содержание стронция-90 аналогично его содержанию в воде рек Припять и Уж.

Овощи. На процесс накопления радионуклидов в овощах влияет множество факторов, но основным является уровень загрязнения почвы. Поэтому наиболее опасные картофель, морковь, свекла, огурцы вырастают в тех селах, земли которых затронули «следы» радиоактивных выпадений. На южном следе радиоактивных выпадений расположены город Чернобыль, села Залесье, Оташев и Опачичи. Село Новошепеличи попало под северный след, а село Лубянка – под западный. В этих местах загрязненные овощи попадают на столы «самоселов» в 2–4 раза чаще, чем в остальных населенных пунктах.

Мед. Этот сладкий продукт достаточно хорошо накапливает радионуклиды. Даже на относительно чистой территории встречаются факты сбора довольно грязного меда.

Содержание радиоактивных веществ зависит от вида растения, с которого пчелы собирали нектар. Грязным чаще бывает вересковый и бобовый мед, а вот с акации собирают относительно чистый продукт.

Рыба. Степень загрязнения рыбы, естественно, зависит от содержания радионуклидов в водоеме. Так, наиболее грязная рыба живет в замкнутых водоемах 10-км зоны отчуждения. То есть на территории «северного» следа радиоактивных выпадений – это озера Глубокое, Азбучин и Далекое. Наиболее грязная рыба водится в пруде-охладителе ЧАЭС. В реке Припять рыба хоть и содержит радионуклиды, но их количество редко превышает допустимые уровни.

Дичь. Несмотря на крайне малое количество дичи, которое попадает на стол к обычному «самоселу», вся она в той или иной степени загрязнена радионуклидами. Особую угрозу представляет цезий, который накапливается в мясе. Проведенные недавно исследования показали, что зараженные животные обитают и на радиационно-благополучных территориях южной части зоны отчуждения. Объясняется это достаточно просто – они не привязаны к одному месту, а ведут кочевой образ жизни. И, находясь в неблагополучных районах, успевают накопить в организме приличные количества радионуклидов.

Вспоминается случай, пару лет назад произошедший с человеком, который устраивался на работу на одно из предприятий зоны отчуждения. Когда он проходил медицинское обследование, врачи обнаружили в его организме большое количество радиоцезия. Выяснилось, что мужчина жил недалеко от границ чернобыльской зоны, был охотником и несколько дней назад добыл дикого кабана в лесничестве, которое находится за пределами зоны отчуждения. Похоже, животное обитало на территории зоны отчуждения, потому что когда мясо было благополучно съедено, то цезий, который не сразу выводится из организма, легко обнаружился уже в теле человека.

Грибы. Общеизвестно, что грибы являются самым «грязным», в радиационном смысле, лесным продуктом. Они накапливают радионуклидов на один-два порядка больше, чем окружающая их растительность. С этим не спорят и считаются даже «самоселы», поэтому в Чернобыле сформировался теневой рынок услуг по спектрометрии. Грибники несут добычу в те организации, где есть спектрометр, и выясняют, можно их есть или нет. В результате практически каждый «самосел» примечает свои, «экологически безопасные» места, где, по его словам, можно собирать грибы, чистые от радиации.

Но подобные заявления не всегда справедливы. Даже в относительно чистых местах, где можно без опаски пасти корову и получать от нее чистое молоко, где можно посадить и вырастить чистую картошку, грибы способны вобрать в себя цезия выше допустимых пределов. Поэтому они являются одним из основных источников внутреннего облучения «самоселов». Ученые рассчитали, что, употребляя всего несколько граммов сушеных грибов в день, «самосел» может получить треть от всей дозы внутреннего облучения.

Собирательство на руинах цивилизации

Как учит нас литературная и кинематографическая фантастика, руины цивилизации – это богатейший источник ресурсов для тех, кто выжил после катастрофы. Жизнь в условиях чернобыльской зоны отчуждения, где во время эвакуации людьми было брошено практически все имущество, красноречиво подтвердила догадки писателей и сценаристов. Именно брошенные и столь необходимые «самоселам» ресурсы фактически помогают им выжить в условиях изоляции и удаленности от цивилизации. А иначе как выжить одинокому пожилому человеку зимой в сельском доме, который отапливается только с помощью дров и угля? Ведь зимы у нас долгие и морозные – это требует большого запаса топлива. Приобрести уголь практически нереально, потому что на это уйдет вся пенсия за год. С дровами проще – их можно попросить в ближайшем лесничестве, вот только попилить и порубить их большинству «самоселов» уже не под силу. Поэтому одним из главных предметов «собираательства на руинах цивилизации» является топливо – уголь и дрова.

Уголь – это «стратегический» запас, гарантия выживания зимой. До аварии даже в Чернобыле отопление было преимущественно печным. Во время эвакуации люди стремились вывезти ценные вещи и мебель, но уголь и порубленные, сложенные на зиму дрова, конечно же,

оставляли. В селах зоны и сейчас можно найти заброшенные сараи, в которых аккуратно лежат поленья, сложенные еще в 1985 году. Теперь, когда опустевший частный сектор почти полностью зарос деревьями и кустарником и стал напоминать джунгли, поиск топлива превратился в сложное и даже рискованное занятие. Сначала «самосел» проводит разведку – находит угольные или дровяные сараи, оценивает количество и качество топлива и разрабатывает маршрут его вывоза. Делается это в несколько ходок с помощью маленькой тачки. Довольно часто такими тачками становятся модернизированные детские коляски. В результате «самосел» запасает максимальное количество топлива. Мотивация проста – «если я заболел, то мне его никто не принесет».

Кроме угля и дров, «самоселы» ищут хорошо сохранившееся доски, шифер, кровельное железо и другие материалы, с помощью которых возможно выполнить ремонт собственного дома. Ближайший строительный рынок далеко, за 50 км – в Иванкове, а частный дом и подворье требуют постоянного ухода – каждую весну и осень необходимо проводить косметический ремонт строений. Поэтому второй по важности объект собирательства – это стройматериалы, инструменты и другие полезные в хозяйстве предметы. Их опять же берут с излйшком, для дальнейшего обмена.

Случается, что такого рода собирательство становится самоцелью. Так, например, один «самосел» преклонных лет проживал в одном селе со своей супругой. Других обитателей здесь не было, поэтому со временем все село, а также примыкающие водные и земельные угодья старик объявил своей собственностью. За что среди работников зоны отчуждения получил звучное прозвище – «Губернатор Борнео». Его можно было встретить гуляющим по селу и окрестностям с охотничьей двустволкой за спиной. «Человек проходит как хозяин», иначе эту картину не назовешь.

Все знали, что если нужно провести какие-либо работы вблизи села, нужно непременно обратиться к деду. И тот благосклонно разрешал. В свое имение он стащил все более или менее целые вещи из села и рассортировал по категориям. На самом же деле по-настоящему ценных вещей в его коллекции не было. Зато одна комната дома полностью была заставлена фарфоровыми статуэтками, популярными в интерьерах 60–70-х годов прошлого века.

В последнее время появился еще один повод для собирательства, который распространен пока только в Чернобыле, – это поиск цветного металла и последующая продажа его скупщикам. Как видим, полулегальный бизнес, ухудшивший криминогенную обстановку в российских и украинских регионах, просочился и в чернобыльскую зону отчуждения.

Один день из жизни чернобыльского «самосела»

Утро летом и весной начинается в 5–6 часов с работ на огороде. Потом завтрак, чем бог послал, затем выход в мир. Куда? В магазин – купить чего-нибудь. Можно сходить к соседу, если тот торгует специализированной продукцией. Например, на Подоле живет дед Андрей, который держит три коровы, у него можно купить молока. Или пойти к рыбакам на Речище, чтобы разжиться свежей рыбой из утреннего или ночного улова. Если в этот день большой церковный праздник, то «самоселу» непременно нужно сходить в церковь Святого Ильи. В древнем чернобыльском храме служба обычно начинается в 9.00. В четверг утром ни в коем случае нельзя пропустить приезд автолавки к 11.30. И покупки можно сделать, и местные новости узнать.

Ближе к обеду начинаются другие работы. Например, поход за углем или заготовка дров. Если дровами обеспечивают лесники, то кругляк нужно сначала распилить, а затем поколоть на дрова. Для такой работы необходима кооперация с соседями.

Обед начинается после часа дня, затем – вновь работы по хозяйству. Пчеловоды занимаются пасекой, те, у кого есть сад, приводят в порядок деревья. Рыбаки чинят сети и возятся с лодками и снастями. Выполняются и мелкие, но постоянные работы в доме и во дворе. Частный дом требует постоянного внимания – что-то надо подладить, починить или обновить. На это уходит много времени.

Решаются в послеобеденное время и «производственные» вопросы, связанные с местным рынком услуг. Например, самое время сходить на лесопилку и распустить ствол старой липы на

дощечки, которые потом пойдут на изготовление улья. Или можно заказать на монтажном участке сварку каркаса для новой калитки. Или попросить трактор, чтобы расчистить подъезд к дому. Расчет за подобные услуги нехитрый – реже деньгами, чаще магарычом – тем самым самогоном, а еще чаще натуральными продуктами: рыбой или дарами леса. Впрочем, работники зоны часто оказывают подобные услуги бесплатно, считая зазорным брать плату со стариков.

К вечеру, если все работы по дому выполнены, наступает время отдыха. Некоторые что-то мастерят – делают корзины, вырезают из дерева. Один «самосел» изготавливал отличные ножи, рукоять которых он мастерил из оленьего рога, а лезвие – из нержавеющей стали.

В сумерках начинают ужинать, а после укладываются спать. Вечером в зоне отчуждения и даже в Чернобыле увидеть свет в окнах самоселов можно крайне редко.

Связь с окружающим миром

Государство в государстве

Возвращение «самоселов» из эвакуации было попыткой вернуть утерянное – дом, образ жизни, родину. Все это они получили, но уже в новых, катастрофически изменившихся реалиях жизни. Они вернулись в брошенные села с загрязненной радиацией землей, туда, где жизненное пространство отныне приходилось отвоевывать у природы. В их жизни не стало привычного порядка, ему на смену пришел совершенно другой уклад.

Многие газетные публикации о Чернобыле представляют зону отчуждения как некое «дикое поле», окруженное колючей проволокой. А «самоселы» будто живут там одни, как отшельники. На самом деле это не так. Да, в 1986 году из зоны эвакуировали местное население, но на смену пришли другие люди – вахтенный персонал, задействованный на ликвидации последствий аварии. Да, прежние административные единицы Чернобыльского и Полесского районов перестали существовать, но теперь эта территория находится под контролем МЧС Украины и управляется специальным подразделением этого министерства – Государственным департаментом – Администрацией зоны отчуждения и зоны безусловного (обязательного) отселения. Прежняя хозяйственно-производственная деятельность чернобыльского района была свернута, но появились новые предприятия и службы. Здесь есть специализированные подразделения правоохранительных органов – отдел зоны ЧАЭС МВД, батальон милиции, отдельная рота по охране и спецпрокуратура. В этих новых условиях появились новые правила жизни, с которыми «самоселам» приходится считаться.

Отношения официальной зонаvской власти и возвращенцев развивались довольно сложно. В первые годы после аварии их можно было назвать лишь одним словом – конфликт. С одной стороны, правоохранители понимали, что «самоселы» нарушают закон, а потому к ним необходимо применять определенные санкции, с другой стороны, нарушение состояло лишь в том, что люди хотели жить в своих собственных домах. Парадоксальность ситуации смягчала меры, которые применялись к «самоселам», но сложность их повторного выдворения из зоны заключалась даже не в психологическом аспекте.

Вот что пишет в своих воспоминаниях полковник милиции Александр Наумов: «С самоселами бороться было невозможно. Их выселяли, а они только им знакомыми тропинками, в обход милицейских постов возвращались на свою землю, в свои дома». Рассказывают, что однажды один из чернобыльских начальников пригрозил какому-то «самоселу», что если он не выедет из зоны, то пригонят бульдозер, и тот сровняет его дом с землей. На угрозы дедушка спокойно возразил, что он к этому готов, и в случае уничтожения его жилья он взорвет и себя, и бульдозер. И подкрепил ультиматум словами о том, что в его хозяйстве не только лопаты и грабли имеются, но и еще кое-что со времен Второй мировой войны.

Поэтому словесными перепалками дело часто и ограничивалось. Невозможность применения жестких санкций сводило эти конфликты к соревнованию в упрямстве.

С годами отношения «самоселов» и представителей власти перешли в стадию мирного сосуществования. При этом руководство Киевской области делало неоднократные попытки предоставить упрямам жилье за пределами зоны. Но после 1992 года эти попытки были прекращены в связи с ухудшением экономической ситуации в стране.

«Самосел» на своем подворье

Тогда было принято альтернативное решение: раз ситуацию с самопоселенцами изменить нельзя, нужно организовать для них нормальные, насколько это возможно, условия проживания внутри чернобыльской зоны. Первым шагом было проведение условной легализации – по решению Кабинета министров Украины всем, кто вернулся в свои дома до 1992 года, в паспорте ставили штамп о прописке в селах Иванковского района. Вторым шагом стало создание приемлемых условий быта. Организовали регулярную работу автолавки с продуктами первой необходимости, она «навещает» «самоселов» раз в неделю, подключили электричество, установили в каждом обитаемом селе телефон. В крупных создали фельдшерские пункты для оказания экстренной медицинской помощи, за каждым селом закрепили участковых милиционеров. Раз в месяц для «самоселов» организуют автотранспорт, чтобы они могли съездить на базар в ближайший райцентр Иванков, а в дни больших христианских праздников их отвозят в Чернобыль на службу в храм.

Кроме того, в зоне иногда проводят работы по поддержанию в рабочем состоянии дорог и колодцев, при необходимости оказывают помощь в ремонте домов. Поэтому совсем уж автономным существование «самоселов» не назовешь.

В конце 2005 года бывший президент Украины Виктор Ющенко поручил главе администрации Киевской области начать легализацию «самоселов». Что стояло за этими словами – получение прописки в зоне отчуждения или юридическое закрепление статуса «самосела», – сейчас сказать трудно. Однако после визита президента статус «самоселов» в зоне укрепился, но ненадолго...

В августе 2009 года в Чернобыле прошло заседание коллегии прокуратуры Киевской области, где была озвучена идея о необходимости повторного выселения «самоселов» за пределы зоны отчуждения. Основной причиной называлась необходимость наведения в зоне порядка и соблюдение законов. Прокуроры подчеркивали, что в свое время «самоселы» получили другое жилье, а потому у них нет объективной необходимости жить в зоне. Наличие же этих людей на режимном объекте, по мнению правоохранителей, порождает и поощряет браконьерство, поскольку многие любители запрещенной охоты попадают в зону под предлогом «навещать родственников». Нарушают законы и сами «самоселы», а именно вывозят на

продажу выращенные на своих огородах овощи или мясо домашнего скота, что делать категорически запрещено.

Поэтому на коллегии прозвучало, что прокуратура подготовит законопроект, который окончательно запретит проживание «самоселов» на территории зоны отчуждения. «Нарушители» не промолчали и написали в ответ письмо президенту и премьер-министру Украины, где высказали свое мнение относительно того, кто, по их мнению, виноват в существовании нелегальных промыслов на радиоактивно опасных территориях чернобыльской зоны.

Из вышесказанного ясно, что безоблачными и однозначно позитивными взаимоотношения властей и коренного населения не назовешь. Однако многие официальные органы в большом почете у «самоселов». Например, Департамент-Администрация, куда они обращаются для получения пропусков родным и для решения разных житейских проблем, огромным уважением пользуются сотрудники социального отдела «Регионального управления по обеспечению организационной деятельности», которые в основном и занимаются помощью «самоселам». Пожилым людям, а возвращенцы таковыми и являются, частенько приходится обращаться к медикам, поэтому к людям в белых халатах у «самоселов» отношение очень теплое, да и работники фельдшерских пунктов и медсанчасти относятся к аборигенам с сочувствием и пониманием. Участковый милиционер в селах традиционно является не только представителем правоохранительных органов, но и социальным работником, психологом, мировым судьей и много еще кем, способным решить вопросы, выходящие за пределы его служебных обязанностей. Многие «самоселы» наладили личные контакты с работниками зоновских предприятий и пользуются этими связями, если есть необходимость подвезти дров, добыть стройматериалы и т.п. Замечено, что более активно взаимодействуют с властями те «самоселы», которые ранее работали в зоне отчуждения.

С другой стороны, власть для хоть и невольных, но нарушителей – это источник проблем и нестабильности. Вроде вчера президент называл «самоселов» патриотами родной земли, а уже сегодня прокурор обещает их выселить из зоны отчуждения. Но даже на бытовом уровне по сей день случаются стычки с представителями зоновской власти, а значит, банальный поход на рыбалку может завершиться выяснением отношений с милицейским патрулем.

Сообщество «самоселов»

Все это не могло не сказаться на характере и манере поведения «самоселов». Они замкнутые и даже скрытные, а общаться с другими людьми предпочитают за пределами своей территории. Тут стоит пояснить, что значит «своя территория». Она включает в себя не только дом, где они постоянно живут, но и пустующие дома родственников. Эти дома закрывают, маркируют табличкой «здесь живет хозяин дома» и внешне поддерживают в сносном состоянии. Чужаки со своей территории жестко изгоняются.

«Самоселы» боятся того, что у них могут что-то украсть или нанести какой-либо иной ущерб. Персонал зоны отчуждения они между собой называют «ликвидаторы», но не в смысле «участник ликвидации аварии на ЧАЭС», а в смысле вор – ликвидатор чужого добра. Для них эти люди одинаково непонятны и неприятны. Они приехали неизвестно откуда, зарабатывают, по меркам пенсионеров, большие деньги, которые при этом легко прогуливают. В свободное от работы время всегда пьяные, могут что-то украсть или испортить. В общем, подозрительные люди и держаться от них надо подальше.

Между собой «самоселы» общаются лишь по необходимости, если нужно помочь, выручить или что-то дать. Традиционное деревенское общение – обмен информацией – происходит лишь в общественных местах – возле автолавки или у церкви. Так что, несмотря на компактность расселения, общиной поселения «самоселов» назвать нельзя. Это скорее сообщество независимых хозяев.

Внешний мир они воспринимают отстраненно. Проблемы и коллизии «большой земли» здесь почти ни на что не влияют, а потому не представляют большого интереса. Правда, и среди замкнутых «самоселов» встречаются «продвинутые» граждане. Так, житель Чернобыля Николай Степанович отказался давать интервью одному украинскому телеканалу на том

основании, что хозяином медиаресурса является не симпатичный ему газовый магнат. А восьмидесятилетняя Мария Григорьевна из села Парышев с завидными интересом и сопереживанием следит за спортивной карьерой украинского боксера Виталия Кличко. Понятное дело, такую осведомленность могут продемонстрировать далеко не все «самоселы», поскольку не у всех из них есть телевизоры.

Дом и хозяйство «самоселов»

Самым большим, желанным и долгожданным событием в жизни этих стариков являются визиты родственников. Поэтому свои дома из 5–6 комнат они стараются поддерживать в надлежащем состоянии. И хоть сами пользуются обычно только кухней и спальней, но остальные комнаты всегда готовы к приезду детей и внуков. Родственники обычно навещают их в поминальные дни, которые по традиции приходятся на конец апреля – начало мая. В это время действует упрощенный режим въезда в зону отчуждения для бывших жителей и их близких.

Конечно же, готовятся к встрече гостей очень тщательно, начиная за полгода, а после того, как самые дорогие люди разъедутся, старики долго и подробно обсуждают событие в своем кругу: кто к кому приехал, как выглядел и что привез.

Раз в неделю, обычно в четверг, автолавка – легковой автомобиль с прицепом – объезжает села зоны отчуждения и город Чернобыль. Это не просто регулярная покупка продуктов, это – местный аналог базара. Люди, которые не видели друг друга целую неделю, приходят к автолавке и обмениваются новостями. «Самоселы» Чернобыля также предпочитают автолавку обычным магазинам, поскольку ее ассортимент разнообразнее, а продукты более свежие. К тому же у «самоселов» есть возможность сделать индивидуальный заказ в автолавке, например попросить привезти мешок сахара.

Есть в Чернобыле еще одно публичное место, о котором мы уже говорили, – это храм Святого Ильи. На службы сюда приходят не только «самоселы», но и набожные вахтовые сотрудники. В дни больших праздников сюда съезжаются все коренные жители, а в обычные воскресные дни на службу приходят только те, кто живет поблизости. По окончании расходятся не сразу, а сидят во дворе церкви, неспешно обсуждают новости и проблемы.

Люди «под микроскопом»

Столь уникальная группа населения, которая по собственному желанию проживает на территориях, называемых не иначе как радиационный источник, в свое время очень заинтересовала медиков, радиобиологов и радиоэкологов.

В середине 90-х даже наблюдался некий научный ажиотаж вокруг «самоселов». Цель исследований была одна – получить точные фактические данные о том, какие радионуклиды поступают в организм человека не в лабораторных условиях, а в условиях реальной жизни. Каким образом они проникают внутрь, в каких органах накапливаются.

Очень интересовали ученых сведения о том, в каких местах зоны отчуждения человек может получить дополнительные дозы облучения.

Изучали радиацию в пище, взвешивали – сколько картошки, хлеба, яиц, грибов и прочих продуктов съедают «самоселы» в течение дня, сколько выпивают молока и воды. Оказалось, что за день рядовой «самосел» чернобыльской зоны съедает 700 г картошки, 450 г хлеба, 250 и 140 г овощей и фруктов и около 200 г мяса. Молока выпивает около одного, а воды – около двух литров. И дополняют рацион всего лишь пять граммов сушеных грибов в сутки.

Проводились эксперименты, когда «самоселы» носили дозиметры на разных частях тела, – так ученые пытались оценить дозовые нагрузки. Чтобы вычислить время пребывания подопытных в доме и на улице, ученые часами сидели возле жилья «самоселов» и наблюдали за их активностью, фиксируя перемещения и время.

Таким образом, существование «самоселов» в зоне отчуждения принесло нашей науке, а значит, и обществу, новые знания о радиационном поражении организма человека.

Есть сведения, которые утверждают, что «самоселы» рисковали стать уникальной группой людей, чья жизнь контролировалась бы со спутника. Иностранные медики предлагали использовать специальные устройства для дистанционного контроля состояния их здоровья. Специальный прибор «самоселы» должны были постоянно носить на руке. Техника отслеживала бы пульс и давление человека, а в случае ухудшения состояния здоровья передавала бы информацию врачам через спутник. Предполагалось, что это позволило бы вовремя оказывать необходимую медицинскую помощь старикам, живущим в заброшенных селах. Но реализовать на практике этот проект не удалось.

Республика «самоселов» – город Чернобыль

До аварии Чернобыль имел статус районного центра, после аварии он стал административной «столицей» зоны отчуждения. Здесь располагается Государственный департамент – Администрация зоны отчуждения и зоны безусловного (обязательного) отселения. Здесь же находятся все предприятия и службы, обслуживающие зону отчуждения, поэтому Чернобыль – наиболее цивилизованный населенный пункт зоны. Здесь есть медсанчасть, пять магазинов, сюда приходят маршрутные и служебные автобусы из Киева и Иванкова, работает почта, значит, можно отправлять письма и получать свежие газеты. Существует междугородний узел телефонной связи. До недавнего времени в Чернобыле работала и железнодорожная касса, но со временем надобность в ней пропала. Здесь же, в общежитиях, которые раньше были обычными многоквартирными домами, проживают вахтовики.

Преобладающим типом застройки Чернобыля являются частные дома. Многоквартирные дома располагаются только по центральным улицам – Советская, Кирова и Полупанова. Здесь же расположено большинство общежитий, административных зданий и производственных площадей, все магазины и кафе. Собственно, это центр вахтенного города.

«Самоселы» живут в частном секторе чаще всего на окраинах. Это позволяет им без крайней необходимости не пересекаться с работниками зоны и представителями власти. В Чернобыле «самоселы» занимают только частные дома и ведут подсобное хозяйство, однако близость цивилизации сказывается. Некоторые «нелегалы» питаются в столовой по талонам, которые покупают или выменивают у персонала. Те же столовые, а точнее, пищевые отходы из них позволяют круглый год кормить свиней или кур. Кроме того, сообщество чернобыльских

«самоселов» образовало церковную общину Свято-Ильинской церкви, вокруг которой формируется их духовная жизнь.

2009 году в Чернобыле было зарегистрировано 129 «самоселов»: 110 из них проживают в пяти «микрорайонах», две из которых имеют численность около 40 человек, в остальных по 10. Еще 19 человек живут сами по себе без привязки к какому-либо «микрорайону». Один из таких «микрорайонов» имеет историческое название Подол, как и киевский Подол, он находится на берегу реки, еще одно его местное название – Милан. Естественно, близость реки располагает к рыбной ловле, поэтому у каждого двора в поселении можно увидеть лодку.

До аварии в городе проживало 13 700 жителей. Средний возраст современных жителей – 65 лет. Расстояние до станции – 16 км. Мощность экспозиционной дозы – от 20 до 50 мкР/ч.

Село Залесье

Оно расположено в непосредственной близости от Чернобыля – в 15 минутах ходьбы. Посетители зоны, которые едут со стороны КПП «Дитятки», обязательно проезжают это село, но замечают его немногие. С дороги можно увидеть только зеленое буйство деревьев и кустарников. Но если остановится и побродить по этому лесу, то под его пологом можно обнаружить руины домов и сараев, замшелые заборы, вросшие в землю колодцы. В южной части села находится «промзона» – остатки животноводческого комплекса и завода по переработке льна. В западной – действующий складской комплекс. Там же к селу примыкают поля, которые засевают кормовыми культурами. До конца 90-х годов в Залесье располагалась экспериментальная пасека и некоторые службы лесников и милиции. В середине села можно увидеть несколько ухоженных дворов, в которых живут «самоселы».

До аварии здесь проживали 2849 жителей, сейчас – 2 «самосела». Средний возраст жителей – 77 лет. Расстояние до ЧАЭС – 19 км. Мощность экспозиционной дозы – от 17 до 25 мкР/ч.

Село Новошепеличи

Село Новошепеличи расположено в 8 км от ЧАЭС и в 1,5 км от города Припять. До аварии здесь проживали 1683 жителя. Действовали средняя школа, школа-интернат, Дом культуры, библиотека, больница и деревообрабатывающий комбинат. В 20–30-е годы село Новошепеличи было центром одноименного района.

Близость его к Припяти и загрязнение (через эту территорию прошел северный след радиоактивных выпадений) определили судьбу села после аварии. На базе местного колхоза была создана научно-экспериментальная ферма. На ферме содержали крупный рогатый скот, овец и даже американское чудо – калифорнийского червя, с помощью которого хотели очищать землю от радионуклидов.

Сейчас это единственное место проживания «самоселов» в пределах 10-км зоны. Здесь живет наиболее известная семья «самоселов» – Савва Гаврилович и Елена Дорофеевна Ображей (1933 и 1929 года рождения соответственно). Они вернулись домой в 1987 году. До начала 2000-х семья работала на ферме, где ученые содержали экспериментальных животных. Савва Гаврилович – пастухом, а Елена Дорофеевна – дояркой. В хозяйстве они держат кур, коров и лошадь. Близость реки Припять позволяет заниматься рыбалкой. В 2006 году Савву Гавриловича и Елену Дорофеевну посетил бывший президент Украины Виктор Ющенко и председатель Совета национальной безопасности и обороны Виктор Кинах.

Ближайший к Новошепеличам очаг «цивилизации» – КПП «Бенёвка». Чтобы попасть отсюда в Чернобыль, нужно пройти 3 км до КПП «Припять» и там сесть в попутный транспорт, обратно возвращаются таким же образом.

Мощность экспозиционной дозы – от 50 до 70 мкР/ч.

Дед Савва на КПП Припять

Село Куповатое

Село расположено в юго-восточной части зоны отчуждения. С трех сторон оно окружено лесом, с четвертой к селу подступают мелиоративная система и болота. До реки Припять – от 3 до 5 км.

Жизнь «самоселов» Куповатого, наверное, наименее всего изменилась с момента аварии. В селе на протяжении 15 послеаварийных лет находилось крупное экспериментальное хозяйство, сильно напоминавшее советский колхоз, впрочем, сотрудники его так и называли. Здесь были фермы, возделанные поля и солидный парк сельскохозяйственной техники, включая комбайны. Задача, стоявшая перед хозяйством, – разработать и протестировать методы реабилитации зараженной земли. Говоря понятным языком, отработывались технологии получения «чистой» сельскохозяйственной продукции в «грязных» условиях. С 2002 года, когда научная деятельность в зоне отчуждения была свернута, хозяйство законсервировали, а технику поставили под охрану в гараж, крупный рогатый скот раздали колхозам, находящимся за зоной отчуждения.

Памятник «Покоренному Быку» в селе Куповатое

Пока работал колхоз, экспериментальное хозяйство обеспечивало полную или сезонную занятость «самоселов», являлось существенной поддержкой в быту.

Несмотря на удаленность от реки Припять, «самоселы» довольно неплохо обеспечивают себя рыбой, в основном добывают ее в «клетке», так «самоселы» называют большую гидромелиоративную систему каналов площадью 10 км², которая находится поблизости. Рядом с селом Куповатое находится село Городище, которое также было заселено «самоселами» до конца 90-х годов.

Перед катастрофой в Куповатом проживали 324 жителя, сейчас – 28 «самоселов». Средний возраст составляет 70 лет. Расстояние до ЧАЭС – 32 км. Мощность экспозиционной дозы – от 15 до 20 мкР/ч.

Село Опачичи

Опачичи, как и Куповатое, расположено в юго-восточной части зоны отчуждения вблизи реки Припять. Происхождение названия села местные жители выводят от украинского слова «опочивать» (по рус. – «отдыхать»). Здесь в давние времена останавливался на отдых по дороге местный землевладелец, который направлялся в город Чернобыль.

Здесь жители явно «выбиваются из ряда наблюдений». Они не ведут активного домашнего хозяйства. Возделывают небольшой огород – «сколько одному человеку надо». Остальная площадь идет под сад и цветы. Дома и дворы аккуратные и ухоженные. Из живности держат только коты – «собаки не нужны, потому что охранять нечего, и мы ничего и никого не боимся».

На территории села расположена база лесного предприятия «Чернобыльская пуща». Работники базы трудятся в зоне отчуждения вахтами по 15 дней, здесь же проживают на вахте.

До аварии на ЧАЭС в Опачичах проживал 681 житель. Сейчас там 19 «самоселов». Их средний возраст составляет 75 лет. Расстояние до ЧАЭС – 28 км. Мощность экспозиционной дозы – от 15 до 30 мкР/ч.

Село Оташев

Чтобы попасть в это село, нужно проехать 5 км от села Куповатое по дамбе, проложенной среди мелиоративных каналов и болот поймы реки Припяти. Само село находится на полуострове в дельте реки. Оно небольшое – до аварии здесь насчитывалось всего 60 дворов.

Следует отметить, что до появления зоны отчуждения село Оташев и его окрестности были любимым местом отдыха киевлян, которые проводили здесь выходные дни, собирая грибы, ягоды или охотясь на пернатую дичь. Здесь располагалась база отдыха «Белый аист» и охотничья база. Возле села была пристань под названием «Выдумка», а за обилие каналов, проток и заводей Оташев называли «Чернобыльская Венеция».

В 60-х годах район села рассматривался как возможное место для размещения Чернобыльской АЭС. Но позже от этой мысли отказались, так как существовала опасность подтопления будущей атомной станции во время половодья. Поэтому площадка для АЭС была выбрана в районе села Копачи.

Близость реки накладывает свои особенности на хозяйство «самоселов» – они возделывают огороды, держат птицу, но не держат скот. При этом сильно развито рыболовство. Развешенные на просушку сети, лодки разных типов, висающие рыболовные снасти – типичный для этого села антураж. Береговая линия застроена мостками и изрыта каналами.

До аварии здесь проживал 71 житель, сейчас – 9 «самоселов», средний возраст которых составляет 75 лет. Расстояние до ЧАЭС – 30 км. Мощность экспозиционной дозы – от 10 до 25 мкР/ч.

Село Теремцы

Село Теремцы расположено в междуречье Днепра и Припяти в 23 километрах от Чернобыля. Это юго-восточная часть границы чернобыльской зоны, по которой проходит и государственная граница Украины и Республики Беларусь.

Село с трех сторон окружено реками Припять и Днепр, а также Киевским водохранилищем. В окрестностях Теремцов можно увидеть большие, похожие на дюны песчаные холмы.

В начале 80-х на севере от села был организован рыборазводный пруд площадью 600 гектаров. После аварии работы здесь были приостановлены, но в 1996 году пруд был передан в эксплуатацию Иванковскому рыбкомбинату. Через два года в восстановленный водоем запустили карпа, белого амура и толстолобика.

Село окружают живописные ландшафты – сосновые леса на песчаных холмах, разнотравные пойменные луга, берега рек испещрены многочисленными заливами, заросшими ивами и кустарником. Окрестности Теремцов – это первое убежище для водоплавающей птицы в сезон охоты. В сентябре 2001 года авторам довелось наблюдать, как при первых выстрелах охотничьих ружей со стороны Днепра и Киевского моря в чернобыльскую зону потянулись стаи уток. Пернатые располагались либо на теремцовских прудах, в рукавах и протоках реки Припять, либо летели еще выше по течению, вглубь зоны отчуждения.

До Чернобыльской катастрофы в Теремцах работали неполная средняя школа, клуб, библиотека. Если говорить об историческом прошлом села, то здесь, как и в Ладыжичах, в эпоху Богдана Хмельницкого находился пограничный пункт.

До аварии в Теремцах проживали 463 жителя, на данный момент там находятся 47 «самоселов», средний возраст – 70 лет. Расстояние до ЧАЭС – 32 км. Мощность экспозиционной дозы – от 10 до 20 мкР/ч.

Село Парышев

Одно из трех сел зоны отчуждения (Парышев, Ладыжичи и Теремцы), расположенных на левом берегу реки Припять и обжитых «самоселами». Это район междуречья Днепра и Припяти. Из-за обилия болот географы называют его «мокрый треугольник».

В Парышеве действовали неполная средняя школа, клуб, библиотека и больница. Характерной особенностью этого и других сел, которые находятся на левом берегу Припяти,

является архаичность. Бревенчатые дома, крытые соломой; хозяйственные пристройки, отгороженные тыном; гигантские сундуки. Все это как будто сошло со страниц этнографических описаний Украинского полесья XVIII–XIX веков.

Сейчас в селе расположена база лесного предприятия «Чернобыльская пуца». Особого внимания заслуживает милитаризованный парк пожарной техники. Здесь находится путеукладчик БАТ-2, предназначенный для ведения инженерно-строительных работ в условиях полного бездорожья. Так, во время паводка 1997 года с помощью этого путеукладчика успешно соорудили дамбы. Кроме того, в гараже стоит бронированная разведывательно-дозорная машина (БРДМ-1), которая отлично зарекомендовала себя как транспорт-амфибия, на ней не раз добирались из Парышева в Чернобыль во время весеннего разлива реки Припять. Есть здесь и «пожарный танк» (гусеничная пожарная машина ГПМ-54), и четыре пожарные автоцистерны ЗИЛ.

Уникальная пожарная техника на страже

До аварии в селе проживали 678 жителей, сейчас – 9 «самоселов». Средний возраст – 75 лет. Расстояние до ЧАЭС – 20 км. Мощность экспозиционной дозы – от 20 до 30 мкР/ч.

Село Ильинцы

Если выехать из Чернобыля по улице Полупанова, то попадешь на дорогу, ведущую точно на запад. По ней через 30 км и доберешься до села Ильинцы.

Пейзаж в пути следования вас будет сопровождать необычный. По обе стороны от дороги раскинулись залежи – заброшенные и зарастающие сельскохозяйственные поля, изредка прерываемые небольшими посадками леса. Справа тянется ограждение из колючей проволоки – это граница 10-км зоны отчуждения. Сегодня ограждение выглядит ветхим и местами ряды колючей проволоки и подгнившие столбы охранного периметра лежат на земле.

На полпути вам встретится село Корогод. Абсолютно пустое, единственной достопримечательностью которого является один из трех табунов лошадей Пржевальского. Он облюбовал территорию села и прилегающие луга. Поэтому вероятность встречи с этими благородными животными достаточно высока.

Еще через 10 км пути увидите перекресток и село Разъезджее. Точнее то, что от него осталось: руины из обгорелого кирпича – Разъезджее было уничтожено пожаром в 1992 году. В память о происшествии у перекрестка был установлен крест. Еще 5 км западнее находится само село Ильинцы. Выглядит оно как самое обычное полесское село: ухоженное, с выкрашенными в яркие цвета домами.

Название села происходит от реки Илья, которая протекает в 3 км западнее. До аварии здесь были средняя школа, клуб и библиотека. После – располагалась одна из воинских частей, принимавших участие в ликвидации катастрофы.

Ближайшие к селу очаги цивилизации – это КПП «Диброва» и база лесников «Лубянка». Рядом находится село Рудня-Ильинецкая, в котором в 2002 году проживали 7 «самоселов», но в 2008 году это село перестало существовать.

До аварии в Ильинцах проживали 1059 жителей, сейчас – 15 «самоселов». Средний возраст – 70 лет. Летом здесь можно познакомиться с необычным способом обмолачивания ячменя. Ильинецкие «самоселы» раскладывают на асфальтированной дороге скошенное ячменное сено, и проезжающие машины своим весом обмолачивают созревшие колоски. Хозяевам остается сгрести солому и собрать зерно.

Расстояние от Ильинцов до ЧАЭС – 23 км. Мощность экспозиционной дозы – от 10 до 20 мкР/ч.

Село Ладыжичи

Это село находится в низине, окруженной болотами и озерами реки Брагинки, которая, в свою очередь, впадает в Припять. Ладыжичи расположены на равном расстоянии – в 8 км от Днепра и от Припяти. На сегодняшний день в Ладыжичах проживают 7 «самоселов».

Окрестности села изобилуют дикими копытными, особенно много диких свиней, которые частенько досаждают хозяйствам «самоселов». Поэтому огороды основательно защищены оградой, а на заборах висят колокольчики, трещотки и другие дребезжащие приспособления. Подобных хитростей нет больше ни в одном обитаемом селе зоны отчуждения.

До аварии здесь проживали 683 жителя, сейчас – 6 «самоселов». Средний возраст – 80 лет. Расстояние до ЧАЭС – 25 км. Мощность экспозиционной дозы – от 10 до 20 мкР/ч.

Село Лубянка

Лубянка находится у западной границы зоны отчуждения, через него проходит дорога на ЧАЭС. Граница 10-км зоны начинается сразу за северной окраиной Лубянки.

«Самоселов» здесь немного, всего 6 человек, зато почти все имеют довольно крупные хозяйства, большие огороды, сенокосы, многие держат скот. Здесь проживает Михаил Фесенко, потомственный пасечник с полувековым стажем пчеловода. У него во дворе стоят настоящие колодные ульи. Еще одна из уникальных черт села в том, что некоторые жители Лубянки никуда не выезжали. Во время аварии и тотального выселения они были оставлены колхозным руководством в качестве «смотрящих» за порядком на время эвакуации.

До аварии здесь проживали 612 жителей. Средний возраст нынешних «самоселов» – 74 года. Расстояние до ЧАЭС – 25 км. Мощность экспозиционной дозы – от 20 до 35 мкР/ч.

Легенды Чернобыльского края

Прошлое Чернобыльского края содержит массу удивительных и занимательных для историков фактов. Многие из них связаны не столько с миром материальным, сколько с духовным. Речь идет о полесских легендах и мифах. По мнению ученых-историков, земли в бассейне реки Припять, находящиеся между современными Украиной и Беларусью, были когда-то уникальным заповедником древней славянской культуры, обладавшей множеством самобытных традиций. В древности из-за непроходимых болот и глухих лесов полесский этнос

избежал влияния других культур. Здесь сохранились уникальные дохристианские обряды и обычаи. Например, существовали языческие обряды «вождения куста» и «изгнания русалки», последний еще назывался «проводы русалок» или «похороны русалки». Суть этого обряда опирается на древние верования в то, что души умерших невинных девушек блуждают в нашем мире, и только на Русальной неделе (на Троицу) они получают возможность попасть на «тот свет». Чтобы проводить «русалок», специально ряженную девушку в венках поздним вечером водили сначала по селу, затем по ржаному полю, а после приводили на кладбище, где венки срывали и бросали на землю.

Многие литераторы черпают вдохновение и сюжеты в древних полесских легендах.

Примером может служить А.И. Куприн, чей рассказ «Серебряный волк» основан на легендах, услышанных в Чернобыльском крае. Куприн описал историю о полесском вовкулаке – человеке, обладавшем способностью превращаться в волка. В современной мифологии нам больше знакомо выражение – оборотень, или ликантроп (Likantropia в переводе с греческого – «человек-волк»). Происхождение же термина «вовкулак» объясняется очень просто. Волк – на украинском языке – вовк, а на церковнославянском «длака» – означает «шкура, волосы». Нетрудно догадаться, что собирательное значение понятия – вовкулак, означает человек, способный сбрасывать шкуру.

Существует интересный взгляд на полесских вовкулаков, которым поделился наш современник, неутомимый исследователь и популяризатор Полесской этнокультуры Сергей Жила. В своей книге «Вовче-брате», вышедшей в 2008 году, он собрал и систематизировал знания о полесских вовкулаках и их роли в мифах и легендах края. Согласно информации, которую исследователю чудом удалось собрать, полесские оборотни не имели таких жестоких черт, как их собратья в Западной Европе. Считалось, что полесский вовкулак не ел мяса, а питался только хлебом. Однако, превращаясь в оборотня, человек испытывал страшные муки и убегал в лес, где присоединялся к волчьей стае и принимал участие в охоте. Отличить его от настоящего волка можно было по суставам задних ног: они сгибались не назад, а вперед, как у человека в коленях. Кроме этого, на шее у вовкулака всегда присутствовала старая веревка. Считалось, что, сняв ее с шеи вовкулака, можно было снова превратить его в человека.

Впрочем, разные источники предоставляют разную информацию о вовкулаках. Порой одни противоречат другим. Так, есть мнение, что волки относились к оборотням довольно враждебно. Другие рассказывают о том, что полесский вовкулак убивал жертву особым способом – душил, а не разрывал свою добычу клыками. Это противоречит современной интерпретации мифов об оборотнях, хотя считается, что такой стиль убийства практиковали лу-гуру, вервольфы, верманы, волколоки – оборотни из французских, немецких легенд и мифов.

Что касается взаимоотношений оборотней и человеческого сообщества, то древние поверья позволяют получить об этом довольно подробное представление. Считается, что человека-оборотня было достаточно легко обнаружить, поскольку даже в людском обличье у него сохранялся волчий хвост. Поэтому доктора-современники вовкулаков при осмотре больного в первую очередь искали хвост. Были и такие, кто считал, что вовкулак не расстается со всей шкурой целиком, он лишь выворачивает ее наизнанку. Поэтому до наших дней дошли истории о том, как разрезали кожу подозреваемых в оборотничестве людей в надежде найти с ее обратной стороны волчью шерсть. Методы борьбы со столь неприятным явлением у полесских жителей, разумеется, имелись. Спастись от преследующего тебя вовкулака было просто. Нужно было бросить ему под ноги свой ремень: перескочив через него, оборотень превращался в человека. Впрочем, можно было и вовсе излечить вовкулака от этой напасти – это главное отличие легенд о полесских вовкулаках от европейских аналогов. Всего-то нужно было сжечь одежду оборотня, и он выздоравливал.

А вот полесские знахари умели специально превращаться в вовкулаков и в волчьем обличье сражались с многочисленными врагами своего народа. Получается, что в отдельных случаях полесский вовкулак выступал не угрозой, а защитником, что, согласитесь, существенно противоречит современным представлениям о характере мифологических оборотней.

Сакральные места зоны отчуждения

Храм Святого Ильи

До наших дней в Чернобыле сохранилось всего одно действующее культовое сооружение – Свято-Ильинский храм. У него необычная судьба. Храм был построен в 1779 году, а в 1930 году его закрыли, колокола при этом сняли. В годы Великой Отечественной войны, в 1942 году, его вновь открыли, службы в нем непрерывно шли вплоть до 1986 года. В конце 90-х годов храм возрождают, и после реставрации в 2000 году он вновь принял прихожан. Настоятель Ильинского храма – протоиерей Николай Якушин, коренной житель Чернобыля. Нынешний приход составляют «самоселы» и работники предприятий зоны. Впрочем, храм охотно посещают и первые лица страны, которые приезжают в зону отчуждения с официальными визитами.

Здесь находятся уникальные иконы «Чернобыльский спас», «Явление Богородицы жителям города Чернобыля» и «Святитель Николай».

Отдельного внимания заслуживает икона «Чернобыльский спас», которая была написана в 2003 году. В верхней ее части расположены образы Богородицы, Иисуса Христа и Архистратига Михаила. В нижней части иконы, в центре и на переднем плане Чернобыльская сосна – дерево, которое стало символом ядерной трагедии. Слева от нее изображены души умерших чернобыльцев, справа – ликвидаторы аварии: пожарный в респираторе, работник станции, легчик и медсестра. На горизонте за очертаниями саркофага изображен восход солнца, в небе сияет звезда Полюнь, речь о которой идет в одном из пророчеств Апокалипсиса. Обожженная, безжизненная земля на переднем плане покрыта первой травой, символизирующей возрождение жизни.

Во дворе Свято-Ильинского храма размещен колокол скорби. Ежегодно в ночь на 26 апреля, ровно в 1 час 23 минуты, когда произошла катастрофа, в колокол звонят, причем число ударов равняется числу лет, прошедших со дня трагедии.

Церковь Архистратига Михаила – покинутый храм, который расположен в селе Красно

Это последний из двух православных храмов, которые существовали в селах зоны отчуждения на момент аварии. Другой храм – Свято-Воскресенская церковь в с. Толстый Лес – сгорел во время пожара 1996 года. Село Красно находится в 40 км от города Чернобыль на левом берегу реки Припять. Название же село Красно получило за свою необычайную красоту, поскольку со слов старожилов известно, что было оно очень аккуратным и ухоженным, а церковь дополняла его облик богатым убранством.

Первые упоминания о Храме Архистратига Божия Михаила относятся к началу XVII века. Название же село Красно получило за свою необычайную красоту, поскольку со слов старожилов известно, что было оно очень аккуратным и ухоженным, а церковь дополняла его облик богатым убранством.

Судьба церкви сложилась весьма драматично. В 1926 году она была закрыта, а священник был сослан в Сибирь. До 1942 года, когда церковь была открыта вновь, дважды предпринимались попытки сжечь ее, но селяне вставали стеной и оба раза спасали святыню. И все же в 1986 году уберечь церковь не удалось...

В первые же после аварии на ЧАЭС дни, наполненные всеобщей неразберихой и паникой, Михайловский храм в выселенном селе Красно был полностью разграблен. Древние иконы, другие ценные и уникальные предметы церковного обихода исчезли навсегда. Даже холсты с изображением святых, размещенные на стенах на большой высоте, были сорваны. В последнее время силами церковной общины Свято-Ильинского храма и администрации зоны выполнена реставрация куполов и кровли церкви. Светло-зеленые купола церкви Архистратига Михаила сегодня можно видеть в ясную погоду с гостиницы «Полесье» города Припять.

Село староверов Замошня

Всякий, кто знаком с историей Чернобыля XVII–XIX веков, не может не удивляться существовавшему тогда религиозному разнообразию – хасиды, православные, католики, староверы, католики-раскольники спокойно сосуществовали вместе. Существует два объяснения такой толерантности. Во-первых, экономика Чернобыля того времени строилась на доходах от речной торговли. А, как известно, веротерпимость в торговых городах была нормой. Во-вторых, Полесье занимало периферийные, хозяйственно бедные пограничные земли. Поэтому коренные обитатели и хозяева Чернобыльского имения вынуждены были принимать и лояльно относиться ко всем, кто соглашался здесь жить, а значит, поддерживать численность населения и освоенность территории.

Так, в 1755 году здесь появились староверы из Стародубья, что на Черниговщине. Они скрывались не от преследования властей, а уходили от религиозного несогласия с земляками – те стали все чаще и теснее общаться с православными. Несогласные с таким положением дел староверы обосновались в Чернобыле и в селах Замошняя и Красиловка.

Староверы внесли значительный вклад в местную культуру земледелия: «Жилища раскольников опрятнее не только мещан православных и крестьян-собственников, но и богатых евреев. При каждом доме сад и огород; и притом с такими качествами произведений, которые не умеют достигнуть окрестные крестьяне. Например: картофель, лук, капуста, огурцы, подсолнечник обрабатываются превосходно; плоды садоводства, даже нежные абрикосы и персики во множестве доставляются в Киев», – гласят литературные памятники истории.

Подробно скит чернобыльских староверов описывает К.Г. Паустовский в книге «Повесть о жизни. Начало неведомого века»: «Через несколько дней я пошел в скит. Лес был темен, завален буреломом. Потом не на поляне, а прямо в лесу, среди деревьев, я наткнулся на высокий тын из почернелых бревен. Такие тыны я видел на картинах Рериха и Нестерова, изображавших старые обители. Я пошел вдоль тына к воротам. Они были заколочены. Я долго стучал в калитку, пока мне не открыл тот самый монашек, что приходил за солью. Я вошел в заросший травой дворик, увидел рубленную из сосны косую маленькую церковь и сразу как бы выпал из своего столетия. Мы вошли в церковь. Горело всего три-четыре свечи. Старики в черных схимнических рясах с нашитыми на них белыми крестами и черепами не шевельнулись. Коричневой позолотой поблескивали во мраке узкие лица святителей. Горьковато пахло горелыми можжевельновыми ягодами – ими монахи курили вместо ладана».

Сейчас найти в Чернобыле, да и во всей зоне отчуждения объекты старообрядческой культуры уже трудно. Исключением можно назвать село Замошняя, там есть старое кладбище и развалины церкви. Погост расположен на западной окраине села в дубовой роще, он небольшой, последние захоронения датированы 70-ми годами XX века. Намогильные сооружения представлены деревянными крестами старообрядческой формы – восьмиконечный крест с тремя переками – и деревянными же надгробиями в форме домика – нарубь.

В ста метрах от кладбища высится кирпичная церковь. Это единственный элемент, оставшийся от женского монастыря XIX века. В 1930-х годах она была закрыта, а в годы после аварии на атомной станции в церкви сгорели купол и перекрытия.

Фактически от нее остались только стены, на которых нет ни росписей, ни надписей. Вместо прихожан здесь обосновалась густая растительность: в восточной части растут четыре осины, повсюду кустарники, краснеет спелая малина, шумит листва... Поэтому у всякого, кто попадает в этот участок леса, обнесенный кирпичными стенами, складывается довольно необычное впечатление.

«Украинская Атлантида»

Сюжет о «самоселах» является обязательным для любого репортажа из зоны отчуждения. В свое время наличие здесь людей стало для всего остального мира открытием и шоком. Для кого-то «самоселы» – герои, которые бросили вызов страшной катастрофе и существующей на то время системе. Для других – настоящие патриоты родной земли. Третьи видят в них последних носителей культуры Полесья.

Ростислав Омеляшко, директор государственного научного центра защиты культурного

наследия от техногенных катастроф МЧС Украины, считает, что чернобыльская катастрофа стала причиной разрушения не только материальной, но и духовной составляющей человеческого общества, некогда здесь существовавшего. Люди, носители культуры, традиций и обрядов, рассредоточились и ассимилировали в других регионах, а потому уже очень скоро полесский этнос будет безвозвратно утрачен.

Еще в XIX веке известный краевед Лаврентий Похилевич писал об архаичных культурных чертах сел долины реки Припять. Как ни удивительно, но эта архаика не исчезла и к концу XX века. Находясь в зоне отчуждения, поражаешься обилию уникальных, почти музейных предметов быта в оставленных домах – прялки, рубеля, глиняные горшки ручной работы и даже лапти. Все это использовалось и составляло материальный мир культуры местных жителей. Увлекающийся любитель старины вполне мог бы собрать здесь приличную коллекцию. Причем не затрачивая на это много времени и сил, просто так, между делом, не выходя за пределы Чернобыля и в свободное от работы время. И такие коллекции собирали – почти на каждом действующем в зоне предприятия есть своя импровизированная этнографическая экспозиция.

Полесье было и отчасти остается своеобразным «этнографическим заповедником», в котором сохраняется много культурных особенностей, характерных для традиционного аграрного общества. Почему так? Вероятно, причина кроется в природных особенностях края: сильная заболоченность территории и бедные почвы привели к слабой его освоенности. Промышленная революция XVIII–XIX веков послужила некоторому развитию сельского хозяйства и добыче природных ресурсов, но при этом индустриализация и урбанизация обошли Полесье стороной. Такое периферийное положение позволило жителям Чернобыльского края сохранить прежний хозяйственный и, соответственно, культурный уклад жизни.

Сейчас много говорят о гибели села или даже о его геноциде. Но это уже заключительная часть процесса, который длится с середины XIX века. Промышленная революция начала переход от традиционного аграрного общества к индустриальному, и это новое общество строилось на материальных и человеческих ресурсах села. Поэтому гибель крестьянского образа жизни – одно из главных событий в истории СССР XX века.

Особенно ясно это стало видно в 60-х годах прошлого столетия, когда численность городского населения в Союзе превысила количество сельских жителей. В литературе тогда тему распада крестьянского уклада поднимали писатели-деревенщики Астафьев, Белов, Распутин. В своих произведениях они описывали драматическое столкновение двух миров – нового и старого – двух разных мировоззрений. Они описывали, сохраняя тем самым для потомков уходящую в прошлое тысячелетнюю традицию крестьянской жизни.

В одном из первых документальных фильмов о катастрофе на ЧАЭС «Колокол Чернобыля» режиссер Ролан Сергиенко тоже затронул тему столкновения этих двух миров – сельского и индустриального. Эпизоды, где показаны напряженные, почти боевые действия возле разрушенного энергоблока, чередуются со сценами неспешной жизни прилегающих к зоне сел. Интервью ученых, военных и работников станции, в которых жестко описывается ситуация и дается оценка случившегося, сменяются озадаченными размышлениями сельских жителей о том, что же это такое? Вроде не война, но возможна эвакуация... И как с этим жить? Особенно выпукло демонстрирует это столкновение эпизод, когда дозиметристы проводят обследование архаичного колодца-журавля, а на окраине села в это время садится боевой вертолет МИ-24 с группой ученых на борту.

Характерно, что распад привычной жизни был растянут во времени на десятилетия. Из каждого поколения деревенских жителей кто-то непременно уезжал в город, поэтому жизнь в селах постепенно, но неуклонно трансформировалась. В результате же аварии на ЧАЭС и последующей за ней эвакуации с большой территории ушли почти все местные жители, те самые носители культуры. Более кратко, но образно об этом же сказала украинская поэтесса Лина Костенко: «После аварии на ЧАЭС исчез целый материк уникального этнокультурного значения...» Она же дала название этому матерiku – «Украинская Атлантида».

Последними носителями культуры «атлантиды» стали «самоселы». Есть что-то парадоксальное в том, что катастрофа объекта – атомной станции, которая считалась вершиной технологической мысли индустриальной эпохи, привела к консервации традиционного аграрного полесского уклада. И это явление очень точно описала Лина Костенко, назвав

«самоселов» «аборигенами атомных резерваций».

Например, в Чернобыле дома «самоселов» соседствуют с корпусами лабораторий, и это настоящие параллельные миры. Внутри лабораторий с тихим гулом работают спектрометры, в химических аппаратах осаждаются трансурановые элементы, на компьютерах строятся графики, пополняются и обрабатываются базы данных. Полученные здесь результаты исследований и наблюдений имеют широкую географию адресатов – отечественные и зарубежные научные центры, органы власти и управления, международные организации, такие как ООН и МАГАТЭ.

А рядом в домах «самоселов» на стенах висят фотографии предков с начала XX века, расставлены предметы быта и мебель, сохранившиеся с 50–70-х годов прошлого века. Люди ведут хозяйство и возделывают землю так, как это делали их деды и прадеды.

Два мира сосуществуют бок о бок, и в первом из них закладывается фундамент будущего, во втором – бережно сохраняется прошлое.

Сталкеры Чернобыльской зоны

Сталкер – кто это?

Слово «сталкер» происходит от английского выражения *to stalk* – что означает «подкрадываться», «идти следом», «идти крадучись». Кстати, правильно было бы говорить не сталкер, а стокер, поскольку произносится это слово как «стоок».

Само понятие имеет довольно долгую историю, но по мере его популяризации смысл, который вкладывался в слово, менялся. В литературе «сталкер» впервые появляется в романе Редьярда Киплинга «Stalky and Co», в котором главный герой «Стоки» – мошенник и хитроватый молодой человек. Позже Стругацкие ввели это слово в роман «Пикник на обочине», где придали «сталкеру» более мужественный, загадочный образ. В «Пикнике...» это была уже криминальная профессия: «Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти». Проникновение носило вполне прагматичный характер – утащить из зоны артефакт («хабар») и сбыть его за деньги. Правда, такое занятие сильно влияло на человека, поскольку каждый поход – пребывание в пограничной ситуации, где любое действие означает выбор между жизнью и смертью, где всегда есть место сложным моральным дилеммам, где интуиция важнее разума.

В дальнейшем образ сталкера становился все более популярным, новым содержанием он наполнился благодаря одноименному фильму Тарковского. Здесь сталкер уже в меньшей мере прагматик, а больше человек Зоны. Он понимает и принимает ее – «у него свидание с Зоной» говорит Профессор, когда Сталкер удаляется, чтобы побыть в одиночестве. Все его проблемы решаются не при помощи денег, а по мере пребывания на территории, где другой не прожил бы и пяти минут, где происходят чудеса, выходящие за пределы человеческого понимания. Поход в зону – это в первую очередь испытание самого себя, поиск и проверка на прочность своих духовных ценностей. Заметим, что и книга Стругацких, и фильм Тарковского вышли в свет в промежутке между 1972 и 1979 годами, и благодаря их большой популярности слово «сталкер» стало общеупотребительным.

Постепенная мифологизация этого образа привела к тому, что сталкеров стали наделять особыми, тайными качествами и способностями. У Карлоса Кастанеды сталкер уже обладает навыком молниеносно принимать правильное, оптимальное решение, способное вывести его победителем из самой безвыходной ситуации. В современном мире образ сталкера и вовсе вышел за пределы художественных произведений, что неудивительно. Человека всегда окружали области неведомого, что порождало такие понятия, как «граница и приграничье» – то есть край обитаемого и понятного мира, «страж» – тот, кто охраняет эту границу, разведчик/проводник/контактер – имеющий доступ к иному миру. К последним можно отнести древнегреческого Харона, шаманов и др.

Проблема в том, что традиционное «неведомое» в XX веке очень сильно ужалось –

географических белых пятен не осталось, загадки нематериального плана капитулировали перед наукой – поэтому и проводники в иные миры стали не нужны. Однако, расправившись с традиционной мифологией, индустриальная цивилизация начала строить свою собственную. Она предъявила новый конец света – тотальную войну планетарного масштаба с применением оружия массового поражения. Учебники гражданской обороны красочно описывали эту реальность – зоны поражения и зоны загрязнения (радиоактивного, химического, биологического). Руины и места, где нет людей, но есть одна только опасность. Границы и проводники в неизвестное появились вновь, и теперь уже за проводником индустриальной эры в массовом сознании закрепилось название сталкер.

Чернобыльская катастрофа стала той самой реальностью, где нашлось место сталкерам. В психологическом плане любая катастрофа – это разрушение существующего порядка, появление событий, которые выходят за рамки обычного человеческого опыта. В результате формируется новая реальность, которую необходимо изучить и описать, дать новым явлениям и процессам названия, а для этого – создать новую систему понятий. Одним из таких новых чернобыльских понятий и стал сталкер. Часто в среде ликвидаторов это слово использовалось как самоназвание. «Командир взвода сталкеров» – так отрекомендовался командир взвода радиационно-химической разведки Сергей Мирный ученому, которого он встретил на окраине города Припять в июне 1986 года. В профессиональном сленге персонала ЧАЭС и в обиходе ученых, изучающих развалы четвертого реактора, понятие «сталкер» существует, но уже в абсолютно новой смысловой интерпретации. Применительно к Саркофагу «сталкер» – это ученый, профессионал, изучающий руины разрушенного реактора. Но он не просто изучает, он ищет скопления ядерного топлива. Ведь в реакторе его нет. Во время аварии оно разогрелось до полутора-двух тысяч градусов, расплавил полутораметровые стены и вытекло, заполнив ядерной лавой четыре этажа под реактором. Сейчас эти помещения крайне опасны и труднопроходимы. Радиационная обстановка в них тоже очень сложная: гамма-фон достигает десятков Рентген в час. Но профессионалы осознанно идут туда, поскольку для того, чтобы получить достоверное представление о том, какие сюрпризы Саркофаг может преподнести в будущем, нужно ясно представлять, сколько ядерного топлива внутри и в каком состоянии оно находится. Таким образом, профессиональные сталкеры находят свой ядерный «хабар» – образцы уникальных веществ, находящихся в реакторе. Их добыча действительно бесценна для науки. Материалы, из которых состоит эта смертоносная застывшая лава, не найдешь больше нигде на Земле.

Ученые Саркофага – поистине уникальная группа людей, их работа беспрецедентна, но наш рассказ не о них. Они заслуживают отдельного исследования и отдельной книги.

Представители массмедиа любят называть сталкерами и других научных сотрудников зоны отчуждения. Но лишь тех, кто приносит из зоны «хабар» в виде уникальных знаний или информации. Людей, которые пропустили эту катастрофу через себя, осознали ее и поделились этим знанием с окружающими. К таким сталкерам можно причислить сотрудника Института атомной энергии им. Курчатова Константина Чечерова, директора Чернобыльского центра международных исследований Николая Архипова, полковника милиции Александра Наумова и многих других. В данном случае журналисты, выражаясь литературно, являются перекупщиками сталкерского «хабара» – в виде информации, которую ученые добывают в зоне.

В самом же периметре понятие «сталкер» присваивалось не только людям, но и неодушевленным предметам. Например, обычное кафе, располагавшееся на центральной площади Чернобыля, в свое время называлось «Сталкер». В 1986 году в нем размещался один из штабов по ликвидации аварии. Сегодня в Чернобыле можно увидеть и катер «Сталкер», который принадлежит предприятию «Чернобыльская пуща» и стоит в Чернобыльском затоне.

Сталкерский люд: игроманы, «идейные», «добытчики»

Сегодня уже можно с уверенностью говорить о существовании такого социального явления, как сталкерство. Его массовость и распространенность дает возможность выделить отдельные группы с конкретными признаками, образом поведения в зоне отчуждения и мировоззрением.

Проследить принадлежность человека к тому или иному психотипу можно, лишь прочитав в Интернете его отчет о походе в зону. Одни тексты содержат почти детский восторг по поводу схожести виртуального мира известной игры с видами настоящих брошенных сел, ферм и других объектов реальной зоны. Зачастую эти люди используют в своих отчетах ненормативную лексику, а описание окружающего мира зоны пестрит преувеличенными представлениями о реальных опасностях, встречавшихся им на пути. Эмоциональный рисунок рассказа о путешествии выдает приверженцев компьютерных игр. Этот тип сталкеров мы называем игроманами. Они зависят от игры, им хочется усилить ощущения от виртуального мира экстремальными впечатлениями от реального. Потому и отправляются они в зону. Как правило, средний возраст сталкеров этой категории от шестнадцати до двадцати лет, во всяком случае не превышает двадцати пяти. В подавляющем большинстве игроманы совершают всего одно, реже два проникновения в чернобыльскую зону. Этого им, как правило, вполне достаточно для удовлетворения сталкерских амбиций.

Кстати, многие игроманы даже не пересекают границы чернобыльской зоны отчуждения. Им вполне достаточно видов брошенных сел зоны обязательного отселения (район Народичей, Полесского и Вильчи). Ведь «хабар» – фотографии и видео с видами этих мест столь же апокалиптичны, как и те, что сделаны в зоне. А вот попасть в зону отселения куда проще, здесь нет охранного периметра, а значит, «сталкер-игроман» не рискует нарваться на серьезные неприятности. Но и совсем безопасным такое место не назовешь.

В корне отличается от игроманов второй психотип чернобыльских сталкеров – философов заброшенного индустриального ландшафта. Назовем их «идейные». Довольно уникальная и любопытная категория посетителей зоны. Чаще они проникают в тридцатикилометровую зону и лишь изредка заходят в десятку – зону повышенного радиационного контроля. «Идейные» находятся в зоне по несколько дней, в некоторых случаях остаются на целую неделю. Материалы, публикуемые ими в Интернете, имеют логичное изложение, описываемый маршрут, как правило, хорошо продуман, а сталкерский поход организован. Чувствуется опыт. Но главное в таких материалах – эмоциональные описания окружающего мира запретных территорий. Так восторгаться угрюмой красотой брошенных земель и строений могут только люди, у которых это увлечение идет от сердца.

Некоторые «идейные» сталкеры имеют свою, уникальную, мировоззренческую систему ценностей. Они уверены в том, что обезлюдевшая зона обладает своеобразной, понятной только им, биоэнергетикой.

Что же движет «идейными» и каковы цели их визита в зону? Наиболее содержательные ответы на этот вопрос дали сами сталкеры. Вот несколько цитат из переписки:

«...Трудно описать словами все те чувства, которые наполняют меня во время посещения зоны, и иногда я серьезно опасаясь, что в этом есть намеки на какой-то диагноз :). Надеюсь, несущественный. Просто это самое уникальное место на всей планете, огромная территория, с которой мгновенно уехали все люди. Посещать эти села и города очень интересно, но, с другой стороны, все выглядит зловеще пустым... Но главное – я там чувствую себя живым. Там я человек, который зависит лишь от самого себя, возможно, это и есть главная причина такой популярности зоны у всех, кто ходит туда нелегально, в одиночку или небольшими группами. Я не знаю точно, какие цели преследуют остальные, те, кто палит дома, устраивает кавардак в до сих пор не тронутых домах... мое правило №1 – ничего не менять в зоне, никакого мусора и сувениров на память...»

И еще...

«Честно говоря, весь этот туристический ажиотаж мне абсолютно неприятен. Получается, это какая-то тенденция моды. Несомненно, наваянная целой серией игр и книг, связанных со сталкерством. И толпы вновь испеченных псевдо-сталкеров ломятся бесконечными потоками в зону. Не осознавая всю глубину гигантской человеческой трагедии. Более того, зона превратилась в огромный аттракцион, которым нещадно спекулируют предприимчивые дельцы. Одно дело – приехать в зону с чипсами и пивом и, щупая пухлую подругу за попу, веселиться на руинах Припяти. Так сказать, глумиться над человеческой бедой. Это, по-моему, вандализм. А другое – посетить этот памятник горести и забвения. Для более глубокого осознания всей человеческой незащищенности. Проникнуться атмосферой зоны, почувствовать эту боль»...

«Идейные», как правило, хорошие фотографы, великолепно чувствующие композицию и пространство, которые они снимают. Снимки передают загадочную, притягательную и очень своеобразную эстетику погибшего мира. Умение разглядеть через объектив камеры редкую красоту унылых и опустошенных городских ландшафтов – отличительная особенность поклонников индустриального туризма.

Отличаются «игроманы» и «идейные» и своей численностью. Трудно объективно судить о подлинном их количестве, но по косвенным признакам «идейных» сталкеров не больше трех-четырех десятков, «игроманов» на порядок больше. «Идейные» сталкеры совершают по два-три ежегодных проникновения в зону, в то время как игроманы – не больше двух за всю жизнь.

Стоит упомянуть и о третьей группе людей, посещающих зону отчуждения, людях, безмерно далеких от компьютерных игр и поисков оригинальных способов времяпрепровождения. Для них поход в периметр – рядовое событие повседневной жизни. Эту группу сталкеров мы назовем «добытчики», как правило, ими становятся жители соседних с зоной сел и деревень.

В эту депрессивную категорию вошли полтора десятка сел, оставшихся от эвакуированных Чернобыльского и Полесского районов. Ядерная катастрофа оставила не только ядовитый материальный след, она разрушила судьбы и искорежила характеры местных жителей. В населении этих сел существенную долю составляют пенсионеры, зона отчуждения начинается прямо за их огородами, подкрепляет всеобщее уныние вид руин колхозных строений за околицей. По сути, эти села не очень сильно отличаются от тех, которые находятся за колючей проволокой и населены «самоселами». Но разница меж ними есть и существенная: если «самоселы» сами выбрали свой образ жизни, то для этих людей не существовало альтернативы. Им уехать никто не предлагал, поэтому те старики, которые не смогли выехать сами, попали в социальную ловушку.

Еще в советское время стала понятна губительная роль зоны отчуждения. Ведь ее создание разрушило все, чем жили эти районы. Прекратили существование колхозы и промышленные предприятия, не стало продукции, которую они производили. Рыночные реформы привели к дальнейшему развалу – уцелевшие предприятия либо разорались, либо скупались для демонтажа и утилизации. Проще говоря, работать людям, проживающим в непосредственной близости от зоны, стало негде.

Вместе с тем статус жителей пострадавшей территории дает им право на определенные социальные выплаты и льготы. Это привело к тому, что легальный труд перестал рассматриваться местным населением как основной источник дохода. Его место заняли социальные пособия, а также полуполигальные и даже совсем нелегальные заработки.

Авария повлияла не только на условия жизни людей и их материальное благосостояние, но и на их психические настроения. Социологи и психологи, которые исследовали этот район в 90-х годах, выявили целый ряд негативных изменений в социальном поведении жителей.

Прежде всего это «синдром жертвы» – когда человек даже спустя много лет после события ощущает себя потерпевшим и на этой позиции строит свое отношение к миру и окружающим. Для них авария не закончилась – они переживают это событие как факт повседневной жизни. Естественно, эти люди демонстрируют повышенную тревожность и страх перед повторением ядерной аварии. Они не верят в свои силы и не планируют свою жизнь даже в короткой перспективе. Они просто живут одним днем. Они ни в чем не стремятся проявить инициативу, но при этом обвиняют в своих бедах кого угодно, но не себя. Часто можно услышать рассуждения на тему, что они заслуживают большего, поскольку являются пострадавшими.

Свойственен им и синдром невежества – когда люди не понимают и не стремятся понять и принять правила жизни на загрязненной территории. Они живут в соответствии с собственными, чаще всего ошибочными, представлениями о рисках радиоактивного заражения.

Все эти изменения в сознании и поведении ученые называют «чернобыльским фактором», а общество, которое сложилось под его воздействием, – «мертвым социумом». В такой ситуации специалисты рекомендуют властям сосредоточить усилия на молодежи и подрастающем поколении, чтобы включить их в нормальный образ жизни и вывести их из поля действия этой депрессивной атмосферы.

Тот самый «чернобыльский фактор» и тотальная нищета прилегающих к зоне поселений привели к бурному расцвету нелегальных промыслов, тесно связанных с зоной отчуждения. Местные жители не видят в ее посещении опасности ни для себя, ни для других людей, поэтому охотно тащат оттуда добычу. Оправдывают свое поведение просто: им ведь нужно на что-то жить...

Бессмысленно утверждать, что такое явление уникально для современной Украины в целом. И в других бедных районах люди ведут себя подобным же образом. В качестве примера можно привести «дикие» (нелегальные) шахты-самокопы Донбасса. Уголь в них добывают везде, где пласты подходят близко к поверхности. Работа в таких шахтах тяжелая, вредная и смертельно опасная. По некоторым оценкам, таких шахт-самокопов около 2,5 тысячи, а каторжно трудятся в них несколько десятков тысяч человек. И для них это единственный способ выжить в регионе, где закрылись официальные шахты.

В окрестностях чернобыльской зоны распространены иные промыслы. Прежде всего это сбор и вывоз металла, вероятно, самый доходный и стабильный вид заработка. В 2003 году милиционеры зоны задержали двух жителей соседнего села, когда те попытались вывезти часть корпуса вертолета. Можно себе представить изумление вызванных дозиметристов, когда те увидели, как во дворе отделения милиции стоит обычная повозка с запряженной лошастью, а в повозке лежит... грязно-белый конус части фюзеляжа вертолета. Как и следовало ожидать, лом отчаянно «фонил». И было в происходящем действительно что-то постапокалиптическое: деревенского вида злоумышленники на конной повозке воруют с территории могильника радиоактивных отходов часть машины, ликвидировавшей ядерную аварию...

Следующий по доходности «бизнес» – добыча стройматериалов. Даже спустя 20 лет брошенные дома разбирают на кирпичи, снимают с крыш шифер, из земли выкапывают бетонные конструкции. Все это требует больших трудозатрат, наличие транспорта, а иногда и специальной техники. Поэтому такого рода промыслами занимаются бригады с хорошим материальным обеспечением, а не сталкеры-одиночки.

Для одиночек самое выгодное занятие – это сбор грибов и браконьерская добыча диких животных. И продать можно, и самим съесть.

Была еще информация, что местное население работает проводниками в зону отчуждения, но достоверных данных о таком бизнесе нет.

Сталкеры-добытчики больше других похожи на героев книги «Пикник на обочине» братьев Стругацких. Живут они возле зоны, ходят туда за «хабаром», который имеет свою рыночную цену. Походы добытчиков – это работа, а потому они существенно отличаются от походов игроманов или идейных. Заходят в зону добытчики неглубоко (5–10 км) и на короткое время (до суток). А близость дома позволяет им не тащить с собой лишнего. Именно эта категория сталкеров полностью игнорирует радиационную опасность, зато они хорошо знают местность как вблизи зоны, так и внутри нее. Естественно, добытчики рискуют точно так же, как и другие сталкеры, даже больше, поскольку посещают зону они значительно чаще. И, вероятно, именно добытчики пополняют статистику без вести пропавших людей, и именно их тела, найденные в зоне, числятся в списках неопознанных.

Сообщения о задержании сталкеров регулярно появляются в сводках МВД. Личный состав батальона охраны зоны отчуждения тоже прекрасно представляет, от кого им приходится охранять вверенные периметр и объекты. Однако есть здесь и свои исключения из правила, одним из которых является история «чернобыльского Тарзана», о которой много писали в 2006 году. Она началась 13 лет назад, в 1993 году, в одном из сел зоновского приграничья, когда 12-летний Иван навсегда ушел из дома от побоев матери. Он не принялся бродяжничать в густонаселенном городе, как поступает большинство коллег по несчастью, а выбрал противоположный путь. Ушел туда, где нет людей, – в зону отчуждения. Здесь он проводил большую часть года, жил в землянках, охотился на диких животных, занимался мелким воровством у самоселов и жителей незонных сел. Говорили, что первым его оружием стал самодельный арбалет, вполне пригодный для охоты, позже у него появилось и огнестрельное оружие. На зиму «чернобыльский Тарзан» перебирался жить к бабушке, поговаривали, что кое-какую помощь ему оказывала сестра.

В поле зрения правоохранителей он попал лишь летом 2005 года, хотя слухи о «диком»

человеке ходили несколько лет. В районе села Корогод патрульная группа обнаружила молодого человека, который разделывал тушу лошади Пржевальского. На появление сотрудников милиции он отреагировал довольно дерзко – начал отстреливаться. Задержать его не смогли, но обнаружили оборудованную берлогу-землянку, в которой он проживал. Этот факт насторожил, поскольку обычные браконьеры в берлогах не живут.

Закончилась же история весьма печально – 5 января 2006 года в своем доме в селе Орджоникидзе был обнаружен жестоко убитый пенсионер. Из дома пропало только одноствольное охотничье ружье. По подозрению в этом убийстве Ивана и задержали, при обыске у него изъяли обрез, который он успел сделать из похищенного ружья. Несмотря на то, что это был скорее исключительный случай, он все же является порождением той социальной реальности, которая сложилась вокруг зоны отчуждения.

Игровой мир «S.T.A.L.K.E.R.» и реальный мир зоны отчуждения. Параллели и точки пересечения

В Интернете довольно много качественной информации о Чернобыле и катастрофе на АЭС, что подогревает общественный интерес к отчужденным территориям. Ряд компьютерных игр, посвященных этой тематике, породил сообщество фанатов чернобыльской зоны. Наиболее удачная визуализация периметра, как мы уже говорили, выполнена в известной игре «S.T.A.L.K.E.R.». Она отличается хорошо прописанной сюжетной линией, вымышленный мир в ней гармонично переплетается с реальным миром зоны отчуждения.

Дело в том, что авторы игры серьезно изучили прообраз. Они посещали Чернобыльскую АЭС и сотрудничали с персоналом станции, использовали полученные сведения при создании игровых образов самой станции, Саркофага и города Припяти. Кстати, и некоторые виртуальные персонажи игры были созданы на основании живых прототипов – людей, действительно работающих на ЧАЭС. Потому-то придуманные 3D-сцены с видами зоновских городов получились натуральными и во многом соответствуют действительности. Такая правдивость и понимание, что компьютерная картинка в точности повторяет то, что есть на самом деле, привлекает к игре все больше и больше поклонников.

Сюжет «S.T.A.L.K.E.R.» тоже весьма схож с реальными событиями. По замыслу создателей игры, зона отчуждения возникла из-за второго взрыва реактора на ЧАЭС. Тогда-то и образовалась вокруг территория, обладающая аномальными и сверхъестественными свойствами, как, например, сильные гравитационные потоки и т.д.

Агропром

Ни для кого уже не секрет, что такие локации игры «S.T.A.L.K.E.R.», как «Саркофаг», «Припять», «ЧАЭС», существуют на самом деле. Но любопытна связь между вымышленным местом – НИИ «Агропром» – и реальной зоной отчуждения. По задумке разработчиков игры НИИ «Агропром» – это якобы территория бывшего института, где в заброшенных лесах часто встречаются свирепые дикие кабаны и псевдособаки. Любопытно провести параллели с реальностью.

В середине 90-х годов прошлого столетия в ближней зоне атомной станции постоянно работали ученые-биологи. Функционировал крупный научно-исследовательский центр, который с учетом преимущественно сельскохозяйственных экспериментов можно было бы смело назвать «Агропром». Этот Центр имел масштабные производственные и исследовательские мощности. В них входили экспериментальные теплицы и лабораторный комплекс в городе Припять, экспериментальные участки в «Рыжем лесу», а в районе села Чистоголовка располагались экспериментальные поля, которые ученые гордо называли «опытные полигоны». Кроме того, институт содержал опытное стадо животных в селе Новые Шепеличи, целый колхоз в селе Куповатое, а также лабораторию по разведению рыбы и звероводческое хозяйство на берегу пруда-охладителя ЧАЭС. Целью было исследование последствий аварии – изучали, как растения и животные накапливают радионуклиды в зоне отчуждения. Анализируя эти данные,

ученые старались найти способы выращивания чистых пшеницы, овса, ячменя, получения свободного от радионуклидов молока и мяса сельскохозяйственных животных. Помимо прочего, почву экспериментальных полигонов обрабатывали специальными химическими веществами и пытались получить чистую кукурузу и кормовые травы.

Одним из важных занятий ученых в ближней зоне Чернобыльской АЭС было восстановление уничтоженной растительности. Для этого среди сплошных могильников радиоактивных отходов высаживали молодые дубы, сосны, ольху и т.д. Однако растения приживались крайне плохо. Нормальному росту и развитию мешали не только низкое качество земли, но и... дикие кабаны. Эти животные могли за ночь погубить плоды полугодовой работы ученых. Так, в 1993 году дикими кабанами было уничтожено более 70% саженцев дуба, которыми ученые планировали возродить к жизни «Рыжий лес».

В Центре также подкармливали собак, которые стерегли экспериментальное стадо. Содержали коров на заброшенной ферме недалеко от ЧАЭС и города Припять. А для опытов использовали полигоны в разных участках зоны с разными уровнями радиационного загрязнения.

Были в научном центре и служебные собаки – лайки и овчарки, которые охраняли лабораторию по разведению песцов, норок и бурых лисиц возле пруда-охладителя. Со временем центр прекратил свое существование, экспериментальный скот истребили в научных целях, а собак попросту бросили. Некоторое время стая в силу привычки охраняла территорию брошенной зверофермы, но после стычки с милицией, кончившейся стрельбой в воздух, собаки охранять некогда вверенный им объект перестали. Пару лет они еще гоняли кабанов и выступали в роли туристической достопримечательности и, конечно, размножались. Собаки разных пород давали необычное потомство: все, кто видел эту смесь лайки и овчарки, говорили однозначно – волки. А некогда послушные псы дичали и на самом деле перенимали у волков иерархическое устройство взаимоотношений в стае. Пара вожаков – самец и самка – безраздельно управляли всеми остальными, сообща они отстаивали свою территорию в стычках со стаями собак из прилегающих к базе объектов – ХОЯТ-2 и третья очередь ЧАЭС (руины недостроенных 5-го и 6-го энергоблоков). Местом разборок служила нейтральная территория между этими тремя объектами – циклопические градирни третьей очереди ЧАЭС. Подобно волкам, эти псы охотились на диких животных методом загона на засаду, поэтому их добычей вполне могли быть и кабан, и косуля. Собаки даже практиковали ловлю рыбы в каналах ЧАЭС и на пруде-охладителе во время нереста ранней весной. Полное подобие волкам стая приобретала по вечерам, когда с заходом солнца устраивала хоровой вой, гулким эхом разливавшийся по территории брошенной зверофермы и прилегающим территориям.

Одичавшая стая собак

Собаки как продукт человеческой культуры, во многом зависят от нас – людей. Эти животные исключением не были. Начиная с 2000 года, когда научная деятельность в зоне начала сворачиваться и персонал на базе стал бывать реже, стая начала уменьшаться. В 2005 году она насчитывала 6 диких псов и одного кобеля, который еще контактировал с людьми. Собаки гибли не от радиации, а от стычек с кабанами, от болезней, попадая в ловушки браконьеров. Иногда они просто уходили из стаи. С рождаемостью тоже были проблемы: собаки нередко щенились зимой, а это в заданных условиях равнялось смертельному приговору. Кроме того, щенков охотно разбирали сотрудники ЧАЭС и зоны отчуждения, поэтому в начале 2007 года стая перестала существовать.

Возможно, эта свора и навела создателей «S.T.A.L.K.E.R.» на мысль о псевдособаках, обитающих на территории вымышленного НИИ Агропром.

«Выжигатель мозгов»

По сути, игра сделала больше, чем все существующие книги о Чернобыле и катастрофе на АЭС: по прошествии двадцати лет после аварии историей катастрофы начала интересоваться молодежь. «S.T.A.L.K.E.R.» стимулирует познавательскую тягу к чернобыльской зоне отчуждения, к истории ее возникновения, к изучению катастрофы и последствий загрязнения территории. Молодые поклонники игры теперь прекрасно разбираются в том, как радиация влияет на организм человека. Некоторые и вовсе узнали о существовании реальной зоны отчуждения лишь после того, как познакомились с игрой. Ярчайшим примером таких чернобыльских открытий является высокий интерес к некогда секретному городу Чернобыль-2. Любители игры «S.T.A.L.K.E.R.» хорошо знают локацию Радар, еще она имеет название «Выжигатель мозгов». По сюжету игры этот комплекс антенн излучает специальные волны, которые оказывают сильное разрушающее воздействие на психическое состояние человека. Говоря на игровом сленге – Радар выжигает мозги. Если по ходу игры сталкер долго находится в зоне действия Радара и испытывает галлюцинации, то в конечном счете он постепенно превращается в зомби.

Несмотря на кажущуюся вымышленность игрового сюжета, за ним стоит вполне

конкретный и вполне материальный объект реальной зоны отчуждения – это военный радар, который находится в когда-то секретном, спрятанном в глухих лесах, городе Чернобыль-2. Раньше 146-метровый радар выполнял вполне конкретные задачи – отслеживал пуски баллистических ракет с территорий вероятного противника, но в обывательской среде его назначение и технические возможности всегда были окутаны ореолом тайны и мистики. Существует устойчивое мнение, что устройство в Чернобыле-2 – это не военный радар, а новое сверхоружие бывшего СССР, работа которого заключалась в зомбировании населения Западной Европы и Америки. Миф о его психотропном действии укрепился благодаря специфичным электромагнитным трансляциям, которые можно было услышать с помощью обычного радиоприемника. Работа радара сопровождалась звуком, который по ритму подобен звуку дятла, долбящего дерево. 4 июля 1976 года эти звуки слышал весь мир. По всей Европе связь в диапазоне от 3 до 30 мГц прервалась дробью дятла – это начал свою работу секретный объект Чернобыль-2. Эксперты по психотронному действию радара прозвали его «Русский дятел», или «Око Москвы». Считалось, что кроме влияния на поведение человека «Русский дятел» был способен вызывать землетрясения и катастрофические атмосферные явления над определенными территориями. Да что там говорить, продвинутые специалисты доказывали, что существующий радар – это только прототип, а военная наука СССР находится на пороге невероятного открытия. Новое изобретение позволяло подавать в толщи земли сигналы, способные уничтожать отдельные американские города...

Кстати, есть у исследователей «Русского дятла» и собственные объяснения причин аварии на ЧАЭС. Они считают, что взрыв ядерного реактора – дело рук западных спецслужб, поскольку сама атомная электростанция появилась в Полесье, чтобы обслуживать этот мощный и энергоемкий радар. Нет электростанции – нет радара, следовательно, таким радикальным способом была предотвращена угроза психического воздействия на целые народы враждебного СССР мира капитализма.

Антенны радара в секретном городе Чернобыль-2

Но оставим домыслы и легенды о психотропном радаре экспертам. На самом же деле его уникальность заключалась в том, что колоссальных размеров прибор мог «видеть» за горизонтом. Но эффективность его оказалась ниже, чем рассчитывали разработчики, так, радар

мог точно определить только массовый пуск баллистических ракет, в отношении одиночных целей он был слеп. Возникли и другие проблемы, поэтому в мае-июне 1986 года объект должны были передать на боевое дежурство в структуре ПВО СССР, но авария на ЧАЭС планы военных поменяла...

Сегодня уникальный радар все еще существует. Ржавые опоры и оцинкованные элементы его конструкций, как и двадцать пять лет назад, с холодной гордостью возвышаются над Чернобыльским краем. Радар виден и с крыш домов брошенного города атомщиков Припяти, и с радиационных курганов захороненных сел Копачичи и Чистоголовка. Теперь это элемент пейзажа зоны отчуждения и гигантский памятник ушедшей советской эпохи, гармонично вплетенный в игровой сюжет компьютерной игры «S.T.A.L.K.E.R.».

Бар «Сто Рентген»

В игровом сценарии «S.T.A.L.K.E.R.» существует место, где виртуальные герои находят защиту, могут, наконец, расслабиться и спокойно отдохнуть. Это место называется бар «100 Рентген» и является местом сосредоточения разного сталкерского люда. И это вымышленное заведение, конечно же, имеет свою аналогию в зоне реальной.

Бара с таким названием в Чернобыле нет, но есть другие. Бытовая история вахтенного Чернобыля – это во многом история его питейных заведений: «Вечный зов», «Кинотеатр», «Ресторан», «Стекляшка», «Салун» – названия, которые вызывают веер ассоциаций у тружеников зоны отчуждения. Сейчас в Чернобыле осталось три бара – на первом этаже столовой «Ресторан», холл бывшего кинотеатра Украина и «Стекляшка». Все они находятся в центре города на ул. Советской, режим работы строго с 19.00 до 23.00. Но раньше бары работали значительно демократичнее, что называется, до последнего клиента. Ассортимент спиртного включал в себя преимущественно напитки отечественного производства, среди которых понятным преимуществом пользуются водка, коньяк, шампанское. Кроме этих «очагов культуры», в продуктовом магазине действует разлив «из-под прилавка» с классическим обсервом и недоливом.

История всех питейных заведений начинается с 1997 года, когда в зоне отчуждения отменили «сухой закон». До этого спиртное в чернобыльской зоне не продавалось, и люди решали вопрос, как могли. Завозили контрабандой через КПП, спрятав бутылки в вещах. За это можно было серьезно поплатиться, вплоть до увольнения. Покупали у бутлегеров¹, функции которых выполняли водители, коменданты общежитий и кастелянши. Водители завозили спиртное в технологических нишах автобусов. Поэтому купить спиртное можно было прямо у машины или у них в общежитии. Коменданты общежитий и кастелянши занимались реализацией. Всегда был один или два адреса, где можно было приобрести бутылку в любое время суток. В лабораториях и других подразделениях употребляли этиловый спирт, разводя его водой и глицерином до классических 40 «оборотов». Умельцы делали брагу и гнали самогон, благо обстановка располагала к реализации такого технологического процесса. Дело в том, что до конца 90-х значительная часть персонала проживала в домах частного сектора Чернобыля, называя их «фазендами». Так вот, в сараях или в домах ставили две-три чугунные ванны, в которых готовили брагу из местного сырья – винограда, яблок, слив или абрикосов. Там же стоял самогонный аппарат почти промышленных размеров.

Не особо взыскательные потребители переходили на суррогаты – спиртосодержащие лекарства и парфюмерию. Сейчас только ветераны могут указать на археологический памятник времен «сухого закона» 1986–1994 годов – «одеколонный переулок» в начале ул. Некрасова, что напротив магазина. Там, в зарослях кустов и травы, можно обнаружить россыпи бутылок из-под выпитой парфюмерии.

От виртуальной зоны к реальной

¹ Бутлегер (англ. bootlegger – (сленг) подпольный торговец, контрабандист) – подпольный торговец спиртным во время сухого закона в США в 1920–1930-е годы.

Маршрут первый – экскурсионный

В последние годы в зоне существенно смягчился контрольно-пропускной режим, что способствует развитию «ядерного» туризма. С недавних пор за определенную плату любой желающий может принять участие в стандартном туристическом путешествии в зону. В Украине постепенно формируется даже цивилизованный коммерческий рынок по организации таких экскурсий, а некоторые операторы только на этом направлении и специализируются. С увеличением спроса и ростом конкуренции появляются разнообразные форматы экскурсий в зону отчуждения. На режимный объект можно попасть как в составе группы с однодневным визитом, так и заказать индивидуальную поездку. Сделать это можно не выходя из дома – у большинства турагенств существуют электронные системы оплаты и бронирования. Как правило, поездка осуществляется на комфортабельном автобусе, туристов в обязательном порядке сопровождает специальный представитель администрации зоны отчуждения. Он следит за соблюдением маршрута посещения, отвечает за обеспечение правил радиационной безопасности и не допускает самовольных походов в незапланированные места.

Однодневные экскурсии охватывают не только Чернобыль, где проживает персонал предприятий зоны, но и центральную часть отчужденных территорий – брошенный город Припять и Чернобыльскую АЭС. Стоит такой тур порядка 70–100 долл. США и включает в себя посещение следующих мест: заброшенные села, которые встречаются по дороге в Чернобыль и на ЧАЭС (Черевач, Залесье или Копачи), мост через реку Припять с видом на станцию. Обязательным стало посещение смотровой площадки объекта «Укрытие», а также городов Чернобыль (кладбище кораблей, парк техники ликвидаторов, церковь Святого Ильи) и Припять. В ходе однодневного тура посетитель проводит в зоне не больше 5–6 часов.

Индивидуальный тур обойдется значительно дороже – от 400 до 600 долл. США в день. Так что по карману он далеко не всем, зато такой «ядерный» турист свободен в выборе мест осмотра и передвижения по чернобыльской зоне.

Современный вид города Припять

Особый интерес посетителей реальной зоны отчуждения вызывает экскурсия по Припяти. Город атомщиков имеет интересную архитектуру и своеобразное пространственное

планирование. Создатели игры это хорошо поняли и успешно использовали в одноименной локации. А поклонники игры «S.T.A.L.K.E.R.», в отличие от поклонников других компьютерных игр этого класса, могут воочию убедиться в идентичности виртуального и реального миров.

Маршрут второй – сталкерский

Для значительной части поклонников игры официального посещения зоны отчуждения вполне достаточно, чтобы удовлетворить их любопытство. Но существует иная категория игроков, которых отличает острое желание в одиночку или в составе небольшой группы попасть в зону и бродить по брошенным территориям без ограничений и запретов. Ведь почти на каждом шагу здесь можно найти знакомые им по игровому сюжету виды. Кого-то зона привлекает возможностью поглазеть на уникальную радиоактивно-загрязненную технику, брошенную здесь после завершения ликвидации аварии. Многие образцы этой техники поистине редки, а вид их довольно вычурен. Поэтому желающих увидеть собственными глазами настоящую инженерную машину разграждения – ИМР-2, созданную в начале 80-х специально для прокладки дорог в эпицентре ядерного взрыва, а теперь забытую и ржавеющую под открытым небом где-то в глухих лесах центральной части чернобыльской зоны, хоть отбавляй. Да и брошенный вертолет, частично развороченный мародерами и оттого имеющий еще более апокалиптический вид – чем не изюминка зоны отчуждения? Любители железнодорожной техники, а таких достаточно много, встретят здесь ржавеющие тепловозы и вагоны, стоящие на путях или валяющиеся под железнодорожной насыпью.

Самовольное посещение зоны отчуждения для любого молодого человека – это, безусловно, событие исключительное и запоминающееся. Это еще и способ самоутвердиться, продемонстрировать и доказать окружающим сверстникам свое превосходство, смелость и самостоятельность.

Молодежь чувствует себя в киберпространстве как рыба в воде, занятная информация распространяется в Интернете с невероятной скоростью. Не трудно догадаться, что отчеты и дискуссии о самовольном посещении чернобыльской зоны отчуждения в молодежной среде вызывают просто шквальный интерес. Особенно в тех интернет-сообществах, члены которых все свое свободное время посвящают игре «S.T.A.L.K.E.R.».

Ажиотаж вокруг чернобыльской тематики вызвал интерес к зоне отчуждения и у людей иного толка – уставших от обыденности и жаждущих уединения. Психика этих людей буквально придавлена современным городом, циничной и бессмысленной суетой, в которую нередко превращается жизнь в мегаполисе. Такие горожане, как это ни покажется странным на первый взгляд, пытаются найти утешение в покое и безмолвии некогда шумных и населенных людьми городов и сел. Физическое ощущение одиночества дает им возможность восстановить психологическое равновесие, приносит особые переживания и умиротворение.

Таких людей можно отнести к категории увлеченных относительно новым, становящимся с каждым годом все более популярным видом туризма – индустриальным. Хотя понятие это существенно шире и объединяет массу разнообразных, специфических направлений и ответвлений. Например, к индустриальному туризму относится хорошо известный и достаточно опасный вид туризма – диггерство – исследование подземных сооружений, коммуникаций и других рукотворных объектов, находящихся под землей. Как бы в противовес диггерам существуют руфферы, путешествующие в верхних городских уровнях. Руфферы (от английского *roof* – крыша) предпочитают изучать индустриальный ландшафт с высоты крыш домов. Еще один подвид – урбанизм (в переводе с латыни *urbanus* – городской) – объединяет в себе как исследование инфраструктуры живых городов, так и посещение некогда населенных пунктов, оставленных человеком в силу разнообразных обстоятельств: экологических и техногенных катастроф, экономической деградации. Любопытным направлением индустриального туризма является индустриальная археология. Ее еще называют исследованием созданных и брошенных человеком объектов.

Проникновения на охраняемые территории – тоже особая разновидность индустриального

туризма. Этот экстремальный вид отдыха имеет еще и другое название – инфильтрация¹. Основной целью для поклонников столь опасного времяпрепровождения является возможность получить эмоциональный удар и особое психологическое удовлетворение. Такой вид туризма требует хорошей физической подготовки и наличия специальной экипировки.

И, пожалуй, последней причиной распространения такого понятия, как сталкерство, в странах постсоветского пространства можно считать обилие экономических проблем. Пока государство сосредоточено на решении финансовых и других насущных социальных проблем общества, молодежь остается предоставленной самой себе. Властям попросту не хватает времени, а то и вовсе нет дела до проблем и интересов молодого поколения. Вероятно, именно поэтому в наши страны так легко проникают и находят благоприятную почву для укоренения и развития западные молодежные субкультуры. Они быстро заполняют пустующие ниши в молодежном досуге.

Так и произошло с индустриальным туризмом. Пока он только начинал зарождаться в странах бывшего СССР, в странах Европы и Америки уже стал полноправным участником рынка туристических услуг. Особым коммерческим успехом пользовались и пользуются экскурсии не только на территории заброшенных заводов, военных баз, фабрик, бомбоубежищ, культовых зданий и оставленных человеком населенных пунктов, но и, как ни странно, на действующие предприятия.

Так что посещение чернобыльской зоны отчуждения соответствует многим направлениям индустриального туризма и, главное, в значительной степени их объединяет. Ведь данный объект – это сплошной постиндустриальный ландшафт, богатая коллекция внезапно покинутых человеком объектов. Полная изоляция от остального человечества, могущество природы, перед которым не устояли металл и бетон, придали зоне фантазмагоричные черты. И это манит и манит все новых и новых сталкеров. Справедливости ради отметим, что проникновения такого типа людей на территорию зоны отчуждения начались задолго до появления одноименной компьютерной игры. Первые публикации отчетов в Интернете и интервью в газетах о самоходах в зону отчуждения начались еще в начале 2000-х. Со временем информационное поле чернобыльского сталкерства существенно расширилось, стало общедоступным. Сегодня такие репортажи уже никого не удивляют. Собственно о самом явлении – сталкерстве – заговорили лишь тогда, когда случаи задержания посторонних молодых людей на территории зоны стали уж слишком частыми, а количество информационных сообщений о посещениях зоны не только в Интернете, но и в традиционных СМИ стали бросаться в глаза.

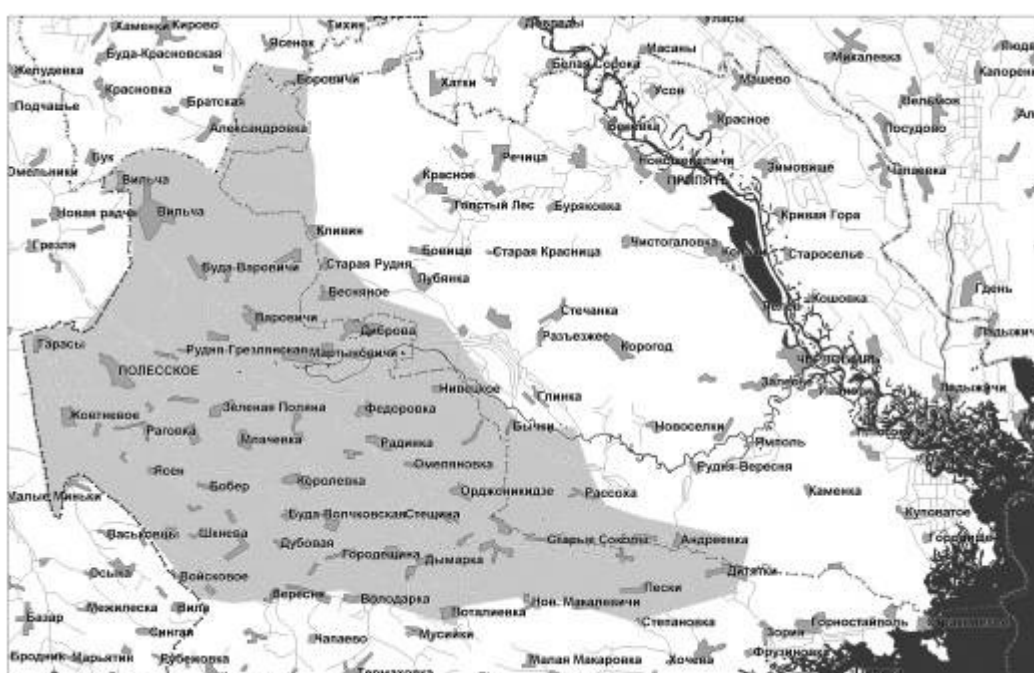
Что же это за люди такие – чернобыльские сталкеры? Что ими движет? Зачем они стремятся в зону отчуждения? Авторы изучили достаточное количество письменных отчетов и пообщались с внушительным числом сталкеров лично. Полученные знания позволяют дать ответы на эти вопросы.

Вообще сталкеры неохотно рассказывают о лазейках в зону и маршрутах, ведущих в Припять. Наиболее «идейные» и вовсе обозначают участки своих маршрутов вымышленными названиями: Мерзкий лес, Аномальный лес, Радиоактивное озеро, Чудесный луг, Антенны и т.д. О «дырках» в охранном периметре они тоже мало распространяются, скорее всего такая секретность связана со все возрастающей популярностью нелегальных проникновений в чернобыльскую зону.

¹ Инфильтрация – термин, чаще всего используемый военными и означающий проникновение в места, куда посторонним вход запрещен.

Карта участков проникновения «идейных» сталкеров в зону отчуждения и зону безусловного (обязательного) отселения

Карта участков проникновения сталкеров-игроманов в зону отчуждения и зону безусловного (обязательного) отселения

Вместе с тем знатокам зоны отчуждения места таких проникновений достаточно легко вычислить по фотографиям, которые в избытке представлены в Интернете. Так, подавляющее большинство нарушений границы осуществляется с запада и юго-запада, поэтому здесь теперь несет службу усиленный патруль милиции. С севера и востока попасть в зону невозможно, поскольку с белорусской стороны она хорошо охраняется, да и наказания там существенно строже. Естественной преградой служит и река Припять, которая также контролируется водным патрулем милиции.

Дабы не соблазнять читателя подробными описаниями маршрутов проникновения в зону отчуждения, мы не будем детализировать эту тему. Укажем только те области, которые интенсивно используются сталкерами для проникновений. Ниже представлена схематическая

карта зон таких мест, которая составлена по результатам анализа отчетов и фотографий, опубликованных в Интернете.

Точки притяжения сталкеров

Мы уже упоминали, что главной целью любого чернобыльского сталкера является брошенный город Припять. Однако зона отчуждения не зря считается уникальной, поэтому Припять – это важное, но далеко не основное привлекательное место для индустриального туриста. Скажем больше, на наш взгляд, незнание истории аварии привело к мифологизации этого места и незаслуженно вытолкнуло из поля общественного внимания деревни, промышленные и военные объекты чернобыльской зоны. Основной миф или заблуждение о Припяти заключается в восприятии города как умершего, брошенного и забытого Богом и людьми места с апреля 1986 года. На самом же деле он существовал и выполнял свое прямое назначение еще на протяжении двенадцати послеаварийных лет – там жил персонал, работали завод «Юпитер» и столовая, несла службу милиция, действовали почта и телеграф. Был здесь автопарк, в знаменитых припятских теплицах выращивали огурцы, помидоры, кабачки и цветы (гвоздики и каллы), и даже бассейн «Лазурный» принимал посетителей! Работники зоны традиционно плавали здесь в обед или вечером после работы. В 90-х годах количество персонала, находящегося в городе в рабочий день, достигало 5–8 тысяч человек. Практически все административные и промышленные сооружения Припяти активно использовались, функционировала почти вся инфраструктура, в город подавалась питьевая вода, работала канализация и обеспечивалось централизованное отопление зданий в зимний период. Брошенными были только квартиры, школы, больницы и частично детские сады...

Лишь после остановки третьего блока Чернобыльской АЭС в 2000 году и решения правительства Украины о закрытии атомной станции, активная деятельность и жизнь в Припяти прекратились.

Нынешний ободранный и полуразрушенный вид, известный многим по опубликованным фото– и видеоматериалам, город приобрел за последние 5–8 лет – в период разгула мародерства и массовых визитов ядерных туристов.

О том, что собой на самом деле представляет город Припять и другие центральные места зоны отчуждения, ради посещения которых сталкеры рискуют своим кошельком, здоровьем и даже свободой, мы расскажем ниже.

Поселок Полесское

По числу посещений сталкерами Полесское является безусловным лидером. Это объясняется расположением населенного пункта не на территории зоны отчуждения, а на территории зоны обязательного отселения. Попасть в этот город можно относительно легко, даже используя рейсовые автобусы из Киева на Овруч.

Полесское было оставлено людьми сравнительно недавно. Переселение началось в 1992–1993 годах, и к 1996 году поселок уже был отнесен к категории нежилых. В общей сложности около тысячи семей были расселены в 50 населенных пунктах Киевской области. Сегодня в Полесском нет поражающего взгляд обилия растительности, как это можно наблюдать в Припяти, где дома и сооружения буквально утопают в зелени. В Полесском все наоборот. Там доминирует не природа, а человек. За последние десять лет поселок, в котором еще сравнительно недавно проживали около 11 тысяч человек, разграблен тотально. Вывезено все, к чему может пристать магнит. Демонтировано все, что может представлять хозяйственную ценность для сельского жителя, – оконные стекла, шифер, отделочная плитка... В последнее время активизировалась деятельность по демонтажу целых зданий из кирпича.

Масштабный разбор таких зданий формирует уникальные современные виды поселка, каких больше нигде не увидишь. Порой закрадывается мысль о ядерном взрыве, произошедшем в окрестностях этого города – частично разобранные, частично разрушенные дома и сооружения выглядят как после ударной волны.

А ведь поселок жил очень долго и за свою многовековую историю даже сменил несколько имен. Начиная с 1415 года, когда он впервые был упомянут в исторических описаниях, поселок носил название Хабне. С 1934 по 1957 год его именовали Кагановичи (в честь известного Л. Кагановича, который родился недалеко от этого села), а в 1957 году его снова переименовали, на этот раз в Полесское. В годы Советской власти культовые и исторические сооружения поселка были уничтожены. Так, например, на месте деревянной церкви, разрушенной в 60-х годах, были построены водокачка и библиотека.

Примечательно, что после аварии часть жителей города Припять и сел зоны отчуждения власти переселили сюда, в Полесское. Впрочем, прожили здесь люди всего несколько недель. В 1986 году власти не разобрались в радиационной обстановке в Полесском и посчитали, что поселок, находящийся в 52 километрах от ЧАЭС, не должен был пострадать от радиации. Но на самом деле радиационная обстановка в Полесском мало чем отличалась от центральных районов зоны отчуждения. Он оказался на конце «западного следа радиационного выброса». Даже сегодня фон в Полесском достаточно высокий, даже больше, чем в Чернобыле, хотя в поселке неоднократно проводились работы по улучшению экологии: уложили новый асфальт, сняли и вывезли верхний слой почвы, в частных подворьях даже поменяли заборы и помыли деревья... Но это не помогло, и после долгих раздумий население решено было эвакуировать.

И все же в Полесском проживают около десятка человек, не пожелавших покинуть свои дома. Кроме «самоселов» в Полесском размещается и пожарная часть, контролирующая этот участок чернобыльской зоны.

Современный вид поселка Полесское

Одно из зданий поселка Полесское, демонтируемое мародерами

Город Припять

Припять — интереснейший объект чернобыльской зоны. Находясь практически возле эпицентра катастрофы, он стал символом ее последствий. Все здесь красноречивее слов говорит о трагическом продолжении катастрофы, связанной с переселением многих тысяч людей.

Что же здесь такого притягательного?

Когда-то город являлся воплощением последних достижений советского градостроительства. Если Чернобыльская АЭС создавалась как самая наилучшая и передовая атомная электростанция, то и город атомщиков должен был ей соответствовать. Вот лишь один пример — городские магистрали, перекрестки, регламент движения автомобилей, дорожные знаки и регулировки светофоров были устроены в Припяти так, что автомобильный затор и тем более пробка были попросту невозможны.

По архитектурному плану город был новаторским и существенно отличался от других городов СССР. Это заметно и сегодня, ведь посетители Припяти приезжают из городов, которые строились сразу после войны, — безликих, архитектурно непродуманных индустриальных городов с однотипными спальными районами. Припять производит неизгладимое впечатление широтой и продуманностью компоновки административного центра, спальных районов и т.д.

Вид центральной площади города Припять

Несмотря на значительное удаление от больших городов, жители Припяти не чувствовали себя изолированными от внешнего мира. Комфортному их проживанию способствовало сообщение с «большой землей» практически всеми видами наземного транспорта – автобусами, речным и железнодорожным.

Город выглядел нарядным – преобладающий цвет административных и общественных зданий белый и светло-серый. В Припяти для украшения социально значимых зданий – музыкальной школы, магазинов и т.д., широко применялась мозаика. Панно, сложенные из нее, действительно необычны и очень качественно выполнены. Даже сегодня, когда в большинстве здания Припяти ветшают и осыпается внешняя отделка, мозаики выглядят целыми и невредимыми. Некоторые из них, как говорят, в свое время были отмечены государственными наградами.

Припять имеет ярко-выраженный центр, в котором были компактно размещены администрация города, кинотеатр, магазины, музыкальная школа и другие важные культурные и бытовые объекты. Но главным достоинством города являлись его удобство и практичность для повседневного проживания людей. Попастъ в центр с любой окраины можно за пять-десять минут пешего хода, а выглядит Припять довольно просторной. Здесь нет узких улочек с нависающими глыбами зданий, в городе много света, много воздуха.

Как мы уже говорили, после эвакуации гражданского населения город продолжал функционировать. В нем размещалась значительная часть важных для ликвидации последствий аварии предприятий. Именно в Припяти 15 лет функционировал центр по контролю за радиационной обстановкой зоны отчуждения. К слову, системы контроля, установленные в зоне, были такие же, как на военных полигонах на Новой Земле, где испытывалось ядерное оружие. Автоматические датчики измеряли радиационный фон и направляли данные на центральный пульт управления, который находился в здании бывшего энергостроительного техникума.

После взрыва реактора в Припяти базировался автопарк, к примеру, поливальные машины из него 3–4 раза в день заливали водой дороги и обочины вокруг Чернобыльской АЭС и в самой Припяти все послеаварийное время.

До 1997–1999 годов действовал завод «Электрон». Здесь создавались роботы и

автоматизированные системы для работы в сложных радиационных условиях внутри Саркофага. Конструкторы изобретали механические руки, которые вместо человеческих рук должны были бы извлечь остатки ядерного реактора и захоронить их глубоко под землей. Некоторые уникальные агрегаты, оставшись бесхозными, и сейчас валяются в разграбленных цехах завода.

Современный вид улиц города

До 1998 года в Прип'яти работало научное подразделение, занимавшееся изучением экологических последствий катастрофы. Кроме полевых работ, когда ученые ловили мышей в Рыжем лесу, выращивали ячмень и овес на опытных полигонах возле Янова и косили траву в районе Чистогаловки, ученые проводили эксперименты в припятских теплицах. Об их работе стоит упомянуть отдельно. Дело в том, что тепличное хозяйство в Прип'яти было одним из передовых технологических достижений на то время. Только представьте – перед аварией тепличный комплекс управлялся с помощью компьютера или как называлось устройство в то время – электронно-вычислительной машины. ЭВМ находилась в отдельном большом помещении, где в железных шкафах были установлены электронные блоки. Посетители Прип'яти и сегодня могут видеть остатки электронной начинки – валяющиеся на полу разбитые платы, жгуты разноцветных проводов и многое другое. А когда-то с их помощью создавали идеальный микроклимат внутри теплицы. При необходимости снижения температуры компьютер автоматически открывал окна на крыше теплицы, а в случае большого количества солнечного света поверхность крыши без вмешательства человека заливалась меловым раствором, создавая тень и исключая солнечные ожоги растений. Кроме того, автомат контролировал и подачу питательных растворов, для чего в субстрате, предназначенном для выращивания растений, были устроены специальные поливочные трубопроводы, а также системы для удаления избытка влаги. В общем, доаварийная Прип'ять была в том числе и передовым рубежом тепличного хозяйства в СССР.

После взрыва реактора теплицы обработали, они стали пригодны для использования, но вот система ЭВМ была выведена из строя. Поэтому полив и вентиляцию осуществляли вручную. Сюда свезли все типы почв зоны отчуждения и при помощи разных химических веществ и удобрений пытались получить чистые от цезия и стронция сельскохозяйственные

культуры. Еще позже в теплицах выращивали сеянцы сосны, с помощью которых планировали создать лесные насаждения на открытых участках зоны. Дело в том, что лесные насаждения эффективно удерживают радионуклиды и препятствуют их распространению за пределы зоны отчуждения. Именно здесь, в этих теплицах, определяли, наследственная мутация в растениях из Рыжего леса или нет? Для чего семена обезображенных сосен из самого грязного места зоны посеяли в чистую почву. Если бы мутация была наследственной, то растения из семян выросли бы с нарушениями, но в теплице подросли вполне здоровые деревца. То есть уродливые растения росли только в изуродованном Рыжем лесу.

В первые годы после аварии ученые предлагали использовать припятские теплицы в промышленных целях, ведь атомная станция продолжала работать, поставлять тепло, и грех было не использовать такие возможности. Здесь научились получать чистые семена огурцов, которые вполне можно было выращивать за пределами зоны. На диво-эксперимент приезжали посмотреть многие высокопоставленные чиновники, а также представители известных западных экологических организаций. К сожалению, проект был реализован только на уровне эксперимента. Говорят, что, несмотря на хорошие сортовые качества семян и радиоэкологическую безопасность, тепличные хозяйства в Украине не захотели покупать семена из чернобыльской зоны. Сработал стереотип, навязанный средствами массовой информации.

С изменением статуса, когда из постоянного места жительства Припятъ превратилась только в место для работы, изменилось и отношение обитателей к городу. Стали появляться новые сленговые названия. Так, например, одну из многоэтажек в северо-западной части Припяти стали называть Фудзияма. С крыши этого дома в одну сторону открывались живописные виды города и ЧАЭС, но стоило всего лишь повернуться – и можно было любоваться прекрасной панорамой полесских ландшафтов. Кстати, именно Фудзияма была излюбленным местом журналистских теле- и фотосъемок.

Радиационная обстановка в городе в точности повторяет особенности загрязнения всей зоны отчуждения. В Припяти есть места и относительно чистые, где уровни фона лишь в пару раз выше, чем, скажем, в Киеве, а есть – где он зашкаливает за 800 мкР/ч. Хуже всего дела обстоят на юге города, в районе улицы Заводской, а также на восточной окраине, соседствующей с Яновским затоном. Относительно «благополучными» выглядят центральная и северо-западные части Припяти.

С момента взрыва реактора прошло около четверти века, и сегодня город Припятъ окончательно брошен людьми. Дома и сооружения уже вступили в стадию необратимой деградации, город потерян безвозвратно. Кирпичные здания рушатся, а в бетонных многоэтажках дожди протекают через все перекрытия от крыши до первого этажа. Это означает, что уже скоро прогнившие конструкции не смогут удерживать колоссальные нагрузки многоэтажных строений.

Но не стоит думать, что этот город уже бесполезен для человечества. Припятъ вполне могла бы послужить всем нам, а не только добытчикам металлолома. Сегодня к городу-призраку обратили взор те, кто всерьез относится к угрозе применения террористами «грязной бомбы» – емкости с радиоактивным веществом, распыляемым при взрыве на большую площадь. Последние события в мире дают все больше почвы для подобного рода опасений, а последствия такого теракта в условиях мегаполиса могут стать настоящей катастрофой.

В чем же польза от Припяти? Оказывается, она могла бы стать натуральной моделью, в которой можно было бы отрабатывать сценарии применения «грязной бомбы». Нет, речь не идет об испытаниях реального оружия непосредственно в Припяти. Известно, что каждый населенный пункт имеет свой микроклимат, дома изменяют движения воздуха, их шероховатая поверхность достаточно хорошо задерживает радиоактивную пыль и т.д. В 1986 году, когда смертоносный выброс накрыл Припятъ, подобно начинке «грязного оружия», городской ландшафт повлиял на перераспределение вредных веществ внутри города. Так появились места высоких и низких скоплений радиации. Эти закономерности и изучают сейчас ученые, пытаются создать универсальные математические модели, которые будут способны спрогнозировать радиационную ситуацию в любом городе в случае применения «грязного оружия» террористами. Кроме того, ученые в Припяти изучали, как проникают радионуклиды в

бетон, в кирпич, кафель и другие строительные материалы, как невидимый враг действует на конструкции высотных домов. С помощью полученных данных уже можно прогнозировать вероятность и время очистки городских зданий от такого загрязнения.

А вот в 1986 году, к сожалению, таких знаний у нас не было, поэтому военные-дезактиваторщики тратили время, здоровье и жизни на очистку Припяти и десятков других населенных пунктов зоны отчуждения, но их работа была напрасна. Время показало, что наилучшей дезактивацией является естественный распад радионуклидов.

Сегодня город полностью покрыт зеленым ковром растительности, территории жилых кварталов, оставшись без присмотра человека, начали быстро зарастать кустарниками и деревьями. Жилые дома как будто «зачехляются» ажурным пледом из дикого винограда и плюща. Стадионы, детские площадки и тротуары уже исчезли под растительными коврами. Постепенно заполняются молодыми деревцами и дороги внутри города. Некоторые улицы уже напоминают тоннели – зеленые гиганты, выросшие на обочинах, сомкнули над магистралями свои кроны. Пройдет время, и опавшие листья образуют достаточное количество питательного субстрата на бетонных и асфальтовых поверхностях, а это значит, что молодой лес в конце концов поглотит рукотворные атрибуты городской инфраструктуры. Территория города станет цельным зеленым островом, из которого, как неприступные скалы, еще долго будут выглядывать светлые очертания многоэтажных домов города-призрака.

Вид города Припять

Отстойник техники Рассоха

Общеизвестно, что в ликвидации аварии принимало участие большое количество техники. К работам в чернобыльской зоне привлекались всевозможные машины, начиная от обычных автобусов до специальных роботизированных систем. Ведь это была своеобразная война, и на борьбу с основным врагом – радиацией – военные бросили передовую инженерную спецтехнику. Некоторые машины применялись непосредственно у стен разрушенного реактора. Очищать технику от радиоактивной пыли и грязи нужно было через определенное время, и эти правила выполнялись, но в конце концов в металле накапливалось столько радиоактивных веществ, что дальнейшее даже временное пребывание человека в кабине такого тягача или

крана становилось невозможным.

Поэтому последним пристанищем «светящейся» техники становился могильник. Часть машин была зарыта в землю, но на ликвидации аварии применялось тысячи единиц, все закапывать в землю было дорого. Поэтому приняли решение сделать площадки для отстоя радиоактивной техники, могильниками их стали называть позже. Наибольший и самый известный из них расположен возле выселенного села Рассоха. Он уникален как по количеству оставленной на вечную стоянку техники, так и по разнообразию ее видов. Площадка возникла в Рассохе не случайно, поскольку именно здесь работало ПуСО¹, где машины очищали от радиации. По некоторым оценкам, общая стоимость машин в этом могильнике в ценах 1986 года, когда 1 доллар стоил 72,5 копейки, составляет порядка 46 млн долларов США. Во сколько миллионов оценивалась бы стоимость этой техники сегодня, можно сосчитать.

Здесь нашли свой последний приют легендарные вертолеты, с которых разрушенный реактор засыпали песком, свинцом и доломитом, здесь навечно замерли пожарные машины, автобусы и другая техника. Особо стоит отметить военную технику, которая наиболее интенсивно использовалась в первый послеаварийный год. В Рассохе были размещены инженерные машины разграждения, бронированные ремонтно-эвакуационные машины, плавающие гусеничные транспортеры, колесные бронетранспортеры, машины химической разведки и много других видов специальной техники.

Вид гусеничного транспортера

¹ ПуСО – Пункт санитарной обработки радиоактивной техники. Представляет забетонированную площадку с эстакадами для автотранспорта. Технику обрабатывали специальными дезактивационными растворами.

Военная спецтехника ИМР2

Несколько слов заслуживают легендарные машины разграждения (ИМР-2), собранные на базе танка Т-72А. Они использовались для радиационной разведки вокруг стен разрушенного реактора, на них выполняли очистку территории от обломков, разбросанных взрывом. Эти машины помогали в возведении первых, или, как их называли, пионерных, стен будущего Саркофага, которые дали людям возможность подойти близко к развалу реактора и начать строительство дальнейших элементов Саркофага. В СССР это была практически единственная машина, которая приспособлена для работы в зоне высокого радионуклидного загрязнения. Кроме того, она могла длительное время работать и в условиях применения химического и биологического оружия. Герметичность машины даже позволяла проводить некоторые виды инженерных работ под водой (на глубине не более 5 метров). Принятая на вооружение Советской армии в 1980 году, эта машина была уникальным средством для прокладки дорог в местах применения ядерного оружия.

Радиационная ситуация возле ЧАЭС в 1986 году была приближена к реалиям ядерной войны, однако для работы в эпицентре катастрофы даже ИМР-2 пришлось модернизировать. Уровни излучения от развала реактора были колоссальными, достигали 1000 Рентген в час. Для работы в таких условиях ИМР-2 оснастили дополнительной защитой. Несколько машин облачили в свинцовую кольчугу, которая позволяла в тысячу раз снизить уровни облучения сидящего внутри человека. Без этой машины вряд ли бы удалось собрать в контейнеры фрагменты реактора, разбросанные взрывом возле развала 4-го блока. Позже эти контейнеры захоронили в основаниях стен энергоблока, залили бетоном, а сверху закрыли Саркофагом. Использовали ИМР-2 и при ликвидации Рыжего леса. Можно себе представить, насколько загрязнены были те машины. Часть из них была захоронена в земляных могильниках возле ЧАЭС, а часть отправлена в Рассоху, где и стоит по сей день.

Площадь могильника в Рассохе составляет около 20 гектар, кроме автомобильной техники, сюда «сослали» 10 вертолетов «Ми-8» и «Ми-26». За несколько недель работы с вертолетов в развал реактора было сброшено около пяти тысяч тонн разных материалов. Однако кроме сталкеров, стремящихся увидеть остатки бывшего технического арсенала ликвидаторов аварии, сегодня мало кто испытывает пиетет перед этими проржавевшими артефактами. Большая часть машин была обработана спецпредприятием МЧС Украины и вывезена как металлолом на

переплавку.

Станция Янов

Железнодорожная станция Янов – известная локация в «Сталкере». В реальности этот железнодорожный узел построен рядом с небольшим селом Янов, первые упоминания о котором в истории чернобыльщины датируются XVIII веком. В 1925 году, когда была проложена железнодорожная ветка между городами Чернигов и Овруч, Янов оказался ровно посередине между этими двумя городами.

Важно отметить, что наличие железнодорожного сообщения и станции послужило ключевым моментом в выборе места для строительства Припяти и Чернобыльской АЭС. Ведь доставлять сюда стройматериалы было удобно. От Янова и сегодня идет разветвленная сеть дорог, связывающих ядерные энергоблоки, строящееся сегодня хранилище отработанного ядерного топлива и т.д. Кроме того, в районе станции находились склады предприятий, обслуживающих нужды Припяти.

Янов имеет один главный и три вспомогательных пути. На одном из перронов сохранилась раритетная паровозная колонка. Их использовали для заполнения паровозных котлов водой.

В 1986 году село и железнодорожная станция Янов попали под струю интенсивного радиоактивного загрязнения. Уровни экспозиционной дозы в апреле 1986 года составляли сотни миллирентген в час. Добавим, что село и станция практически граничат с Рыжим лесом, поэтому Янов был выселен в один день с Припятью. 27 апреля 1986 года из населенного пункта были эвакуированы 254 человека. После аварии участок железной дороги от Славутича до станции Янов был электрифицирован, сейчас там ежедневно курсируют электропоезда, перевозящие персонал ЧАЭС из города Славутич до станции Семиходы и обратно.

Янов, поезда и вид на станцию

Современная железнодорожная станция Янов находится в юрисдикции Администрации зоны отчуждения, ее подвижной состав – тепловозы, вагоны и т.д. – также принадлежат зоне. Часть незахороненного поселка и небольшой островок погибшего от радиации леса и сегодня можно увидеть с дороги, ведущей в город Припять. Сама станция Янов и инфраструктура

железнодорожных путей хорошо видна с автомобильного моста возле Припяти. Посещение окрестностей станции привлекательно как для ценителей брошенной железнодорожной техники, так и для тех, кто ищет необычный ракурс для сталкерской фотографии. В периметре железнодорожного узла находится несколько стихийных могильников техники. Там можно созерцать лежащие на боку тепловозы и вагоны с вырезанными автогеном внутренностями. Рядом – скопление разной военной спецтехники, выполнявшей работы по захоронению Рыжего леса и расчистке территории вокруг Чернобыльской АЭС.

Брошенные тепловозы и дизели

Спецтехника, брошенная возле станции Янов

Военные ИМР2 на могильнике возле станции Янов

Город Чернобыль-2

Общепризнанно, что возникновение чернобыльской зоны отчуждения предугадали писатели-фантасты братья Стругацкие в повести «Пикник на обочине», и, как показывает время, творческое вдохновение писателей фатально предрекло появление и конкретных

объектов, которые сегодня находятся в зоне отчуждения.

«...Он миновал небольшую прохладную топь, продрался сквозь кусты и оказался на дороге, на старой потрескавшейся бетонной дороге, уходящей в лес. Он подошел к краю обрыва, ступая по бетонным плитам, и увидел ржавые, обросшие вьюном фермы, остатки какого-то крупного решетчатого сооружения...» А.Стругацкий, Б.Стругацкий. «Обитаемый остров».

Поразительно, но как точно и реалистично авторам удалось описать обстановку и атмосферу одного из самых удивительных мест современной чернобыльской зоны отчуждения, сверхсекретного военного объекта бывшего Советского Союза – города Чернобыль-2.

Он находится на северо-западе от Чернобыля, но его невозможно найти ни на одной топографической карте. Вместо него вы, скорее всего, найдете обозначения пансионата для детей или же просто пунктирные линии лесных дорог, но никак не обозначения городских и инженерных сооружений. В СССР умели хранить тайну, тем более если это была тайна военная.

Современный ландшафт прилегающих к Чернобылю-2 территорий поразительно близок к описаниям «Обитаемого острова». Те же заброшенные и заросшие молодой растительностью коммуникации и дороги. Участки старого соснового леса, захламленные опавшими ветками и рухнувшими мертвыми деревьями. Среди них встречаются останки брошенной техники, непонятные скопления бетонных плит, покореженного металла. Несколько аномально выглядят разбросанные по лесу запчасти от двигателей к моторным лодкам – ведь до ближайшего водоема больше десяти километров... Как они могли попасть в непроходимый лес, одному Богу известно.

Вид военного капонира, где «прятались» ракеты

Невдалеке от секретного объекта размещается заброшенная система противовоздушной обороны – место, где до аварии базировался знаменитый зенитно-ракетный комплекс – С-75. Именно эти средства ПВО стали участниками самых драматических событий в период разгара «холодной войны» – уничтожение американских самолетов-разведчиков «Локхид У-2» в небе Кубы (1960 г.) и СССР (Свердловск, 1962 г.).

Дислоцированный в чернобыльских лесах зенитно-ракетный комплекс был вывезен военными в 1986 году, но его инфраструктура осталась. О былом назначении объекта

напоминают агитационные рисунки ракет и учебные плакаты в военных казармах. На территории зенитно-ракетного комплекса также можно увидеть брошенный ракетный тягач и транспортно-заряжающую машину, вокруг которой в беспорядке валяются шланги для заправки ракет топливом.

Брошенная транспортно-заряжающая машина возле площадок пуска ракет

К территории ведет малозаметная дорога, которую легко спутать с лесной просекой. Она заросла подлеском и местами захламлена поваленными ветром и временем соснами. Тем неожиданнее смотрятся в конце пути покосившиеся ворота со звездами, за которыми обнаруживаются казарма, гаражи, плац и другие сооружения... Немного глубже расположена сама площадка хранения ракет и специальные забетонированные площадки для пуска. Интригующе выглядит ракетный капонир – большое арочное сооружение, издали напоминающее холм с массивными стальными воротами. Сооружение собрано из громадных бетонных полуколец, «сшитых» изнутри мощными болтами, а снаружи покрыто землей и дерном. На одинаковом удалении от капонира находятся шесть площадок для пуска ракет. Территория каждой из них представляет собой трехметровый земляной вал, который в виде полукольца окружает небольшую бетонную площадку. В случае тревоги ракетные установки из капонира извлекались, монтировались на этих площадках, и запускались ракеты, которые позволяли сбить цель, летящую со скоростью 3000 км в час на высоте 30 км. Подобный ракетный комплекс позволял создать защитный купол в радиусе 50 км, а великолепные боевые свойства системы были эффективно использованы в реальных боевых действиях: «С-75» успешно применялся во Вьетнаме, где с его помощью было сбито около 2000 воздушных целей, в том числе и 60 известных американских бомбардировщиков «Б-52». Такая эффективность ракетного комплекса породила большой к нему интерес со стороны разных стран. Советский Союз поставлял эти системы противовоздушной обороны в Анголу, Алжир, Болгарию, Индию, Иран, Китай, Кубу, Ливию, Мозамбик, Монголию, Афганистан, Польшу, Пакистан, Румынию, Ирак, Сирию, Судан, Чехию, Эфиопию, Югославию и другие страны.

Схемы установки ракет в боевое положение – плакаты в брошенных учебных классах полигона

Вот такой легендарный ракетный комплекс защищал воздушное пространство вокруг Чернобыльской АЭС и секретного военного объекта. Какой же объект так тщательно прятался и охранялся в лесах Украинского Полесья?

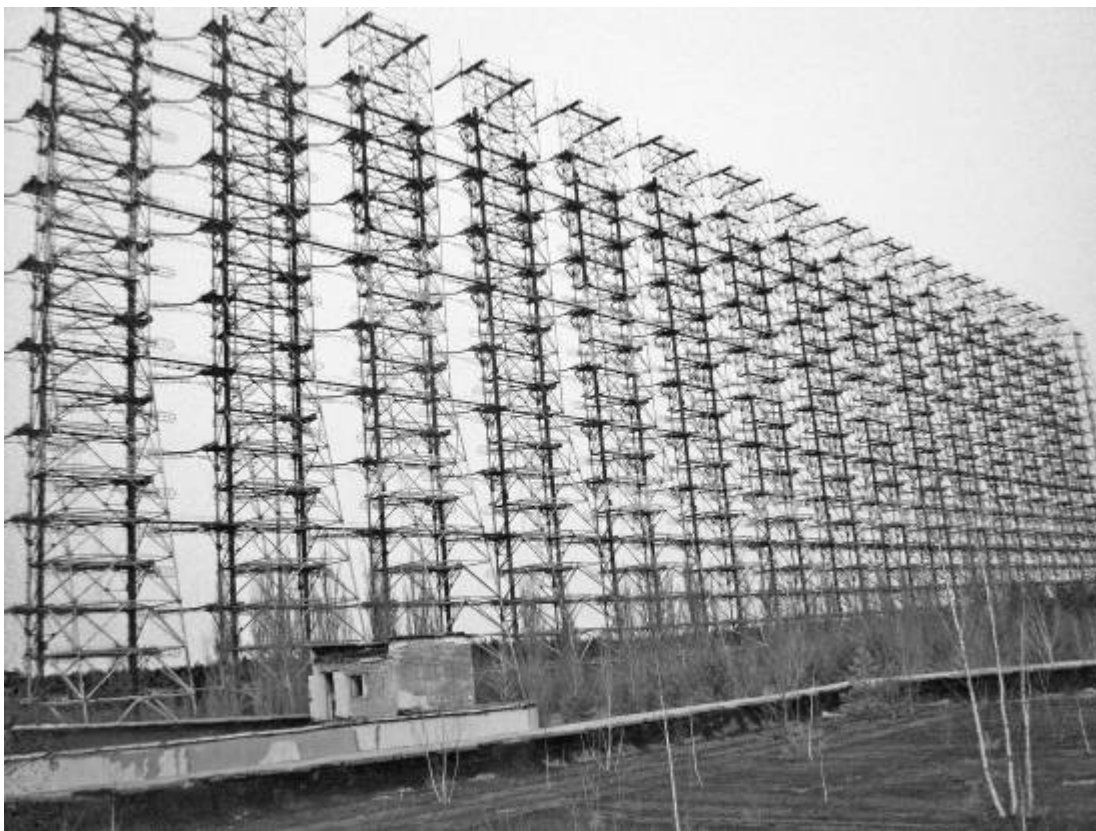
Чернобыль-2 – «тень» древнего, небольшого и спокойного Полесского городка Чернобыль. Как было принято в стране победившего социализма, все секретные объекты, работавшие на обеспечение военных задач, назывались именами обычных городов-соседей. Вероятно, таким нехитрым способом силовики старались запутать вражескую разведку.

Только после аварии на Чернобыльской АЭС и развала Советского Союза стало известно о существовании в полесских лесах небольшого городка (военного гарнизона), который занимался... «космическим шпионажем». Около четверти века назад это была подлинная жемчужина космической разведки и мечта военных. Уникальные радиолокационные системы позволяли осуществлять слежку за пуском баллистических ракет с территорий вероятного противника как с военных баз, так и с вражеских подводных лодок, находящихся в Атлантическом океане. Созданный радар был назван загоризонтной радиолокационной станцией (ЗГРЛС), с помощью которого военные смогли в прямом смысле слова заглянуть за горизонт. Благодаря таким способностям этот комплекс получил второе название – «Дуга-1» (Радиоцентр дальней связи Чернобыль-2). В Советском Союзе было создано всего три таких радара – в Николаеве, Комсомольске-на-Амуре и в Чернобыле.

Но здесь прибор был предназначен только для приема сигнала, для передачи существовал другой радар – возле города Любеч Черниговской области, что в 60 км от Чернобыля-2. Радар в Любече был меньше и ниже, его высота составляла 85 м, сегодня он уничтожен.

Уникальные способности радара кроются в исполинских размерах конструкций мачт и принимающих антенн. Трудно говорить о точных геометрических размерах, поскольку данные разных источников противоречивы и, вероятно, не точны. Так, высота мачт большой антенны составляет 146 м, а длина – около полукилометра. Вторая – несколько скромнее. Порядка 250 м в длину 90 м в высоту. Поразительно, но радар имеет длину, равную семи футбольным полям! При таких поражающих воображение размерах объект виден почти с любого места 10-км зоны отчуждения. По данным некоторых источников, стоимость капиталовложений в него составляла

семь миллиардов советских рублей (хотя есть информация, что 600–700 млн рублей). Для сравнения – это вдвое дороже, чем строительство Чернобыльской АЭС. Очевидно, что строительство такой машины возле атомной электростанции объясняется его огромной энергоемкостью. По имеющейся информации радар потреблял около 10 мегаватт.

Гигантские антенны радара

Требовало это чудо техники и не меньшего человеческого ресурса для обслуживания. Поэтому на объекте боевое дежурство несли около 1000 военных. Для них и их семей был создан небольшой городок, с одной улицей имени Королева. В гарнизоне была расквартирована воинская часть дальней космической связи № 74939, командовал которой полковник Владимир Мусиенц.

Кроме жилых домов, военный городок включал в себя школу, детский сад, клуб, стадион и магазин военторга. В Чернобыле-2 была даже гостиница.

Строительство же секретного радара и города Чернобыль-2 было начато в 1976 году на основании постановлений Правительства от 18 января 1972 г. и 14 апреля 1975 года. Генеральным проектировщиком был Научно-исследовательский институт дальней радиосвязи (НИИДАР). Главным конструктором и вдохновителем – Франц Кузьминский.

Первые испытания радара Государственной комиссией были выполнены в 1979 году. Как отмечают сами специалисты, «...в процессе подготовки... испытаний пришлось решать ряд практических проблем, вызванных тем обстоятельством, что вводилось абсолютно новое, уникальное, не имеющее аналогов в мировой практике средство...».

Из отчета о работах НИИДАР по испытаниям эффективности работы военного радара – «... в ходе испытаний осуществлено обнаружение стартов баллистических ракет и ракет-носителей с Восточного ракетного полигона США, проведена проверка адекватности моделей по результатам обнаружения попутных пусков баллистических ракет и ракет-носителей США, которая подтвердила правильность выбранных модельных представлений».

Вместе с тем были обнаружены и недостатки системы, которые заключались в том, что радар плохо улавливал одиночные цели. Качественно радар работал только при условии массированных ударов баллистических ракет вероятного противника. Несмотря на это, в 1982 году прибор в Чернобыле-2 был принят в опытную эксплуатацию согласно постановлению

Правительства от 31 мая 1982 года. Разработчики комплекса – Васенев В.Н., Данилов Б.М., Дубровский Н.Ф., Крокунов Ю.М. и другие – получили государственные награды. На схеме можно увидеть пространства, которые позволяли контролировать эти радары.

С началом эксплуатации комплексов возникли дополнительные проблемы. Оказывается, часть рабочего диапазона радара совпала с частотами гражданской авиации и рыболовного флота европейских стран. СССР получил официальное обращение от западных стран о том, что помехи существенно влияют на безопасность их авиации и морского судоходства. Хотя разработчики установки отвергали обвинения и говорили, что возмущение правительств европейских стран заключается в том, что СССР накрыл «колпаком» все воздушное пространство над Европой и страны НАТО не могли ничего этому предоставить, Союз, однако, пошел на уступки и прекратил использовать рабочие частоты. Для этого перед конструкторами была поставлена задача устранить недостатки, они с ней с успехом справились, и в 1986 году модернизированная система начала проходить Государственную приемку.

Но авария на ЧАЭС изменила судьбу не только 116 тысяч людей, эвакуированных из зоны радиоактивного заражения, но и определила грустную участь сверхсекретного объекта. В одиннадцать часов дня, 26 апреля, все системы радара были выключены, поскольку работающие вентиляционные системы стали закачивать радиоактивную пыль, которая могла загрязнить военные компьютеры и помещения obsługi. Чернобыль-2 перестал нести боевое дежурство, а военные и гражданское население было эвакуировано из зоны радиоактивного заражения. Несколько месяцев военные пытались очистить конструкции и рабочие элементы радара, сняли и вывезли верхний слой почвы. Но территорию Чернобыля-2 вернуть к жизни не удалось. Когда руководством и военными ведомствами СССР были осознаны масштабы экологической катастрофы (в 1987 году), было принято решение о вывозе ценного оборудования и систем в город Комсомольск.

Так уникальный объект, обеспечивавший противоракетный щит Советского государства, перестал функционировать, а вместе с ним и таинственный город.

Полное закрытие Чернобыля-2 было проведено не сразу – до 1987 года он был законсервирован. Со временем стало понятно, что эксплуатировать такую сложную систему в условиях сильного радионуклидного загрязнения территории невозможно. Огромные антенны требовали постоянного обслуживания, что с учетом экологической обстановки было невозможно.

Сегодня Чернобыль-2 – это настоящий город-призрак. Брошенный военными и почти забытый людьми, он стоит опустошенным среди радиоактивного, неухоженного и захламленного леса. Однако попасть сюда и подойти к громадным антеннам уникального радара достаточно трудно. Объект режимный и находится под постоянной охраной одного из предприятий, которое работает в Чернобыльской зоне.

Можно много говорить о царящей на Чернобыле-2 разрухе, а также о депрессивных эмоциях, которые испытываешь от созерцания этих мест. Можно рассуждать о поглощении природой этого техногенного монстра: бетонные дороги и тротуары скрываются под наносными почвами, на крышах домов вырастают деревья и т.д. Но такие же процессы происходят по всей территории Чернобыльской зоны отчуждения. Брошенные человеком населенные пункты, строения, дороги и коммуникации разрушаются под действием природных сил. Природа, как известно, не терпит пустоты, стремится к равновесию и постепенно избавляется от «следов» пребывания человека.

Чернобыль-2 потрясает другим! Это уникальный памятник интеллектуальной мощи военных инженеров Советского Союза, он красноречиво и убедительно демонстрирует уровень существовавшего в то время научного, финансового и сырьевого потенциала военно-промышленной индустрии. Осматривая мачты и элементы радара, невольно задумываешься о количестве исследований, научных знаний и технических решений, которые аккумулировали в себе эти сооружения. Понимаешь, какие колоссальные ресурсы потрачены на создание станции, ведь даже сегодня металлические конструкции выглядят достаточно надежными, и, главное, они выполняют свое функциональное назначение – удерживают на себе колоссальные нагрузки от смонтированных на них элементов радара (вибраторов). Тросы,

несущие мачты, как и сами вибраторы, практически не тронуты ржавчиной.

Вибраторы, установленные на мачтах радара

Замысловато выглядит лифт, с помощью которого обслуживающий персонал поднимался на верхние элементы радара. Сейчас он стоит на земле и его раскрытые двери как бы приглашают подняться верх, к облакам... Однако лифт поднимал обслугу радара не на самый верх антенны, а лишь на высоту ста метров, а дальше персонал должен был подниматься по лестнице, устроенной внутри опоры. Вероятно, при подъеме на самую верхнюю отметку мачты человек испытывал непередаваемые чувства. Любопытно, что ощущаешь на самом верху устройства, способного заглянуть не только за горизонт, но и за Северный полюс нашей планеты?

С земли же, запрокинув голову, смотришь на уходящие в небо мачты и на проплывающие над ними облака. Кажется, что время остановилось, и колоссальные великаны из металла могут простоять еще не один десяток лет.

Но во времена своей активной деятельности уникальный объект, как несложно догадаться, требовал и серьезных мер по его охране. Как это делалось, видно и сейчас. С внешней стороны установлен сплошной забор, поверх которого натянута «колючка», установлены осветительные плафоны. В свое время проволока была под электрическим напряжением, сейчас на этом заборе висят лаконичные надписи, вероятно, еще с 1986 года – «Стоять! Заражено!», хотя знаков радиационной опасности не видно.

С внутренней стороны, за забором, установлены заграждения из колючей проволоки, рядом с ними дорожки для патруля. По углам периметра возвышаются наблюдательные вышки – небольшие, приземистые сооружения из металла и дерева, на фоне буйства окружающей природы они выглядят уныло. Недалеко от вышек устроены «грибочки» (пикеты) для часовых, некоторые из которых оборудованы специальными переговорными устройствами. Сами устройства выглядят очень раритетными и, что удивительно, не тронуты мародерами – все провода и даже трубки на месте...

Внешний вид загадочного «Круга»

Мало кому известно, но кроме гигантских мачт радаров эта установка была оборудована и уникальной, новаторской системой слежения за вражеской активностью в радиозэфире. Этот объект хорошо просматривается на аэрофотоснимках, которые легко сегодня можно найти в Интернете. В «Гугле» или «Википедии» он указан как «Satellite communicative center». По данным других источников – это станция Возвратно-наклонного зондирования ионосферы, главная задача которой – испытание новых возможностей слежения за вражескими военными базами.

Каким бы ни было предназначение этого элемента, для обывателя он выглядит необычно. Это площадка в виде круга, диаметром метров триста, которая находится на расстоянии нескольких километров от антенн Чернобыля-2. По периметру установлены замысловатые элементы (вибраторы), покрытые хромом или другим коррозионно-стойким металлом. Поблескивая на солнце, частично скрытые в зарослях растительности, эти элементы выглядят загадочно. Посреди «Круга» – приземистое, одноэтажное здание, которое, судя по остаткам металлических конструкций внутри, когда-то было «до потолка набито» электроникой и другим оборудованием. Сегодня оно опустошено и заброшено.

Несмотря на кажущуюся позабытость Чернобыля-2, к конструкциям радара существует постоянный интерес, причем чисто коммерческий. В начале 2000-х обсуждались возможности использования радара в... энергетических целях. Специалисты предлагали установить на его мачтах ветрогенераторы, а получаемое электричество использовать на предприятиях зоны отчуждения и на ЧАЭС.

В последнее же время гигантские антенны радара стали предметом дискуссии чернобыльских чиновников как о возможном источнике для решения финансовых проблем зоны отчуждения. Некоторые настаивают на демонтаже антенн и сдаче металла в утиль. Ведь это прекрасное сырье для металлургической промышленности. Тем более что, по оценке специалистов, общий запас металла в них составляет около 20 тысяч тонн. Это качественная сталь, радиационное загрязнение которой очень низкое.

К двадцатилетию аварии на ЧАЭС изобретательный ум чернобыльских чиновников даже создал проблему, ради решения которой просто необходимо было демонтировать радар. Чиновники предложили распилить и продать радары на металлолом, а вырученные от продажи

средства пустить на организацию торжественных мероприятий, посвященных юбилею трагедии на Чернобыльской АЭС...

В это трудно поверить, но основной проблемой демонтажа радара является не согласование с МЧС, а техническая сложность выполнения работ. Чтобы распилить 146-метровую металлическую опору, нужно привлекать верхолазов. Работы на такой высоте сколь опасны, столь и дорогостоящи. Рассматривались и альтернативные варианты разрушения опор направленным взрывом. В таком случае куски радара обрушатся на землю, их можно будет просто порезать обычным автогеном и быстро вывезти с территории зоны отчуждения. Но тут возникает другая, более существенная опасность. Эксперты опасаются, что колебания почвы, которые возникнут при обрушении тысячетонных конструкций Чернобыля-2, могут повредить саркофаг над четвертым реактором. Ведь часть его элементов опирается на старые конструкции 4-го блока, состояние которых предугадать невозможно. Чтобы избежать «землетрясения», предлагали создать амортизирующую подушку из песка, но все это существенно увеличивает себестоимость демонтированного металла. Поэтому уникальный объект военного назначения все еще существует в зоне отчуждения. Но это, вероятно, продлится совсем недолго...

Посещая Чернобыль-2 и наблюдая грандиозные сооружения, созданные военными инженерами, испытываешь гамму самых противоречивых чувств. Безусловно, восторг, но вместе с ним чувство досады и горечи. Почему его скрывают от общественности? Ведь Чернобыль-2 уникален в первую очередь тем, что он единственный дожил до нашего времени. Других – в Николаеве и Комсомольске-на-Амуре уже не существует! Чернобыль-2 – это последний уцелевший военный монстр СССР, заглянувший за горизонт. Сверхгосударство распалось, оставив нам на память остов венца своей мощи. Так почему же вместо памяти и простого человеческого уважения уникальный объект и люди, которые его создавали, преданы забвению?

Мифы зоны

Чернобыльская зона отчуждения в понимании большинства молодых людей место загадочное, малопонятное и странное. Не удивительно, что ее история обросла разными мифами и домыслами, как затонувший корабль ракушками. В среде туристов, посещающих зону отчуждения с официальными экскурсиями, а также среди сталкеров-игроманов отдельные явления зоны приобретают некий тайный смысл, появляются все новые суеверия и заблуждения. Представим читателю наиболее одиозные мифы.

Многие чернобыльские сталкеры и официальные туристы уверяют, что заряд батареек и аккумуляторов в фото- и видеотехнике здесь расходуется невероятно быстро. Часть приверженцев этого мифа убеждены, что с повышением радиационного фона емкость батареек падает. Некоторые придают данному явлению мистический смысл, мол, в зоне время идет по-другому, и это способствует разрядке аккумуляторов. Рациональное же толкование этого мифа, по авторским наблюдениям, таково: с момента пересечения КПП туристы начинают снимать все в режиме «non-stop». Ведь кругом загадочная и легендарная зона. И так часа полтора до самого города Припять. Естественно, от такого фотомарафона аккумуляторы и батарейки садятся. Просто люди не отдают себе в этом отчета.

С радиацией связано, конечно же, подавляющее большинство мифов. Говорят, что радиоактивные пятна перемещаются или даже исчезают на время, а потом снова появляются. Объяснение этому может крыться в неправильном проведении измерений, кроме того, бытовые дозиметры имеют погрешность, о чем их владельцы попросту забывают.

Один из специфических сталкерских мифов заключается в воздействии радиации на мобильные телефоны. Некоторые посетители зоны убеждены, что сотовые, если они включены, пока человек находится в зоне, способны накапливать радиоактивные вещества.

Любопытны мифы, связанные с наличием «горячих частиц» в ближней зоне Чернобыльской АЭС. Стоит на шее, запястьях или кистях рук, проще говоря, на любых открытых участках кожи появиться покраснению, как начинаются разговоры о «нападении «горячих частиц» на туристов. На сленге это – «поймать частицу».

Также мифологизируются радиоактивные свойства мха – считается, что он накапливает радионуклиды в гигантских количествах. Что в один момент времени мох имеет сумасшедшую радиоактивность, а потом может стать чистым, или наоборот. Особенно дурной приметой считается смотреть на мох в Припяти – якобы бета-излучение может сжечь сетчатку глаз. Некоторые даже пользуются очками из прозрачного пластика.

Еще считается, что если, заблудившись, мужчина выйдет в Рыжий лес – то он может стерилизоваться и даже стать импотентом.

Перечисленные выше «мифы» – это всего лишь заблуждения, связанные с неправильным пониманием действия радиации. В обиходе «идейных» сталкеров существуют и странные суеверия. Например, считается дурной приметой забыть во время пребывания в зоне отчуждения какую-то свою вещь. Мол, это дурной знак, предвещающий скорую беду.

Очевидно, что чем дольше будет существовать чернобыльское сталкерство, тем больше легенд и небылиц о зоне отчуждения оно будет порождать. А это, в свою очередь, будет делать зону все более и более привлекательной для новых туристов.

Что берут с собой в зону

Снаряжение и «расходники» сталкеров

Чернобыльская зона отчуждения и непосредственно сам город Припять являются общепризнанной Меккой для индустриального туриста. Вместе с тем далеко не все решаются на пешее путешествие до этого легендарного места. Поэтому чаще всего туристы останавливаются лишь на визите в поселок зоны обязательного отселения Полесское. Тем не менее наши исследования позволяют представить всю географию мест «обитания» сталкеров, приезжающих в зону на несколько дней.

Ведь это не только граждане Украины, но и россияне, белорусы. Среди россиян москвичи самые многочисленные, хотя много сталкеров приезжает из Ижевска и других городов. Белорусы представляют такие города, как Минск, Гомель и Могилев. Украинские поклонники чернобыльского экстрима проживают в Киеве, а также в Харькове, Белой Церкви, Днепропетровске и Житомире.

Понятно, что проникновение в зеленые глубины зоны отчуждения требует навыков одиночного или группового похода на своих двоих. То есть пешком. Это очень сложно и требует хорошей физической подготовки и практических навыков экстремального выживания. Прожить даже несколько дней в абсолютно автономном режиме не так просто, как кажется. Возьмем хотя бы острый дефицит питьевой воды. Родники здесь найти очень трудно, колодцы в брошенных населенных пунктах уже заилены, и вода в них затхлая и не пригодна для употребления. Пить воду из открытых водоемов опасно не только по причинам загрязнения оных радионуклидами, но и из-за наличия в воде большого количества бактерий и других малополезных примесей, способных привести к серьезным расстройствам желудка. Поэтому значительную часть питьевой воды необходимо нести с собой, а это не менее 2 литров на один день пути.

«Зона глазами сталкера», Чернобыль

Кроме того, пребывание в зоне отчуждения в статусе нарушителя должно создавать и создает определенный моральный дискомфорт. Добровольно находиться в таких «неудобных» условиях может отнюдь не каждый. Только поначалу кажется, что «сталкерский трип» – это увлекательная прогулка, на самом же деле это тяжелая физическая работа, требующая постоянного умственного напряжения. Вот как описал свое психологическое состояние в зоне отчуждения один из сталкеров: «В безлунную облачную ночь группу обступает такая темнота, что не видно даже собственные руки. Это оказывает большое давление на психику, можете поверить на слово. Добавьте к этому звуки в лесу, когда стадо кабанов продирается сквозь заросли рядом с вами. Фоном выступает далекий волчий вой. Бывают ночи, когда вокруг, наоборот, царит гробовая тишина... Это не описать словами. Для неподготовленного человека все это превращается в серьезный стресс. И страшно закрыть глаза хоть на секунду, а надо восстанавливать силы и отсыпаться, потому что завтра снова серьезный маршрут и серьезная нагрузка».

Дозиметры и радиационная безопасность

Группы, состоящие из разных сталкеров, по-разному экипируются. Игромены чаще используют обычную одежду для походов в лес, а иногда и просто спортивную одежду. Дозиметры, как правило, не используют. Хотя иногда, для куража, берут с собой противогазы, чтобы на фоне разрушенного сарая или знака радиационной опасности сделать эффектную фотографию.

Практически все «идейные» сталкеры хорошо знают условия, в которых им придется передвигаться и жить на протяжении нескольких дней. Они неплохо подготовлены теоретически, физически и обладают практическими навыками по радиационной безопасности.

Они разбираются в типах и свойствах излучения, единицах и нормах радиоактивности, понимают правила поведения в зоне и хорошо осведомлены о радиационной обстановке в разных ее местах. Любопытная деталь – некоторые «идейные» сталкеры пользуются самодельными картами радиационной обстановки, которую составляют по результатам самостоятельных измерений по ходу своего маршрута. Престижно найти и нанести на карту неизвестное ранее радиоактивное пятно.

Все опрошенные «идейные» сталкеры пользуются дозиметрами, а к вопросам радиационной безопасности относятся очень серьезно. Можно даже сказать, с неким пиететом, что выражается в постоянном проведении измерений, проверке и перепроверке данных повторными измерениями. Зачастую они даже не доверяют одному дозиметру – а берут с собой в поход сразу два прибора. На вопрос, зачем такие перестраховки, глубокомысленно отвечают – ради безопасности.

Насколько опасно обнаружение радиоактивного пятна? Постараемся ответить с учетом нормативных требований. Итак, если вы набрали на место, где уровни фона составляют 120 мкР/ч, то превысить годовую дозу облучения вы можете только после шести месяцев непрерывного нахождения в этом месте. Если мощность дозы будет в два раза больше – 250 мкР/ч, то стоять здесь безопасно только три месяца кряду и т.д.

Удивительно было узнать о том, что внутри одной из групп «идейных» сталкеров существовал собственный регламент радиационной безопасности. В обязанности одного из них, специально обученного участника команды, входят постоянные измерения и контроль радиационной обстановки по ходу передвижения группы. Заранее перед походом в зону разрабатываются таблицы, где сказано, какую дозу, за какое время и при каком фоне можно получить. Если в пути встречается участок с повышенным радиационным фоном, дозиметрист сообщает об этом и дает прогноз о времени безопасного пребывания в данном месте.

Арсенал дозиметрического оборудования сталкеров – это традиционные бытовые приборы «Припять», «Белла», но наибольшую популярность имеет современная, относительно недорогая модель «Терра-П». По сравнению с дозиметрами «Припять» и «Белла», выпущенными еще советской промышленностью в ответ на острый спрос со стороны населения после аварии на ЧАЭС, дозиметр «Терра-П» имеет большую надежность и меньшую погрешность измерений. Плюс небольшой вес и скромные габариты, да хорошая эргономичность прибора. Дозиметр хорошо работает как в условиях отрицательных температур (до минус десяти градусов), так и в условиях сорокаградусной жары. Надежность дозиметров «Терра» подтверждена военными – более сложная модель этого дозиметра стоит на вооружении силовых структур Украины и поставляется во многие страны мира. Несмотря на то что «Терра-П» считается бытовым дозиметром и им запрещено проводить официальные освидетельствования радиационной обстановки, прибор приобрел большую популярность. В нем существует очень полезная для сталкеров опция, позволяющая постоянно контролировать радиационную обстановку при передвижениях по зоне отчуждения, – функция «Порог». Стоит задать дозиметру предельное значение, например 30 мкР/ч, и при его превышении прибор будет подавать сигнал, что очень удобно в походе, ведь отпадает необходимость постоянно контролировать показания. Можно сосредоточиться на созерцании окружающего мира. Кроме того, на одной зарядке «Терра-П» будет работать в непрерывном режиме 6000 часов, чего вполне достаточно для скромных сталкерских потребностей.

Постоянный контроль радиационной обстановки и наличие дозиметриста в группе

позволяют поддерживать бодрость духа туристов. Замечено, что все, кто попадает в зону, чувствуют себя значительно комфортнее, если видят допустимый уровень радиации на табло беспристрастного прибора, а не слышат лишь словесные уверения проводника на этот счет.

Изучив маршруты сталкеров, можно определить примерные уровни облучения, которые они получают, находясь в зоне. Так, за 4–5 дней пути сталкер получает в среднем порядка 0,04 мЗв, а за 10 дней похода накопленная доза может достигать 0,2 мЗв. Много это или мало? В первом случае полученная доза сопоставима с той, которую человек получает за 6–10 часов полета в обычном гражданском самолете, вторая цифра соответствует минимальной дозе облучения космонавтов, находящихся на орбите в течение суток.

Тем не менее «идейные» сталкеры неравнодушны и к средствам защиты органов дыхания. Чаще всего они используют респираторы «Лепесток» и «Росток», которые не занимают много места в рюкзаке, весят меньше ста граммов, но при этом являются эффективным средством защиты от возможного попадания в легкие радиоактивной пыли. Вспоминая о мифах, напомним, что больше всего сталкеры боятся вдохнуть «горячую частицу». В среде «идейных» их убойная сила обросла целым ворохом заблуждений. Впрочем, положительная роль таких страхов проявляется в том, что сталкеры не ведут себя бесшабашно, игнорируя радиацию, как это делает коренное население, а используют средства защиты, сохраняя таким образом свое здоровье. В связи с этим хочется напомнить, что респиратор работает эффективно достаточно короткий промежуток времени, это время напрямую зависит от влажности воздуха и интенсивности дыхания человека. Так, «Лепесток» защищает на протяжении 4–15 часов использования, более длительное ношение респиратора существенно снижает эффективность. Кстати, именно «Лепесток» является легендарным средством защиты ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС. На подавляющем количестве фото на фоне разрушенного реактора в 1986 году видно, что лица всех людей скрывает этот респиратор. Сами ликвидаторы называли его намордником, а количество выпущенных советской промышленностью респираторов этой марки хватило бы, чтобы ими воспользовались две трети человечества. Эксперты утверждают, что было выпущено около 4 млрд «Лепестков». Есть у изделия и ряд недостатков, связанных с его использованием: правильно завязать тесемочки, затянуть обтягивающую лицо резинку и закрепить на носу обтюратор (специальную алюминиевую пластинку внутри респиратора) получалось далеко не у всех. Но эффективность защиты оказалась важнее неудобств в ношении. А этот респиратор благодаря уникальной фильтрующей ткани справлялся с зараженной пылью просто отлично, за свое изобретение автор фильтра даже получил высокую государственную награду.

Использование респиратора в чернобыльской зоне

Сегодня в зоне отчуждения стали чаще использовать респиратор «Росток» — его эффективность очистки воздуха составляет 99,9%, а сам респиратор не требует определенных навыков подгонки к форме лица. К тому же ряд моделей «Росток» оборудован специальным клапаном, облегчающим выдыхание воздуха, что существенно облегчает его использование, особенно при больших физических нагрузках.

Чернобыльские сталкеры, как правило, берут с собой несколько респираторов и охотно надевают их в грязных местах. Так что если в зоне отчуждения вдали от Чернобыля и ЧАЭС вам повстречается человек в респираторе, будьте уверены, что перед вами сталкер. Работники зоны на такие мелочи в работе уже лет десять не обращают внимания. По словам очевидцев, широко использовать респираторы в зоне отчуждения перестали уже в 1988 году. Работников в этих средствах защиты сегодня можно увидеть или внутри промплощадки Чернобыльской АЭС, или в научных лабораториях города Чернобыля, где они контактируют с радиоактивными образцами почвы или растений.

Вода, питание и быт сталкеров

Очень пригодятся в сталкерском походе разного рода горелки для приготовления пищи и, главное, для кипячения воды. Эти устройства активно используют именно «идейные» сталкеры, которые чтят противопожарные традиции зоны отчуждения. Дефицит питьевой воды, отсутствие колодцев и родников вынуждают людей использовать кипяченую речную воду. Содержание радионуклидов в воде Припяти и в ее притоках (реках Уж и Илье) значительно ниже допустимых уровней. Существуют и другие способы стерилизации воды во время походов, такие как добавление нескольких капель йода в бутылку с водой или пары кристаллов марганцовки. Но к такой химической очистке воды сталкеры прибегают редко.

Когда в походе человек остается один на один с природой, очистка воды становится одной из главных проблем. Можно использовать природные компоненты, способные дезинфицировать речную воду, к примеру, хорошо обеззараживает хвоя и ветки сосны и ели. Получасового кипячения трехсот граммов веток достаточно для обеззараживания ведра воды. С этой же целью можно использовать кору ивы, дуба, вербы или лекарственное растение – тысячелистник. Если нет возможности вскипятить воду, можно ее отстаивать. Для этого нужно замочить кору вышеназванных деревьев на шесть часов. Такая процедура, конечно, не заменит кипячение, но позволяет существенно уменьшить в воде количество болезнетворных микроорганизмов.

В последнее время у сталкеров отпадает необходимость разводить в зоне отчуждения костер или заниматься химической очисткой воды. Многие просто используют готовые фильтры. Например, «Аквафор Универсал», который весит всего четыреста граммов и способен за две минуты очистить больше полулитра воды. Следует признать, что он не до конца убивает микрофлору – всего лишь на 98%, но, как утверждают производители, большей чистоты воды в походе не достичь. Ресурса одного такого фильтра хватает для очистки 300 литров речной воды, этого хватит на 30 дней пути группы из 3–4 сталкеров. Но, что особенно важно, такой фильтр способен почти полностью (на 95–98%) очищать воду от примесей тяжелых металлов, в том числе от стронция и цезия, поэтому переоценить его в условиях чернобыльской зоны просто невозможно.

Рацион питания «идейные» сталкеры продумывают заранее, а количество продуктов рассчитывают исходя из продолжительности пребывания в зоне. Костры эти люди из соображений пожарной безопасности почти не разжигают, поэтому процесс приготовления пищи заключается во вскрытии консервных банок, нарезании хлеба, колбасы или сала. Широко используются супы и китайские вермишели быстрого приготовления. Мясные консервы часто разогревают на сухом спирте – это удобно и безопасно: кубик сухого спирта кладется в специально предназначенную емкость, скажем, в пустую консервную банку с проделанными сбоку отверстиями, а сверху ставится банка с консервами для разогрева или кружка с водой. Одного кубика горючего для разогрева вполне достаточно, правда, сухой спирт удобно использовать в коротких походах в зону.

Еще одна любопытная деталь – «идейные» не оставляют за собой мусора. Консервные банки, оберточную бумагу, полиэтилен, бутылки и прочее они забирают с собой и выбрасывают в мусорные баки за пределами зоны отчуждения. Органические отходы закапывают в землю. Практикуют они и устройство тайников, где прячут консервы, сухой спирт, лекарства и т.д., некоторые даже не забирают, а складывают походную одежду в тайниках на границе зоны отчуждения. Рассказывают о тайниках только близким единомышленникам, чтобы те, в случае крайней необходимости, могли обнаружить мини-склад с помощью средств GPS-навигатора (Global Positioning System) – глобальной спутниковой системы определения местонахождения. Сталкеры, кстати, активно используют эти приборы, которые позволяют предельно точно определять местоположения различных объектов.

В большинстве «идейные» сталкеры одиночки, но бывает, что для похода в зону они объединяются в группу. Состав групп не превышает пяти человек. В походе сталкеры дробятся на пары, при этом для общения друг с другом используют рации.

Из других технических устройств, которые берут с собой в зону, можно отметить баллоны со слезоточивыми и раздражающими газами для защиты от неприятных встреч в безлюдных местах. Кроме стычки с браконьерами, мародерами и просто криминальными элементами

«сталкерский трип» может огорчить близкая встреча с дикими животными – волками, лисой, енотовидной собакой, диким кабаном и бездомными собаками. Поэтому экстремалы держат наготове такие средства, как «Удар», «Терен-4», «Кобра-1Н» и т.д.

Полесье – комариный рай, поскольку значительная часть территории заболочена и густо покрыта небольшими речушками и озерцами. Поэтому репелленты – средства защиты от кровососущих насекомых – вещь в зоне просто необходимая. В мае здесь особенно жестоко жалит мошка. Тучи этого мелкого, как маковое зернышко, насекомого способны буквально довести до бешенства незадачливого путешественника. Отбиться же или уйти от этой надоедливой мошкары невозможно. В Полесье считается, что наиболее активными эти насекомые бывают в период, когда цветет сосна. Отметим, что в местах массовых укусов мошки кожа человека припухает и сильно чешется, возможны аллергические реакции.

В отличие от обычных пеших походов путешествие по зоне отчуждения имеет одно неоспоримое преимущество – не нужно брать с собой палатку. Ведь крышу над головой здесь найти очень легко. Можно организовать прекрасную ночевку на чердаке брошенного дома или сарая. В первую очередь это безопасно, поскольку большинство полесских хат имеет однотипную конструкцию лаза на горище (по-украински – пространство под крышей дома). Это обычно люк на потолке в коридоре или на кухне с приставной лестницей. Можно залезть, втянуть за собой лестницу и наслаждаться одиночеством, будучи уверенным, что ни зверь, ни человек вас не потревожит.

Во многих деревенских сараях на крыше осталось много сена, там тоже можно устроить прекрасный ночлег. В одном из сталкерских отчетов встречалась рекомендация о хорошем варианте ночевки на крышах сельских домов. В брошенных селах это наиболее сохранившиеся здания.

Обычные дома туристы также выбирают для ночевки. В селе Старые Шепеличи во время киносъемки диких животных зоны отчуждения мы обнаружили место ночевки неизвестного нам человека. Мы решили, что это был сталкер, поскольку обнаружили на лежаке, устроенном на сеновале, аккуратно сложенную газету «Советский спорт» за 2007 год. Вряд ли мародеры или бездомные читают спортивную прессу.

Еще «идейные» сталкеры в обязательном порядке берут с собой аптечку, куда входит эластичный бинт (есть опасность растяжений и вывихов, можно даже под пол провалится во многих домах), стерильный бинт, перекись водорода, йод и обезболивающие средства.

Рекомендации сталкерам

Мы не одобряем нелегальных проникновений в зону отчуждения, потому что эти действия не только противозаконны, но и реально опасны для жизни и здоровья самих сталкеров. Чтобы потенциальные лазутчики отдавали себе отчет в том, насколько серьезны эти опасности, мы составили их своеобразный рейтинг. Для этого мы использовали более чем 10-летний личный опыт полевых работ в зоне отчуждения и опыт наших коллег, которые занимались и занимаются исследованием зоны. Оказалась полезной и информация о случавшихся здесь происшествиях и несчастных случаях. Класс опасности вероятных проблем возрастает от первого пункта рейтинга к последнему.

1. Дикие животные. На территории зоны есть три вида крупных хищников, которые способны напасть на человека, – рысь, волк и, возможно, медведь. Впрочем, о присутствии в этих лесах медведя нет достоверных сведений, но это скорее недоработка исследователей, потому что в белорусской части зоны отчуждения этот хищник водится.

Хищники опасны еще и тем, что могут служить источником заражения бешенством. Тут наибольшую опасность представляют лисы и енотовидные собаки. Лиса – это общеизвестный переносчик вируса бешенства, более 80% случаев заражения человека от диких животных происходит именно при нападении больных лис. Енотовидная собака в силу большого распространения в зоне отчуждения также вполне реальный переносчик заболевания. К слову, последние несколько лет в летне-осенний период, когда наблюдается пик бешенства у диких животных, работники ЧАЭС отмечали неоднократные визиты енотовидной собаки на

территорию станции. Причем поведение лесного животного, активность которого приходится на сумеречное и ночное время, адекватным можно было назвать лишь с натяжкой. Среди бела дня енотовидная собака подбегала к проходной станции, металась вокруг здания, заглядывала в окна. Было похоже, что животное нездорово и, вероятней всего, было заражено бешенством.

Опасны и ядовитые представители полесской фауны – гадюка обыкновенная и шершни. Гадюк здесь много – это связано с обилием ее любимых местообитаний: болот и увлажненных лесов. Змей находят даже на промышленной площадке Чернобыльской АЭС, а несколько лет назад отмечалась вспышка контактов пресмыкающихся с персоналом станции, людям даже были даны рекомендации носить сапоги и чаще смотреть под ноги.

Вероятность встречи сталкера с шершнем в зоне отчуждения также достаточно высока. Эти насекомые распространены и строят гнезда в закрытых пространствах – дуплах, пустотах, брошенных помещениях. Несмотря на незначительные размеры, шершень – довольно опасное существо – один из авторов был свидетелем того, как одно насекомое на четыре часа вывело из строя взрослого мужчину, а в 2008 году от укуса шершня погиб электрик зоны.

Особо следует обратить внимание на все возрастающую опасность нападения волков. Бесконтрольный отстрел, как мы уже писали, привел к нарушениям в структуре волчьей стаи. Молодые хищники меньше боятся человека, они более агрессивны. Об этом свидетельствуют факты посещения волками ЧАЭС, вели они себя при этом достаточно нагло и безбоязненно заходили в рабочие зоны предприятия в поисках бездомных собак на ужин. В большинстве сталкерских отчетов, описывающих многодневные путешествия, присутствует упоминание о волчьем вое или о встречах с этим животным. Описан случай нападения семи волков на группу «идейных» сталкеров. Люди вовремя увидели приближающихся хищников и успели залезть на деревья. Волки же почти всю ночь рвали вещи и грызли провиант сидящих на соснах сталкеров.

2. Источники излучения . Деление территории зоны отчуждения на участки по радиологической опасности не гарантирует, что вам не встретятся высокоактивные участки или предметы, которые остались со времен ликвидации аварии. Сталкер не застрахован от получения дозы даже в самых «чистых» местах, и хоть речь не идет о поражении, способном вызвать лучевую или другую болезни, опасность эта серьезна по другим причинам. Контакт с сильно фонящими предметами и объектами может привести к загрязнению одежды, снаряжения или тела путешественника. Достаточно небольшой детали от техники, которая принимала участие в ликвидации, «грязного» помещения, в котором в 1986 году хранили вещи ликвидаторы, и т.д. Хуже всего, что, даже не подозревая об этом, сталкер принесет зараженные вещи домой. Причинив тем самым вред не только себе, но и окружающим.

3. Правоохранительные органы . Служба органов внутренних дел в зоне отчуждения не исчерпывается только охраной периметра и объектов. Поэтому если вам удалось «обойти КПП», это не значит, что вы больше не увидите людей в погонах. Есть оперативные подразделения, для которых работа – это ловить нелегальных посетителей. И если группа или сталкер-одиночка засветились, то начинается «охота». Порой для рейдов и зачисток привлекаются «неместные» подразделения силового профиля (спецназ и группы быстрого реагирования). Засветиться, кстати, очень легко. Зона отчуждения только на первый взгляд кажется безжизненной, на самом деле «глаз» здесь достаточно, а вычислить «неместного» по следам его пребывания опытному человеку очень легко. Пойманных этапируют в Ивановский районный суд через отдел МВД в Чернобыле. Кроме милиции, задержать сталкера могут представители пограничных войск, лесной охраны, оперативной группы ВОХРа.

4. Нелегальный сброд . В зоне таких предостаточно – охотники за металлом и стройматериалом, грибники, браконьеры. Достаточно красноречиво об опасности таких встреч рассказал в своей книге «Дерсу Узала» Владимир Арсеньев – известный российский путешественник, исследователь Дальнего Востока: «В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное – это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник, и зверь – каждый знает, что надо делать. Другое дело – человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку».

Полесские маргиналы в лучшем случае сдадут вас милиции, а могут лишить имущества, здоровья и жизни. Последний вариант не слишком большое преувеличение.

Трагический случай произошел несколько лет назад в одной семье «самоселов». К старикам приехал погостить сын и по традиции пошел ловить рыбу, да пропал. Больше трех недель искали его по всей чернобыльской зоне, а нашли недалеко от дома «самоселов», в старице реки Припять. Мертвого. К руке был привязан кусок металла...

Большую опасность могут представлять люди, открыто использующие в зоне отчуждения огнестрельное оружие. Некоторые «идейные» сталкеры вспоминают, что им доводилось видеть издали странных вооруженных людей. Отметим, что парням однозначно повезло выйти «сухими из воды», поскольку последствия встречи с такими незнакомцами лицом к лицу непредсказуемы.

Как объяснял один офицер милиции, «здесь браконьеров не любят не потому, что они животных истребляют, а потому, что любой ввезенный ствол часто находит свою цель среди людей». А уж произошло убийство преднамеренно или по неосторожности, совсем не важно.

5. Брошенные селения. Даже если забыть на время о радиоактивной опасности, разного рода ловушки подстерегают туристов в зоне на каждом шагу. В буквальном смысле. Брошенные колодцы, выгребные ямы, подвалы и прочие углубления за 20 лет так надежно спрятались в зарослях, что разглядеть их очень и очень сложно. А угодить и получить травму, напротив, довольно легко.

Повышенную угрозу представляют разрушающиеся здания заводов, ферм и жилых домов. Они в любую минуту готовы обрушиться на головы незадачливых путешественников. А ведь есть еще капканы, петли и ловушки, установленные на лесных тропах браконьерами и «самоселами». В многочисленных болотах полно топких мест, существующие для сталкеров опасности можно перечислять и перечислять. Впрочем, более-менее опытные туристы о них знают, но и им стоит помнить, что квалифицированную помощь в зоне могут оказать только в медсанчасти города Чернобыль или на ЧАЭС, а это может быть слишком далеко.

Иногда неоправданным рискам сталкеры подвергают себя сами. Однажды наша группа наткнулась на свежие следы пребывания нелегалов в одном из брошенных домов центральной части зоны отчуждения. Нас заинтересовало, что возле кроватей с брошенными новыми покрывалами стоял где-то найденный казан, полный обугленных кирпичей. Сначала мы даже не поняли, для чего понадобилось приносить сюда кирпичи, но после выяснилось, что, замерзая в доме без отопления, сталкеры не придумали ничего лучше, чем разжечь на веранде костер из половиц того же дома, раскалить на огне кирпичи и перенести их в спальню. Как им удалось не сжечь дом и не угореть, остается только удивляться.

Нам бы не хотелось, чтобы изложенная в книге информация побудила новых сталкеров к походам в зону отчуждения. Наша цель – стимулировать интерес к отчужденной территории и развитию цивилизованного туризма. Тех же, кто решит во что бы то ни стало проникнуть на режимный объект, хотим предостеречь: вы должны адекватно оценивать все риски. Спросите себя, готовы ли вы к такому «подвигу» психологически? А физически вы достаточно подготовлены?

Планируя поход, составляя маршрут передвижения, обязательно предусмотрите варианты «аварийного выхода» в случае непредвиденной, чрезвычайной ситуации. Обязательно продумывайте план ваших действий в экстренных случаях, обсудите эти моменты со своими коллегами-сталкерами. Найдите пути, по которым вы в случае необходимости быстро и легко выйдете к персоналу зоны отчуждения, и оперативно получите квалифицированную помощь, если вам будет уже не до конспирации.

Хорошенько изучите свое снаряжение, дозиметры, системы спутниковой навигации, рации и т.д., убедитесь в их исправности, возьмите запасные батарейки, лампочки. При путешествии пешком рассчитайте время прохождения каждого отрезка маршрута.

Возьмите с собой следующую информацию о местах дислокации в зоне людей:

Участок 1. Центральная часть зоны отчуждения. В Чернобыле и на Чернобыльской АЭС постоянно находятся квалифицированные медицинские работники, способные оказать профессиональную неотложную помощь круглосуточно и даже в выходные.

Телефон диспетчерской ЧАЭС: +380-459-343-107

Вид КПП в Полесском

Вид КПП в чернобыльской зоне отчуждения

Участок 2. Базы служб и предприятий на территории зоны отчуждения, где персонал находится круглосуточно. Это лесничества в Парышеве, Опачичах и Лубянке. Также всегда можно найти людей на железнодорожной станции Янов.

Участок 3. Контрольно-пропускные пункты на границах чернобыльской зоны. Работники

милиции обеспечены средствами связи и всегда имеют аптечку. На их помощь можно рассчитывать. КПП находятся в пределах таких населенных пунктов: Лелев, Парышев, Припять, Беневка, Диброва, Полесское.

Участок 4. Населенные пункты зоны отчуждения, в которых проживают «самоселы». В большинстве «самоселы» люди добросердечные и, несмотря на свой возраст, обязательно помогут попавшему в беду человеку. Напомним, «самоселов» можно найти в следующих населенных пунктах зоны отчуждения Теремцы, Ладыжичи, Парышев, Ильинцы, Диброва, Лубянка, Опачичи, Куповатое.

И еще несколько советов. Отправляясь в «сталкерский трип», сообщите вашим близким друзьям или знакомым, куда идете, по возможности оставьте им схему маршрута, назовите ожидаемое время возвращения. Кто-то обязательно должен знать, где вас искать в случае длительного отсутствия.

Большая часть зоны отчуждения покрыта мобильной сотовой связью таких операторов, как МТС и Укртелеком. Поэтому заранее введите номера телефонов милиции и медсанчасти и других экстренных служб в телефонные книги ваших мобильных. Следите за работоспособностью аппаратов на протяжении всего похода.

Феномен сталкера в современной действительности

Сталкеры и закон

Масштабы столь уникального социального явления, коим является чернобыльское сталкерство, можно оценить по сухим оперативным цифрам Министерства внутренних дел Украины, которыми они изредка делятся с прессой. Так, в 2007 году специальным батальоном милиции были задержаны 290 человек, незаконно проникших на территорию зоны отчуждения. Получается, что почти ежедневно милиция пресекала одну попытку нелегального входа в зону. За семь месяцев 2008 года количество задержанных увеличилось до 362 человек. Милиционеры объясняют этот рост повышением эффективности своей работы, но нам кажется, что дело здесь и в увеличении интереса к сталкерству.

В настоящее время отслеживание нелегальных туристов, а также браконьеров и мародеров на территории зоны отчуждения осуществляет около трехсот милиционеров. Для патрулирования на дорогах с твердым покрытием они используют автотранспорт. При контроле заброшенных лесных дорог стражи порядка приноровились ездить на древнейшем типе транспорта – гужевой повозке. Милиционеры в телеге с автоматами в руках – колоритный атрибут современной зоны отчуждения. В последние годы стали практиковать конные милицейские патрули, которые оказались достаточно эффективными.

Как всегда в случае с официальной статистикой, число задержанных правоохранительными органами сталкеров дает возможность представить общее количество самоходов. По экспертным оценкам, молодые люди, попавшие в руки милиционеров, – это всего лишь треть от подлинного числа сталкеров.

Однако проникновение в зону является административным правонарушением. Поэтому в последние годы законодотворцы вносят изменения в Административный и Уголовный кодексы Украины с целью усиления наказаний за это правонарушение, что в очередной раз доказывает: самоходы в зону приобрели массовый характер.

После последних изменений в Административном кодексе Украины, внесенных в 2007 году, закон за повреждение ограждения в охранном периметре тридцатикилометровой зоны отчуждения и самовольное проникновение на радиоактивно опасные территории предусматривает штраф, который максимально может достигать 30 необлагаемых минимумов. В Украине, согласно Закону «О налоге с доходов физических лиц», необлагаемый минимум составляет 17 гривен, что равно 2,5 долл. США или 80 русским рублям. Вроде не такая уж большая финансовая ответственность. Она не способна отпугнуть сталкерский люд. Скорее наоборот, если легальный однодневный тур в зону отчуждения стоит около 70–100 долл. США, то побывать в зоне нелегально и заплатить штраф получается гораздо дешевле. Если бы не одно большое «НО» – Уголовный кодекс Украины. Согласно статьям этого документа, за

проникновение в зону с целью вывоза продуктов питания (например, собранных в чернобыльских лесах орехов и ягод, а также рыбы и т.д.), предметов (мародерство) или охоты (браконьерство) можно даже попасть в тюрьму. Срок заключения может составлять от одного до трех лет, существуют и более внушительные штрафы – до 80 необлагаемых минимумов. Если же правоохранные органы докажут, что при посещении зоны отчуждения сталкер собрал, к примеру, грибы с целью последующей продажей за границей зоны отчуждения, то строгость наказания существенно возрастает. За продукты в тюрьму можно попасть уже годика на четыре. А в случае выноса материальных «раритетов» с целью последующей продажи, которыми могут быть и ржавый болт от вертолета, и старая фотография или древняя утварь из брошенного сельского дома зоны отчуждения, можно схлопотать пятилетний тюремный срок или существенные штрафы. На практике же сталкеры, впервые пойманные милиционерами, приговариваются судом к уплате штрафа, равного 100 необлагаемым минимумам, даже если в карманах экстремалов обнаружили небольшие «чернобыльские сувениры». Кроме того, с них возьмут плату за «услуги» милиции: содержание в кутузке, транспортировка в суд города Иванков и т.д.

Добавим, что ужесточение административной и уголовной ответственности за незаконное проникновение на территорию зоны отчуждения связано с участвовавшими случаями мародерства. Доказано, что среди населения городов, сел и деревень, пострадавших от чернобыльской аварии, уровень правонарушений заметно выше. Причины такого явления – обострение социальных проблем, снижение уровня жизни, проблемы с трудоустройством, нехватка жилья, деградация и криминализация культуры поведения, кризис системы образования, недостатки в работе правоохранительных органов. Честно говоря, криминогенная обстановка в пострадавших районах нередко достигает критических уровней. Авария нанесла сокрушительный удар по психике и социально-культурным ориентирам местного населения. Около половины опрошенного нами считают чернобыльскую катастрофу самым большим горем в своей жизни, каждый второй страдает от плохого настроения и общего тревожного состояния, и почти каждый рассчитывает только на всестороннюю государственную помощь.

КПП или милиционер на охране периметра зоны

Парадокс еще и в том, что все эти люди недовольны властями, но при этом демонстрируют

неистребимую иждивенческую позицию. Те же, кто пытается что-то делать, не имеют возможности реализоваться. Отсутствуют эффективные государственные механизмы, которые бы обеспечивали этим людям возможность содержать себя и свои семьи без помощи государства. Указанные противоречия порождают психологическую оправданность преступлений. Проникая на территорию зоны отчуждения с целью добычи, а по сути, кражи «чернобыльского» артефакта в виде металла, кирпича или другого ликвидного добра, сталкеры-аборигены оправдывают себя тем, что они берут то, что государство должно было им дать, но не дало.

Новая субкультура

Заочное знакомство со сталкерами, которое состоялось при анализе их отчетов, наводит на несколько мыслей. Как любая молодежная субкультура, чернобыльское сталкерство проходит этап становления. Крайне важно создать условия, при которых люди, «больные зоной», не нарушали бы закон. Существуют два сценария взаимоотношений между Администрацией зоны отчуждения и сталкерами – карательный и воспитательный.

Первый сценарий – это традиционный путь исправления социальной проблемы в нашем государстве, а именно – поймать, наказать и «чтоб другим неповадно было». При реализации этого пути возникает необходимость в усилении охраны как границы, так и самой территории зоны отчуждения, а также ужесточения наказаний. По сути, этот сценарий уже сейчас осуществляется силами МЧС и МВД в зоне отчуждения. Ведется патрулирование на маршрутах наиболее популярных среди матерых сталкеров, более пристально следят за территориями и объектами зоны отчуждения, которые привлекательны для правонарушителей. С учетом возросшего интереса к городу Припять его тоже стали тщательнее охранять, следят за въездом и выездом из города. Если раньше охрана находилась на КПП, то сейчас сотрудники два-три раза в день проводят обход города. Дополнительные заботы милиции, которая вместо борьбы с мародерством и браконьерством в зоне отчуждения тратит время и силы на поимку подростков, будут требовать и увеличения финансовых затрат. Решит ли это проблему нелегальных проникновений? Очень спорно, поскольку сталкеры с опытом уже наладили контакты с местными жителями (сталкерами-аборигенами) и даже некоторыми самоселами и быстро узнают обо всех изменениях в режиме патрулирования периметра чернобыльской зоны отчуждения. Усиление контроля будет иметь временный характер и, вероятно, не окажет ощутимого воздействия на сталкерскую братию.

Мы пытались обсуждать дальнейшую судьбу этого явления с его представителями. У них нет единого мнения по этому поводу, но чувствуется некоторое озлобление на представителей власти. Приведем цитату из переписки со сталкерами:

«Пока вы будете решать, какие методы будут полезней, люди будут лазить. И не вам решать, дорогие вы мои, кому туда ходить. Я считаю, что это в первую очередь индивидуальные проблемы каждого, кто ходит в зону. ...Помимо того, наша любимая страна будет в довесок раздевать народ посредством экскурсий. ...Пубертатная молодежь рвется туда после игр, но ее тоже можно понять. А всех под одну гребенку, ой как не есть хорошо. Что же вы так?) Лично от меня высказываю вам тотальный фэйл и незачет за дезинформацию».

Как видим, молодые люди, проникающие в зону отчуждения, достаточно своенравны и скептически относятся к статусу охраняемых территорий. Кроме того, «идейные» сталкеры – упрямый, рискованный и, главное, склонный к продуманным авантюрам народ. Хорошо зная топографию зоны отчуждения и свободно владея навыками скрытного передвижения, они легко могут оставаться незаметными для патрулей. К тому же усиление контроля делает для них поход более рискованным и, значит, более интересным! Возрастает экстремальность и, как следствие, увеличивается чувство собственного достоинства у того, кто удачно достиг поставленной цели и вернулся за периметр зоны отчуждения без милицейского сопровождения.

Второй подход – новаторский по своей сути, но радикальный для властей – легализация. Инфильтрация сталкеров в зону отчуждения исчезнет или существенно снизится лишь при условии, что это станет неприемлемым для самих сталкеров. Когда это будет невыгодно и непрестижно для них изначально. Это может произойти, если привлечь их к работам по охране

и уходу за территорией чернобыльской зоны отчуждения на общественных началах. Только на первый взгляд такая идея кажется абсурдной, но вспомните о процветающих в мире волонтерских движениях. Люди бескорыстно оказывают помощь ученым в проведении наблюдений за природой, помогают лесникам в охране и уходе за ценными природными объектами, а также принимают участие в работах по сохранению редких видов животных и птиц. Благодаря, кстати, волонтерам были сохранены местообитания северо-американских диких баранов и численность их популяции увеличилась на 50%. Больше того, волонтерами создаются общественные организации, которые успешно работают в сфере охраны конкретных видов животных. Примером тому могут служить Фонд чернохвостого оленя, Утки без границ, Фонд североамериканских диких баранов, Фонд дикой индейки. Иногда для защиты своих подопечных волонтеры организуют фонды для выкупа территории у государства и последующего создания там заповедника или национального парка.

Учитывая, что чернобыльская зона отчуждения сегодня де-факто является посттехногенным заповедником, а значительное число проводимых здесь работ подобно тем, что осуществляют в заповедниках, волонтеры могли бы подключиться к этому процессу. На 2600 квадратных километрах зоны экологической катастрофы работа для молодых энтузиастов найдется. Только направить их энергию нужно в правильное, позитивное русло.

Немаловажно, что такой подход, позволяющий молодым людям принимать участие в научном и производственном процессе предприятий зоны, имел бы и мощный просветительский и воспитательный характер. Согласитесь, это архиважно в условиях нашего деградирующего общества.

Эпилог

Через год исполнится 25 лет со дня аварии на ЧАЭС. Четверть века – это вполне достаточный срок для того, чтобы оглянуться в прошлое и подвести итоги. С этой же временной отметки можно попытаться рассмотреть будущее, во всяком случае, его общие черты.

Итак, что же осталось в прошлом? Первые пять лет после аварии можно назвать временем быстрых и масштабных решений. Была проведена эвакуация, создана зона отчуждения, проведена очистка ближней зоны, построен Саркофаг над четвертым энергоблоком, возведены хранилища радиоактивных отходов, образовавшихся в результате аварии. В этот период задачи и вопросы возникали молниеносно и столь же быстро требовалось их решать. Не было времени ни на размышления, ни на скрупулезные расчеты при помощи ЭВМ. Возможно, не все решения, принятые на тот момент, были эффективными и правильными, но они позволили достичь главной цели – локализовать источник загрязнения и изолировать наиболее загрязненные районы.

Если первые пять лет внимание руководства государства концентрировалось на объекте «Укрытие», промышленной площадке ЧАЭС и ближней зоне, то последующее десятилетие – 90-е годы – можно охарактеризовать как время, в котором решались вопросы управления территорией зоны отчуждения. Стало ясно, что это надолго, а такой крупный и уникальный объект не может оставаться без присмотра. Первым «звоночком» стал большой пожар в 1992 году, который прокатился по западной части зоны отчуждения с севера на юг. Тогда сгорело 170 км² радиоактивно-загрязненного леса и три деревни.

Выстроить систему управления территорией без населения, да еще представляющей собой открытый источник ионизирующего излучения, удалось. Были созданы службы и предприятия, которые занимались поддержанием правопорядка, пожарной безопасностью, контролем ионизирующего загрязнения, водным и лесным хозяйством, поддержанием инфраструктуры в рабочем состоянии. На тот момент в зоне работали 15 тысяч человек.

Это десятилетие можно охарактеризовать и как время масштабного исследования последствий аварии. В них участвовало более 300 отечественных и международных институтов. Одним из направлений исследований была реабилитация – поиск методов и средств восстановления хозяйственной деятельности на зараженной земле. Это было принципиально,

поскольку руководство воспринимало отчуждение территории как что-то ненормальное, требующее исправления. Сама история реабилитации напоминает описание военного отступления. Вначале ставилась радикальная задача полной очистки земли от радиоактивного загрязнения, потом компромиссная – возможность ведения ограниченного хозяйства с получением «чистой» продукции. К концу десятилетия человек капитулировал, признав, что по силам восстановить экологическое равновесие только самой природе. Люди с изумлением обнаружили, что без приказов сверху и инициатив снизу, без финансовых затрат и материальных ресурсов природная среда на территории зоны начала восстанавливаться. Как оказалось, время экологической «перезагрузки» живой природы сравнительно небольшое – всего пять лет. В результате был поставлен вопрос о создании заповедника в зоне отчуждения если не на всей территории, то хотя бы на отдельной ее части.

В 90-е же годы руководство зоны отчуждения столкнулось с неконтролируемыми «самоселами» и их попытками восстановить прежний уклад жизни. После четырех лет принудительного и добровольного выселения «самоселы» все же стали частью зоны отчуждения. Было очевидно, что эти люди отсюда никуда не уйдут.

Следующее десятилетие уже другого века можно назвать безвременьем. Новые задачи не ставились, а старые не решались. Медленно, но уверенно сократилось число работающих в зоне до 3–4 тысяч человек. Сюда начал явно проникать бизнес, поэтому десятилетие запомнилось рядом скандалов с вывозом из зоны металла, леса и других ценностей.

От реабилитации тихо отказались, но сама идея использовать зону хоть для чего-нибудь живет и процветает. Чего только ни предлагалось: и производство чистого биотоплива из рапса, выращенного в зоне отчуждения, и получение электроэнергии путем кремации брошенных деревянных домов, леса и травы, разведение скота для производства мясных консервов для украинской армии и многое другое. Несколько раз была озвучена мысль о сокращении зоны до 10 км, но как-то без особого успеха.

Характерной приметой этого времени стало массовое предложение откровенно утопических проектов. Академики альтернативных академий предлагали ускорить распад радионуклидов, используя принципы, которые «далеко вышли за пределы представлений современной физики». Провинциальные экологические фирмы предлагали очистить территорию с помощью секретного «ноу-хау», требуя миллион долларов за гектар. В самом факте существования таких альтернативно одаренных людей нет ничего удивительного. Удивительно другое – все эти проекты попадали и попадают в профильные «чернобыльские» организации в период смены руководства или «заряжаются» через высшие органы власти. Кто-то хорошо знает правила ловли рыбы в мутной воде.

Нулевые годы подарили новое проявление человеческого фактора – субкультуры «Stalker». Поколение, для которого Чернобыль не был событием сознательной жизни, стало по-своему воспринимать аварию ядерной катастрофы – через компьютерные игры, фантастические книги и легальное или нелегальное посещение зоны. Появился ядерный туризм со своими правилами, традициями и авторитетами. Его альтернативой стало сталкерство – нелегальное проникновение в зону отчуждения.

В эти годы сокращение численности людей в зоне стало очевидным. Сообщество «самоселов» уменьшилось на две трети, каждые два-три года пустело одно село.

Если подвести промежуточные итоги прошедших лет, то можно отметить, что была окончательно установлена печальная истина: даже при мобилизации колоссальных средств на уровне государства очистить столь большую территорию от столь сильного загрязнения невозможно. Еще один фактор, справиться с которым человеку оказалось не под силу, – это остановка миграции радионуклидов из зоны отчуждения на прилегающие территории. Зато выяснилось, что природа может вполне эффективно восстанавливаться и без человеческого вмешательства. Если говорить прямо, то все мы убедились в том, насколько человек слаб перед силами природы.

Если заглядывать в будущее, хотя, как известно, это занятие неблагодарное, то можно разделить предстоящие события на неизбежные и возможные. К неизбежному будущему относятся все природные процессы и часть процессов, которые зависят от человека (социальные, технологические и др.). К возможному будущему относятся только те процессы,

которые зависят от человека.

Распад радионуклидов – самый стабильный и однозначный природный процесс. За сто лет с момента аварии пройдет три периода полураспада цезия-137 и стронция-90 (сейчас это основные дозобразующие радионуклиды в зоне отчуждения). Таким образом, их концентрация в окружающей среде уменьшится на порядок. А вот распад долгоживущих элементов настолько медленный, что их концентрация существенно не изменится и за тысячелетие. Именно такие элементы и будут определять в будущем радиационное состояние этой территории.

Изменение растительного покрова – это тоже вполне предсказуемый процесс. Современные сосновые монокультурные леса за сто лет превратятся в смешанные. Кроме того, лесом будут зарастать бывшие поля, которые сейчас составляют треть площади зоны. Специалисты полагают, что половина покроется лесом уже через 50 лет. Соответственно, увеличится число лесных обитателей.

Сельская застройка почти полностью разрушится и исчезнет под растительным покровом. На ее месте останутся роши и кустарники. Более продолжительное существование ожидает городскую застройку из кирпича и бетона в городах Припять, Чернобыль и Чернобыль-2. Время превращения этих сооружений в руины оценивается в диапазоне 50–150 лет.

В ближайшей перспективе деятельность человека будет сосредоточена в центре зоны – на объекте «Укрытие», промышленной площадке ЧАЭС и связанных с ней технологических объектах. Нужно построить дополнительные конструкции над саркофагом, а также превратить остатки атомной станции в экологически безопасный объект. Эти работы потянут за собой развитие технологических комплексов, связанных с хранением и переработкой радиоактивных отходов.

Одной из самых сложных задач в этот период станет ликвидация водоема – охладителя станции. Уровень воды в нем на 6–7 метров выше уровня реки Припять и поддерживается он благодаря работе насосной станции. Через 2–3 года после отключения станции на месте пруда образуется несколько небольших озер, дно обнажится. Все приведенные выше задачи требуют больших финансовых вложений, но их выполнение мы относим к неизбежному будущему.

Несколько слов о «самоселах». Ведь эта уникальная группа населения просуществует еще не долго. Будущее у «самоселов» чернобыльской зоны в силу возраста довольно короткое – не более 10–15 лет. Сейчас в зоне насчитывается треть от их начального числа. Населенные пункты, где они проживают, условно делятся на три рабочие категории:

1. «Периферия» – 8 сел с населением до 10 человек в каждом.

2. «Золотой треугольник» – села Куповатое, Теремцы и Ильенцы с наиболее «молодым» населением.

3. Город Чернобыль – с населением в 100 человек.

Вероятно, вначале опустеет периферия, а «золотой треугольник» и Чернобыль продержатся дольше. Но, в конце концов, будет перевернута и эта уникальная страница истории Полесья. «Самоселы» сами это понимают, а потому стараются всеми силами сохранить чернобыльскую историю и культуру, создать музей. Люди хотят передать потомкам артефакты их коренного этноса. Со временем становится все меньше и меньше тех, кто хранит память о богатом историческом прошлом древлянского края. Прискорбно и то, что пройдут годы, чернобыльская земля станет чистой, пригодной для жизни, но никому будет рассказать о ее уникальных достопримечательностях – Чернобыльских пещерах, Замковой горе, о курганах вблизи Чернобыля, древних храмах и о многом другом.

Если говорить о возможном будущем, то в перспективе зона отчуждения может стать меньше. Из нее могут вывести южные районы или вообще сжать до границ периметра 10 км. Но, несмотря на оптимистические прогнозы, жизнь на этих участках будет сопряжена с риском наткнуться на локальные пятна высокого загрязнения. Однако исключать вероятность, что к какой-нибудь годовщине чиновники захотят продемонстрировать победу над «мирным атомом», уменьшив «страшную и ужасную» зону, мы не станем.

И все же зона отчуждения как таковая останется еще на длительное время. Дело еще и в том, что данная территория экономически ущербна, она никому не нужна. Такими же принято называть примыкающие к ней районы. Специалисты называют их «украинская тундра» из-за большой площади и низкой плотности населения. Быть эффективным источником дохода

территория зоны может, только сохранив свой статус. Этот статус гарантирует поступление бюджетных средств и бесконтрольность в прикарманивании ценностей, подобранных на руинах цивилизации.

Самое неопределенное будущее у сталкеров. Как показывает время, последнее десятилетие было наиболее благоприятным периодом для проникновений в чернобыльскую зону. Штрафы были мизерными, уголовной ответственности не существовало, а патрулирование периметра зоны было менее пристальным. Уж если и ловили сталкеров, то в подавляющем большинстве смотрели на них как на сумасшедших, поэтому традиционным наказанием от благодушных стражей была отправка «назад домой, к маме». Не было слышно в эти годы и о сколь-нибудь серьезных инцидентах, связанных с этой категорией посетителей зоны. Если так будет продолжаться и дальше, то сообщество сталкеров будет расти и усложняться. Появятся свои лидеры и авторитеты, начнется самоорганизация.

Вместе с тем не исключено, что у них уже в самое ближайшее время появятся серьезные проблемы. Во-первых, они отличная добыча для грабителей: человек приехал издалека, слабо ориентируется на местности, при себе имеет ценные вещи – цифровой фотоаппарат, GPS-навигатор и деньги (минимум – на обратный билет до Киева, максимум – на откуп милиции). Чем больше сталкеров станет появляться в чернобыльских лесах, тем скорее они станут объектом охоты для людей, не дружащих с законом.

Во-вторых, с ними могут начать активно бороться представители власти. Пока для этого еще не было хорошего резонансного повода, но появиться он может в любой момент: стоит одному из сталкеров погибнуть или покалечиться в зоне отчуждения, «засветиться» в криминальной истории как жертва или преступник, как «сверху» тут же последует команда «навести порядок».

В масштабах более далекой перспективы мы видим, как уникальные объекты зоны отчуждения разрушаются и вовсе исчезают. Пройдет всего пару лет, и о могильнике в Рассохе будут напоминать только остатки забора, да покрышки от машин. Город Припять закроют от посещений ядерными туристами, станут строго охранять, поскольку разрушенные временем многоэтажки станут слишком опасны. Чернобыль-2, являясь драгоценным объектом для украинской металлургии, будет, в конце концов, благополучно распилен и утилизирован. А как только все это исчезнет, угаснет и интерес к зоне со стороны кого бы то ни было, в том числе и туристов.

Возможное сокращение границ зоны сделает сталкерство бессмысленным, а развитие коммерческого туризма отнимет у играманов запретность и экстремальность, к которой они так стремятся. Однако «самоходство» в зону полностью не прекратится, оно, скорее всего, перейдет на коммерческие рельсы. Так постепенно этот участок земли, некогда таинственный и притягательный, станет просто лесным массивом, в котором нет для людей ничего интересного. Зона опустеет, и только многочисленные фотоархивы сталкеров и ресурсы Интернета сохранят память о вавилонской башне XX века – оплоте разрушенных амбиций человечества.